

D 02

MC 92

Проверено 1964 г.

-- МАЙ 2008

СПбГУ

5493

ПРОВЕРЕНО
2000г.

У 54

СПбГУ

СНБГУ

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ.

1862.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Въ Петербургѣ въ Типографіи Правительствующаго Сената.
1862 г. Января 17 числа.

ТОМЪ ХІ.

1 ФЕВРАЛЯ 1862

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ

С 1861

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

Печатать позволяется. С.-Петербургъ. 17 января 1862 г.
Ценсоръ *Обертъ*.

ТОМЪ XI.

1862 г. Января 17

С. ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ПЕЧАТНИКА ЮСТИЦІИ

I.

ЧАСТЬ ОФФИЦИАЛЬНАЯ.

ЧАСТЬ ФОНДА ПЕРВАЯ

СРОК

ОТДѢЛЪ I.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

ПОСТАНОВЛЕНІЯ ПО СУДЕБНОЙ ЧАСТИ, ОБНАРОДОВАННЫЯ ВЪ ТЧЕНІЕ ДЕКАБРЯ 1861 ГОДА.

1. *О дозволеніи производить допросъ подписавшимся подъ духовными завѣщаніями свидѣтелямъ, проживающимъ въ уѣздѣ, чрезъ члена земскаго суда.*

23 Октября 1861 года Высочайше утверждено и 1 декабря распубликовано Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, коимъ положено: въ дополненіе статьи 1050 зак. гражд. (св. зак. 1857 г. т. х ч. 1) постановить, что допросъ подписавшимся подъ духовными завѣщаніями свидѣтелямъ, проживающимъ въ уѣздѣ, дозволяется производить чрезъ члена земскаго суда.

2. *О порядкѣ уплаты процентныхъ денегъ по домамъ, лежащимъ на малолѣтнихъ.*

23 Октября 1861 г. Высочайше утверждено и 1 декабря тогоже года распубликовано мнѣніе государственнаго со-

вѣта, коимъ, въ дополненіе статьи 275 зак. гражд. (св. зак. 1857 г. т. х. ч. 1.), постановлено: что «дворянской опека дозволяется разрѣшать опекунамъ, если они представляютъ ей уважительныя доказательства о невозможности уплатить изъ доходовъ имѣнія малолѣтнихъ, проценты на долговую капитальную сумму, выдавать, съ согласія кредиторовъ, новыя, не свыше суммы сихъ процентовъ, заемныя обязательства, съ тѣмъ однако же, чтобы мѣра сія была употребляема лишь въ крайнихъ случаяхъ, и чтобы дворянская опека о всѣхъ подобныхъ разрѣшеніяхъ доносила гражданской палатѣ».

3. О мѣрѣ по взысканію недоимокъ за межевые планы и книги.

23 Октября 1861 г. Высочайше утверждено и 1 декабря опубликовано мнѣніе государственнаго совѣта, коимъ, въ дополненіе и измѣненіе подлежащихъ статей свода законовъ, постановлено: 1., На должностныя лица, виновныя въ медленныхъ и неправильныхъ дѣйствіяхъ по взысканію недоимокъ за межевые планы и книги, распространяется сила статей 550—555 устава о податяхъ (св. зак. 1857 г. т. х); 2., на владѣльцевъ, уклоняющихся отъ платежа слѣдующихъ съ нихъ въ казну денегъ за межевые планы и книги, распространяются общія мѣры понужденія, установленныя въ законахъ для назенныхъ взысканій.

4. О дополненіи примѣчанія п. 5 ст. 729 1-й ч. х. т.

27 Ноября 1861 г. Высочайше утверждено и 20 декабря опубликовано мнѣніе государственнаго совѣта, коимъ положено: примѣчаніе къ пункту 5 ст. 729 зак. гражд. (св. зак. 1857 г. т. х. ч. 1 по прод. III № 2) изложить такъ: «убѣднимъ судамъ кievской, подольской, волынской, екатеринославской, херсонской и таврической губерній, а равно и убѣднимъ и окружнымъ судамъ бессарабской области предоставляется право совершать крѣпостныя акты на сумму до шести сотъ рублей».

Отставной штабс-капитанъ
 Сулима — председателемъ полтавской межевой комисіи (25-го
 октября 1861 года).

ОТДѢЛЪ III.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВЪ.

ГЛАВНѢЙШІЯ ПЕРЕМѢНЫ ВЪ ЛИЧНОМЪ СОСТАВѢ ПО ВѢДОМ-
 СТВУ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

Приказъ министерства юстиціи отъ 8, 12 и 18 декабря за №№
 36, 37 и 38.

I. ПО ГУБЕРНСКИМЪ УЧРЕЖДЕНІЯМЪ.

Назначень: Чиновникъ особыхъ порученій VII-го класса
 при рижскомъ военномъ, лифляндскомъ, эстляндскомъ и кур-
 ляндскомъ генераль-губернаторѣ, коллежскій совѣтникъ *Шит-
 це* — лифляндскимъ губернскимъ прокуроромъ (2-го декабря
 1861 года).

II. ПО ГУБЕРНСКОЙ МЕЖЕВОЙ ЧАСТИ.

Утверждены по выборамъ: Отставной штабс-капитанъ
Сулима — председателемъ полтавской межевой комисіи (25-го
 октября 1861 года).

Отставной надворный совѣтникъ *Значко-Яворскій*, кандидатъ на должность члена полтавской межевой комисіи, майоръ *Дублянскій* и отставной коллежскій секретарь *Александровичъ*—членами межевыхъ комисій: первые двое—полтавской, а послѣдній—козелецкой (25-го октября 1861 года).

Членъ полтавской межевой комисіи, полковникъ *Рихтеръ*—кандидатомъ на должность члена этой комисіи (25-го октября 1861 года).

ОТСТАВНОЙ СОВѢТНИКЪ

ОТСТАВНОЙ СОВѢТНИКЪ

ОТСТАВНОЙ СОВѢТНИКЪ

ОТСТАВНОЙ СОВѢТНИКЪ

ОТСТАВНОЙ СОВѢТНИКЪ

ОТСТАВНОЙ СОВѢТНИКЪ

ОТСТАВНОЙ СОВѢТНИКЪ

II.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

РАСЧЕТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА

С 1967

ОТДѢЛЬ I.

О НѢКОТОРЫХЪ ОСОБЫХЪ ДОГОВОРАХЪ

ПО РУССКОМУ ПРАВУ.

(Изъ лекцій Д. И. Мейера).

I. ПОСТАВКА.

Поставкою называется договоръ, по которому одна сторона (*) обязывается доставить другой какую либо вещь за извѣстную цѣну, къ извѣстному сроку (!). Очевидно такимъ образомъ, что поставка, по существу своему, близко подходитъ къ куплѣ-продажѣ: какъ по договору купли-продажи за извѣстную цѣну передается какая либо вещь, точно также и по договору поставки. Средство обоихъ договоровъ окажется еще болѣе близкимъ, когда примемъ въ соображеніе, что и

(*) Сторона эта называется *поставщикомъ*, сторона же, по отношенію къ которой принимается обязательство, не имѣть у насъ особаго названія.

(!) Св. зак. гр. ст. 1737.

при куплѣ-продажѣ исполненіе по договору можетъ не совпадать съ заключеніемъ его. И дѣйствительно очень не рѣдко при заключеніи купли-продажи постановляется, что продавецъ обязывается доставить покупщику такую-то вещь къ такому-то времени, а не тотчасъ по заключеніи договора, такъ что иногда трудно опредѣлить, есть ли данный договоръ поставка или купля-продажа. Все различіе поставки отъ купли-продажи состоитъ въ томъ, что поставка предполагаетъ нѣкоторый промежутокъ времени между заключеніемъ и исполненіемъ договора, тогда какъ купля-продажа не предполагаетъ такого промежутка; правда и купля-продажа, какъ мы сейчасъ сказали, по соглашенію контрагентовъ можетъ содержать опредѣленіе о промежуткѣ между заключеніемъ договора и исполненіемъ по нему, но для купли-продажи этотъ промежутокъ не существенъ, онъ можетъ быть и не быть, тогда какъ для поставки онъ существенъ, такъ что если не назначено такого промежутка, а по мысли контрагентовъ исполненіе по договору немедленно должно слѣдовать за заключеніемъ его, то поставка имѣетъ, собственно, значеніе купли-продажи. Спрашивается, почему же законодательство придаетъ промежутку времени между заключеніемъ и исполненіемъ договора такое значеніе, что основываетъ на немъ различіе двухъ договоровъ? Дѣло въ томъ, что при куплѣ-продажѣ лицо, обязывающееся доставленіемъ вещи другому лицу, предполагается собственникомъ вещи: законодательство именно постановляетъ, что только собственникъ можетъ продавать имущество (1). Между тѣмъ не всегда лицо, обязывающееся доставленіемъ вещи другому, уже при самомъ заключеніи договора является собственникомъ ея, и даже быть можетъ вещь, о доставленіи которой идетъ рѣчь, пока еще вовсе не существуетъ въ природѣ; но тѣмъ не менѣе лицо можетъ впоследствии приобрести право собственности на данную вещь и въ срокъ договора доставить ее контрагенту. Итакъ, слѣдатель-

(1) Св. зак. гр. ст. 1384.

но при поставкѣ не имѣть мѣста предположеніе, что поставщикъ собственникъ вещи, которую онъ обязывается доставить, какъ при куплѣ-продажѣ, а получаетъ мѣсто другое предположеніе, что при заключеніи договора поставщикъ не собственникъ вещи (хотя ничто не мѣшаетъ ему быть ея собственникомъ уже и въ то время), а ему нужно еще время для пріобрѣтенія по ней права собственности.

Поставка имѣетъ очень важное значеніе въ юридическомъ быту, дополняя собою куплю-продажу: купля-продажа, какъ извѣстно, двигаетъ торговые обороты, но она даетъ возможность заключать сдѣлки только о предметахъ, находящихся въ собственности продавца, между тѣмъ не всегда продавецъ при самомъ заключеніи договора имѣетъ уже достаточное количество товара и не всегда возможно это, — напр., при требованіи очень значительнаго количества товара, какъ при покупкахъ, дѣлаемыхъ государствомъ для войска, — тогда какъ при существованіи обоихъ договоровъ, купли-продажи и поставки, есть возможность обязываться не только доставленіемъ вещей, составляющихъ собственность обязывающагося лица, но и доставленіемъ вещей, при заключеніи договора еще не находящихся въ собственности его или даже еще вовсе не существующихъ въ природѣ. Но что касается до юридическаго существа поставки, то за исключеніемъ лишь особенности, что поставка существенно предполагаетъ нѣкоторый промежутокъ времени между заключеніемъ договора и исполненіемъ по нему, она совершенно сходна съ куплею-продажею, такъ что опредѣленія о куплѣ-продажѣ вполне примѣняются и къ поставкѣ, при соображеніи, конечно, общихъ юридическихъ опредѣленій о совершеніи исполненіи и прекращеніи договоровъ. Вотъ почему въ практикѣ оба договора почти не отличаются одинъ отъ другаго, такъ что на биржѣ вовсе и не говорится о поставкѣ, а только о куплѣ-продажѣ.

Такъ какъ при поставкѣ идетъ рѣчь о доставленіи вещи не немедленно, а по истеченіи извѣстнаго времени, при наступленіи же срока договора цѣна вещи можетъ быть иная,

нежели какая существуетъ при заключеніи его, то въ сдѣлкахъ между частными лицами цѣна поставки не рѣдко опредѣляется цѣною, какая будетъ существовать на товаръ, составляющій предметъ поставки, къ сроку договора (*). Напр., 1-го октября лицо обязывается поставить другому такое-то количество хлѣба къ 1-му марта слѣдующаго года, по цѣнѣ, какая въ то время будетъ на хлѣбъ. Однако же въ ббльшей части случаевъ цѣна товара опредѣляется уже при самомъ заключеніи договора. Если въ срокъ поставки цѣна товара значительное, нежели какая назначена по договору, и нѣтъ затрудненія приобрѣсти товаръ, тогда понятно, что для лица, имѣющаго право на полученіе товара, все равно получить ли товаръ, или ту сумму, за которую можно приобрѣсти его. Но такъ какъ и лицо, имѣющее по договору право на доставленіе товара, съ своей стороны также должно произвести условленную плату поставщику, то лицу этому, собственно, приходится получить или товаръ, или разность между цѣною его по договору и рыночною цѣною въ срокъ поставки. Напр., поставщикъ обязался доставить другому лицу 1000 четвертей пшеницы, по 5 р. за четверть, между тѣмъ въ срокъ поставки пшеница возвышается до 6 р. за четверть: лицу, которому должна быть доставлена пшеница, все равно получить ли отъ поставщика пшеницу, или получить отъ него 1000 р. и на эти деньги съ добавленіемъ платы, слѣдовавшей за поставку, самому купить пшеницу. Наоборотъ, когда въ срокъ поставки цѣна товара ниже назначенной по договору, поставщику все равно, приметъ ли отъ него покупатель товаръ и заплатитъ ему по высшей цѣнѣ, или покупатель самъ приобрѣтетъ товаръ, а ему заплатитъ только разность цѣны по договору. Наприм., къ сроку поставки цѣна пшеницы не повышается, а понижается до 4 р.: очевидно, поставщику все равно купить ли 1000 четвертей пшеницы, по 4 р. за четверть, поставить

(*) Въ поставкахъ, заключаемыхъ частными лицами съ казною, цѣна товара всегда точно опредѣляется при самомъ заключеніи договора (св. зак. гр. ст. 1821).

ее покупателю, и взять съ него по 5 р., или вовсе не постав-
лять пшеницу покупателю, а только взять съ него свою при-
быль, 1000 руб. Но такимъ образомъ оказываются возмож-
ными и такого рода поставки, въ которыхъ неидетъ, собствен-
но, рѣчь о доставленіи товара, а только объ уплатѣ разно-
сти между цѣною его по договору и рыночною цѣною въ срокъ
поставки. И дѣйствительно, въ большихъ торговыхъ городахъ
такія сдѣлки заключаются въ большомъ количествѣ, состав-
ляютъ обширную спекуляцію, привлекаютъ очень значитель-
ное число участниковъ—это такъ называемыя *сдѣлки о раз-*
ности. Всего чаще предметомъ ихъ являются государственныя
облигаціи, т. е. заемныя обязательства государства, и акціи
промышленныхъ обществъ, компаній. Тѣ и другія на важнѣй-
шихъ европейскихъ биржахъ постоянно являются предметами
сдѣлокъ: одно лицо сбываетъ фонды или акціи, обмѣниваетъ
ихъ на наличныя деньги, другое приобретаетъ, покупаетъ ихъ,
такъ что фонды и акціи имѣютъ биржевой курсъ, подлежа-
щій безпрестаннымъ колебаніямъ, то онъ повышается, то по-
нижается, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе бла-
гопріятнымъ для кредита государства или положенія дѣлъ
компаній. И до того курсъ на акціи компаній и въ особен-
ности на государственныя облигаціи чувствителенъ, что иног-
да ничтожное какое либо событіе, даже пустой слухъ въ со-
стояніи измѣнить его, такъ что по отношенію къ этимъ пред-
метамъ всего скорѣе можно рассчитывать, что курсъ ихъ къ
сроку поставки будетъ разниться съ цѣною, назначенною по
договору. И вотъ очень часто заключаются такого рода сдѣл-
ки, что одно лицо обязывается поставить другому, въ такое-
то время, опредѣленное количество, напр., государственныхъ
облигацій извѣстной цѣнности, по такой-то цѣнѣ; но контра-
генты вовсе не имѣютъ въ виду дѣйствительную поставку об-
лигацій, а только расчетъ въ разности: если въ срокъ постав-
ки цѣна облигацій будетъ ниже, чѣмъ назначено по догово-
ру, то разность курса выплачивается поставщику, если же
выше, то покупатель уплачиваетъ разность курса противному
контрагенту. Но точно также и другіе товары могутъ быть

предметомъ сдѣлокъ о разности, ибо курсъ на всѣ предметы подлежитъ колебаніямъ: рыночная цѣна товаровъ одного времени болѣе или менѣе разнится отъ цѣны другого времени. Дѣйствительно, не рѣдко и другіе предметы, не только государственныя облигаціи и акціи промышленныхъ компаній, а напр., хлѣбъ, сахаръ, хлопчатая бумага и т.д., входятъ въ кругъ спекуляцій, имѣющихъ цѣлю одинъ расчетъ — разности курса. Очевидно, что чрезвычайно трудно, а иногда даже не возможно отличить сдѣлку, имѣющую въ виду одну разность курса, отъ сдѣлки серьезной, имѣющей цѣлю дѣйствительное доставленіе имущества. Иногда, правда, по нѣкоторымъ признакамъ, можно предполагать, идетъ ли рѣчь о разности курса или только, или о дѣйствительномъ доставленіи вещи, но только можно предполагать. Напр., когда хлѣбный торговецъ обязывается поставить известное количество хлѣба другому хлѣбному же торговцу, или когда фермеръ обязывается поставить хлѣбному торговцу известное количество хлѣба, то можно полагать, что дѣло идетъ о дѣйствительной поставкѣ. Но напр., когда лицо, вовсе не занимающееся операціями по хлѣбной торговлѣ, заключаетъ договоръ о поставкѣ хлѣба, въ притомъ въ значительномъ количествѣ, то можно предполагать, что тутъ дѣло идетъ объ одной разности курса, но, повторяемъ, только предполагать. Въ сдѣлкахъ же по государственнымъ облигаціямъ еще труднѣе отличить истинную сдѣлку отъ сдѣлки для видимости, такъ какъ каждое лицо можетъ приобрести государственныя облигаціи, какъ скоро по какимъ либо временнымъ расчетамъ находитъ выгоднымъ для себя затратить капиталъ на такое приобрѣтеніе. Между тѣмъ для экономическаго быта сдѣлки о разности, касающіяся ли онѣ государственныхъ облигацій или другихъ предметовъ — все равно, оказываются чрезвычайно вредными: онѣ разжигаютъ страсти, побуждаютъ человѣка рисковать, ставить свое достояніе въ зависимость отъ случая, словомъ, представляютъ тотъ же вредъ, какой представляютъ азартныя игры, лоттереи. Кроме того сдѣлки о разности побуждаютъ участниковъ оказывать вліяніе на курсъ товара, создать курсъ, выгодный для нихъ, и такъ какъ въ

этихъ сдѣлкахъ принимаютъ участіе многія лица, то соединенными силами, посредствомъ ложныхъ слуховъ, иногда очень ловко пускаемыхъ въ оборотъ, они не рѣдко дѣйствительно успѣваютъ въ томъ, такъ что курсъ товара повышается или понижается не по естественнымъ экономическимъ законамъ, а мѣрами искусственными. Но такъ какъ цѣна на предметы одна и та же какъ для дѣйствительныхъ поставокъ, такъ и для кажущихся, то и выходитъ, что цѣна измѣняется въ угоду лицамъ, занимающимся сдѣлками, какъ азартною игрою. Но и этимъ не исчерпывается дурная сторона сдѣлокъ о разности, а присовокупляется еще тотъ вредъ, что сдѣлки эти, ничѣмъ не отличающіяся по содержанию и формѣ отъ сдѣлокъ дѣйствительныхъ, присоединяются къ нимъ и даютъ видъ, будто запросъ на извѣстный предметъ увеличивается, а по экономическимъ законамъ съ увеличеніемъ запроса возвышается и цѣна предмета, такъ что мнимыя сдѣлки уже однимъ существованіемъ своимъ производятъ возвышеніе цѣны на предметъ, о которомъ въ нихъ идетъ рѣчь. Такъ напр., если вмѣсто 1000 сдѣлокъ о поставкѣ хлѣба будетъ заключено 2000 сдѣлокъ, то хотя бы на половину онѣ были мнимыя, тѣмъ не менѣе запросъ на хлѣбъ кажется удвоившимся и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣна на него по истиннымъ сдѣлкамъ непременно увеличивается, такъ что истинное мѣрило цѣнности теряется и производится искусственная дороговизна, въ высшей степени пагубная, когда касается предметовъ продовольствія. Соображая все это, многія законодательства запрещаютъ сдѣлки о разности и отказываютъ имъ въ судебной защитѣ. Такъ напр., поступаетъ французское законодательство. Точно также и наше законодательство признаетъ эти сдѣлки запрещенными биржевыми договорами. Но къ сожалѣнію, эта мѣра недостаточна для противодѣйствія сдѣлкамъ о разности, а нужны еще мѣры административныя, напр., чтобъ биржевая полиція слѣдила за людьми, занимающимися такими сдѣлками, и удалила бы ихъ отъ участія въ биржевыхъ оборотахъ. Къ счастью, въ нашемъ отечествѣ еще не развился такъ духъ спеку-

ляцій, какъ развился онъ въ западной Европѣ, и сдѣлки о разности курса у насъ не въ большемъ ходу, а случаются лишь въ тѣхъ городахъ, гдѣ производится ви́шняя торговля. Но въ главныхъ торговыхъ городахъ западной Европы, напр., въ Парижѣ, Лондонѣ эта биржевая игра въ полномъ разгарѣ, и ежедневно десятки людей лишаются своего состоянія, хотя, конечно, есть лица, которыя случайно и разживаются биржевою игрою.

II. ЗАПРОДАЖА.

Запродажа—это договоръ, по которому одно лицо обязывается продать другому, а другое купить какую либо вещь, въ извѣстный срокъ, за извѣстную цѣну (1). Договоръ этотъ не есть поставка, потому что хотя по поставкѣ отъ одного контрагента другому также доставляется какое-либо имущество, въ извѣстный срокъ и за извѣстную плату, но во исполненіе того же договора, тогда какъ все исполненіе по договору запродажи состоитъ въ заключеніи договора купли-продажи. Онъ отличается отъ купли-продажи тѣмъ, что не устанавливаетъ для контрагента права на передачу вещи въ собственность и для другаго права на полученіе платы, а только право на заключеніе относительно вещи договора купли-продажи въ будущемъ: запродажа только предшествуетъ куплѣ-продажѣ. Собственно говоря, соглашеніе, по которому лицо обязывается впоследствии заключить извѣстный договоръ, можетъ предшествовать какому бы то ни было договору: точно также какъ лицо обязывается тогда-то продать имущество, лицо можетъ обязаться напр., дать деньги въ заемъ, или обязаться за-

(1) Св. зак. гр. ст. 1679.

ключить договоръ найма и т. д. (*). Но въ нашей практикѣ развить въ особенности договоръ о будущемъ совершении купли-продажи, и притомъ болѣе по отношенію къ имуществу недвижимому (**), а потому и законодательство упоминаетъ особо только о запродажѣ, хотя, конечно, тѣмъ не устраняются соглашения о будущемъ заключеніи другихъ договоровъ. Это явленіе дѣйствительности объясняется тѣмъ, что совершеніе купли-продажи по недвижимому имуществу соединяется со многими формальностями, исполненіе которыхъ не во всякое время возможно для контрагентовъ, или нерѣдко бываютъ различныя препятствія къ заключенію купли-продажи, напр., на имуществѣ лежитъ запрещеніе, а между тѣмъ собственникъ желаетъ произвести отчужденіе имущества, другому лицу желательно приобрести его, и вотъ они договариваются о заключеніи купли-продажи въ будущемъ, когда имъ удобно будетъ исполнить формальности, требуемыя при совершеніи купли-продажи, или когда устранится существующее для нея препятствіе. Отчасти оно объясняется также тѣмъ, что съ совершеніемъ купчей крѣпости связаны довольно значительные расходы, болѣе или менѣе тягостные для контрагентовъ, а между тѣмъ, когда купля-продажа производится между людьми близкими, то приобретатель имущества и безъ купчей крѣпости, и безъ формальнаго ввода во владѣніе, фактически, можетъ распоряжаться имъ наравнѣ съ собственникомъ: но нужно же приобрести

(*) Въ римскомъ правѣ такой договоръ называется *pactum de pacto contrahendo*.

(**) Относительно движимаго имущества запродажа встрѣчается гораздо рѣже, да и въ тѣхъ случаяхъ, когда встрѣчается, договоръ является запродажею только по имени, по существу же дѣла это болѣею частию поставка. Напр., помѣщикъ запродаетъ весною хлѣбъ, имѣющій родиться у него осенью: договоръ такого рода называется обыкновенно запродажею, но это не запродажа, потому что помѣщикъ не обязывается впоследствии заключить съ покупателемъ куплю-продажу относительно хлѣба, а уже этимъ самымъ договоромъ обязывается доставить ему хлѣбъ, по такъ какъ это обязательство относится къ будущему времени и притомъ касается предмета, пока еще несуществующаго въ природѣ и слѣдовательно не составляющаго собственности помѣщика, то нельзя свести договоръ и къ куплѣ-продажѣ, а слѣдуетъ свести его именно къ поставкѣ.

имущества на всякой случай имѣть какой либо актъ, который бы обезпечивалъ его отъ возможныхъ препятствій со стороны продавца. И вотъ они заключаютъ относительно имущества договоръ запродажи, по которому покупатель обязывается уплатить продавцу цѣну продажи, а продавецъ—когда-либо впоследствии совершить купчую крѣпость на имущество и передать ее покупателю. Существенны для договора запродажи, по опредѣленію законодательства, два условія (1): опредѣленіе времени, въ которое долженъ быть заключенъ договоръ купли-продажи, и означеніе цѣны продажи. Опредѣленіе времени существенно потому, что иначе запродажа можетъ оказаться договоромъ мнимымъ. Напр., лицо обязывается заключить договоръ купли-продажи, но не опредѣляется время совершенія договора: тогда, по мысли законодательства, лицо можетъ вовсе уклониться отъ исполненія договора запродажи, всегда отыскавъ, что оно заключить куплю-продажу когда-нибудь впоследствии, хотя, по нашему мнѣнію, если договоромъ запродажи не опредѣлено время совершенія купли-продажи, то это значить, что лицо обязано заключить куплю-продажу во всякое время, когда того потребуетъ противная сторона. Время въ актахъ договора запродажи обыкновенно или обозначается годомъ и мѣсяцемъ, когда должна быть совершена купчая крѣпость, или опредѣляется наступленіемъ какого либо обстоятельства, напр., устраненіемъ препятствія къ совершенію купчей крѣпости, снятіемъ запрещенія съ запродаваемого имущества. Означеніе цѣны запродажи необходимо потому, что иначе договоръ запродажи можетъ остаться безъ всякаго дѣйствія: два лица соглашаются заключить договоръ купли-продажи—на какихъ же условіяхъ?—Понятно, что если эти условія не опредѣлены, то контрагенты свободно могутъ уклониться отъ исполненія договора, стоитъ только лицу, запродавшему имущество, запросить за него цѣну чрезъ-чуръ высокую, или покупателю предложить за него цѣну несоразмѣрно низкую.

(1) Св. зак. гр. ст. 1681, 1682.

Совершается запродажа относительно имущества недви-
 жимаго составленіемъ *запродажной записи*, акта, совершаемаго
 на крѣпостной гербовой бумагѣ, по цѣнѣ запродаваемаго иму-
 щества, порядкомъ крѣпостнымъ — явочнымъ, а относительно
 движимаго — совершеніемъ письменнаго же акта, порядкомъ
 маклерскимъ ⁽¹⁾. Юридическія отношенія по договору запро-
 дажи, какъ уже и сказано, состоятъ въ томъ, что та и дру-
 гая договаривающаяся сторона обязываются въ извѣстное время
 совершить куплю-продажу, но ни лицо запродающее не въ
 правѣ требовать по запродажной записи платежа цѣны про-
 дажи, безъ особаго о томъ соглашенія, ни покупатель не въ
 правѣ требовать передачи себѣ запроданнаго имущества. За-
 конодательство даже особо постановляетъ, чтобъ въ запродаж-
 ную запись не включалось условіе о сдачѣ запродаваемаго
 имущества покупателю немедленно по совершеніи записи, и
 въ особенности полиція вмѣняетъ въ обязанность наблюдать,
 чтобы по запродажнымъ записямъ не передавались недвижи-
 мыя имущества, подъ опасеніемъ взыскапія какъ съ продавца,
 такъ и съ покупателя штрафа, равнаго количеству крѣпост-
 ныхъ пошлинъ по запродажной цѣнѣ имущества, независимо
 отъ пошлинъ, подлежащихъ уплатѣ при совершеніи купчей
 крѣпости ⁽²⁾. Законодательство желаетъ этимъ предупредить ук-
 лоненія отъ совершенія купчихъ крѣпостей и платежа связан-
 ныхъ съ ними пошлинъ въ пользу казны. Но, какъ мы ска-
 зали, фактически владѣніе недвижимыми имуществами по за-
 продажнымъ записямъ все-таки встрѣчается. Въ практикѣ иног-
 да высказывается мнѣніе, будто только лицо, запродающее
 имущество, является обязаннымъ по договору запродажи, лицо
 же, имѣющее въ виду пріобрѣсти его, нисколько не связы-
 вается этимъ договоромъ. Но такое мнѣніе совершенно оши-
 бочно, противно существу договора запродажи: напротивъ,
 точно также какъ для хозяина имущества по запродажѣ ус-

(1) Св. зак. гр. ст. 1680, 1683, 1690.

(2) Тамъ же, ст. 1684.

становляется обязательство совершить относительно его куплю-продажу, такъ и для покупателя устанавливается обязательство совершить этотъ договоръ, такъ что если продавецъ не можетъ впоследствии уклониться отъ продажи, то и покупатель не можетъ уклониться отъ покупки запроданнаго имущества. Однако же договоръ купли-продажи, какъ и всякой другой договоръ, предполагаетъ соглашеніе контрагентовъ, готовность продавца продать имущество, готовность покупателя приобрести его, но такого соглашенія можетъ и не доставать, такъ что совершеніе купли-продажи можетъ оказаться невозможнымъ. Такимъ образомъ, исполненіе по договору запродажи вынудить нельзя, и очевидно, что запродажа нуждается въ обезпеченіи, которое могло бы побудить участниковъ договора къ исполненію его. Справедливо, конечно, что при всякомъ договорѣ контрагенты могутъ уклониться отъ совершенія дѣйствія, составляющаго предметъ договора, и тогда сторона, чье право нарушается неустойчивостью противной стороны, можетъ требовать лишь вознагражденія за убытки, происшедшіе отъ нарушенія ея права (1). Справедливо, что и уклоненіе одного контрагента отъ исполненія договора запродажи, отъ совершенія купли-продажи, также составляетъ нарушеніе права другаго контрагента и влечетъ за собою обязательство вознаградить его за убытки. Но между тѣмъ какъ при нарушеніи права по другимъ договорамъ убытки, отъ того происходящіе, всегда болѣе или менѣе осязательны и удобоопредѣлимы, убытки, происходящіе отъ нарушенія договора запродажи, не всегда осязательны и не только трудно ихъ исчислить, но иногда даже невозможно. И вотъ поэтому-то запродажа обыкновенно обезпечивается неустойкою, и при томъ столь значительною, что она лишаетъ контрагента всякой охоты уклониться отъ исполненія договора. Неустойка эта налагается или на одного только запродающаго, или на одного только покупателя имущества, или на того и другаго вмѣстѣ, равная по количеству, или не равная, по соглашенію между контрагентами (2).

(1) Св. зак. гр. ст. 569, 570.

(2) Тамъ же, ст. 1679, 1681, 1685—1689.

III. ПОКЛАЖА.

Поклажа, называемая также *отдачею на сохранение*, представляется договоромъ, по которому одно лицо передаетъ другому на сохранение какое либо движимое имущество на определенный срокъ или безсрочно, за вознаграждение или безъ вознаграждения, съ правомъ потребовать его обратно. Она близко граничитъ съ нѣкоторыми другими договорами, именно съ наймомъ имущества и наймомъ личнымъ, и потому прежде всего для точнаго понятія о поклажѣ надобно показать ея отличие отъ этихъ договоровъ. Поклажа сродна найму имущества: точно также какъ имущество отдается на сохранение лицу, у него можетъ быть нанято помѣщеніе и въ это помѣщеніе сложено имущество. Но разница между обоими договорами та, что хозяинъ помѣщенія, отданнаго въ наемъ для склада имущества, не отвѣчаетъ за цѣлость этого имущества, тогда какъ существо поклажи именно въ томъ и состоитъ, что приниматель имущества обязывается хранить его. Поклажа сродна личному найму: по договору поклажи имущество отдается на сохранение какому либо лицу, но въдь и по личному найму лицо можетъ обязаться храненіемъ имущества. И справедливо, что иногда довольно трудно отличить поклажу отъ личнаго найма. Однако же и между этими договорами разница существенная: поклажа, по самой цѣли своей, можетъ касаться только имущества движимаго, ибо только это имущество нуждается въ такомъ охраненіи, что нужно дать ему помѣщеніе, тогда какъ личный наемъ можетъ касаться и недвижимаго имущества, и кромѣ того, при личномъ наймѣ имущество состоитъ за нанимателемъ, считается въ его владѣніи, — наемщикъ только служитъ нанимателю, тогда какъ при поклажѣ имущество находится въ рукахъ принимателя и нѣтъ между нимъ и отдавателемъ иму-

щества никакихъ личныхъ отношеній—поклажа *договоръ имущественный*, тогда какъ личный наемъ *договоръ личный*. Такимъ образомъ, ни условіе о срокѣ, ни предметъ договора, ни возмездіе не отличаютъ поклажу отъ найма имущественнаго и личнаго. И дѣйствительно, если наемъ имущества, равно какъ и наемъ личный, всегда заключаются на срокъ, то и поклажа точно также всегда заключается на срокъ; правда, что большею частію срокъ ея не опредѣляется при самомъ заключеніи договора, а наступаетъ по требованію того или другаго контрагента о прекращеніи его, тогда какъ при наймѣ (имущественномъ и личномъ) срокъ не рѣдко обозначается при заключеніи договора, и это даже неизбѣжно, когда договоръ совершается при участіи общественной власти; но и поклажа иногда сопровождается, и всегда можетъ сопровождаться, опредѣленіемъ о срокѣ; съ другой стороны и при заключеніи найма (имущественнаго или личнаго) не всегда опредѣляется время продолженія договора, а иногда контрагенты предоставляютъ себѣ прекратить его, по усмотрѣнію, во всякое время, какъ и при поклажѣ. То же самое приходится сказать и о возмездіи: наемъ обыкновенно бываетъ возмезденъ, поклажа обыкновенно безвозмездна, но вѣдь она можетъ быть, и иногда бываетъ, и возмездна.

Поклажа, какъ сейчасъ сказано, то представляется договоромъ возмезднымъ, то безмезднымъ. Чаще всего однако же поклажа является безмездною. И отсюда уже можно заключать, что она совершается большею частію между лицами, связанными какими либо тѣсными узами, напр. узами родства, дружбы, тѣмъ болѣе, что отдача имущества на сохраненіе предполагаетъ довѣріе къ принимающему, притомъ довѣріе чисто нравственное, ибо развѣ только рѣдко отдаватель можетъ обезпечить себя матеріально относительно отдаваемаго имущества. Разумѣется, что матеріальное обезпеченіе возможно, напр. принимаемый имущества въ обезпеченіе отдавателя можетъ представить ему денежную сумму. Но тогда опять нельзя ожидать, чтобъ поклажа была безмездною: тре-

бование обезпеченія со стороны принимаателя показываетъ недо-
 вѣріе къ нему, но если таковы отношенія его къ отдава-
 телю имущества, то конечно принимаатель не станетъ безмезд-
 но оказывать ему услугу. Сообразно этому, и отношенія по
 поклажѣ вращаются болѣе въ сферѣ нравственной, нежели
 юридической, по крайней мѣрѣ юридическая сторона этихъ
 отношеній стоитъ на второмъ планѣ. Между тѣмъ мы нахо-
 димъ въ законодательствѣ довольно тщательное и подробное
 опредѣленіе объ этомъ договорѣ: даже послѣ втораго изданія
 свода законовъ уже снова издано положеніе о поклажѣ (!), тогда
 какъ другія части свода гражданскихъ законовъ, хотя и не
 менѣе нуждаются въ измѣненіи дополненій и пока еще оставлены
 въ первоначальномъ видѣ. Но заботливость законодательства
 о поклажѣ объясняется другими обстоятельствами, пожалуй
 побочными поклажѣ, но соприкасающимися ея, и вотъ почему
 законодательство позаботилось тщательно опредѣлить отношенія,
 возникающія по этому договору. Такъ, одною изъ побудитель-
 ныхъ причинъ къ тому служить для законодательства то об-
 стоятельство, что поклажа иногда прикрываетъ заемъ. Бы-
 ваетъ, и нерѣдко, что заключается заемъ, а слѣдка при-
 нимаетъ видъ поклажи: заимообратель не занимаетъ денегъ у
 заимодавца, а какъ бы беретъ у него деньги на сохраненіе.
 Различныя интересы и соображенія побуждаютъ контрагент-
 товъ къ такому притворству. Иногда сословныя или обще-
 ственныя предразсудки, напр., знатный господинъ занимаетъ
 деньги у простолюдина: ему кажется неблаговиднымъ, предо-
 судительнымъ дать простолюдину заемное письмо, одол-
 жаться у него, и вотъ онъ даетъ ему сохранную росписку,
 гдѣ уже онъ оказываетъ услугу простолюдину, принимаетъ
 его деньги на сохраненіе, или напр., отецъ занимаетъ деньги
 у дочери, но даетъ ей не заемное письмо, какъ бы слѣдо-
 вало, а сохранную росписку. Иногда соблазняютъ къ при-

(1) 1846 год., іюн. 17 (п. с. в. втор. № 20135).

творной поклажѣ денежные расчеты, расчеты корысти: актъ договора поклажи, сохранная росписка, пишется на простой бумагѣ и не свидѣтельствуется у маклера, слѣдов. контрагенты избавляются отъ платежа пошлинъ, съ которыми связано совершеніе заемнаго письма. Наконецъ, для заимодавца еще и тотъ расчетъ дать займу видъ поклажи, что при несостоятельности должника имущество, отданное ему на сохраненіе, выдѣляется изъ конкурсной массы и въ цѣлости выдается его собственнику (кредитору по сохранной роспискѣ), тогда какъ заимодавецъ (кредиторъ по заемному письму) получаетъ удовлетвореніе на ряду съ другими вѣрителями, по соразмѣрности (1). И вотъ законодательство, если не надѣется совершенно устранить замѣну займа поклажею, то старается по крайней мѣрѣ затруднить ее (*). Далѣе заботливость законодательства о поклажѣ объясняется тѣмъ, что въ иныхъ случаяхъ договоръ этотъ заключается внезапно, какъ бы невольно, и нѣтъ возможности соблюсти все правила, установленныя относительно поклажи: тогда, разумѣется, контрагенты не могутъ сами опредѣлить свои отношенія и приходится опредѣлить ихъ законодательству, и притомъ болѣе или менѣе отступить отъ опредѣленій о поклажѣ, данныхъ на случаи обыкновенные, не внезапные. Таковъ напр. случай, когда войска внезапно оставляютъ квартиры и, не

(1) Св. зак. гр. ст. 2119.

(*) Наоборотъ, бываютъ случаи, что заемъ прикрываетъ поклажу, или по крайней мѣрѣ приближаются къ займу, тогда какъ желали бы заключить только поклажу. Напр., въ Петербургѣ, Москвѣ верѣдко бываетъ, что собственникъ драгоцѣнныхъ вещей, отправляясь изъ города, желаетъ дать своимъ вещамъ вѣрное безопасное помѣщеніе и съ этою цѣлію закладываетъ ихъ въ сохранной казнѣ, занимая у нея какую либо сумму денегъ: юридическія отношенія здѣсь обезживаются, конечно, какъ отношенія по займу, но залогодатель вовсе не имѣетъ въ виду воспользоваться наличными деньгами, а имѣетъ только въ виду, что деньги легче хранить, нежели какія либо драгоцѣнныя вещи, и вообще заключаетъ заемъ лишь потому, что сохранная казна, по уставу своему, не заключаетъ договора поклажи, а другаго, столь же безопаснаго помѣщенія, какъ у нея собственникъ своимъ вещамъ не находитъ.

имѣя возможности надлежащимъ образомъ распорядиться относительно своего имущества, должны оставить его на рукахъ обывателей, хозяевъ домовъ, въ которыхъ они квартировали. Сюда же относится случай, когда лицо, вслѣдствіе какого либо неожиданнаго несчастія, напр., пожара, наводненія, засуетится, потеряетъ присутствіе духа и раздастъ свои вещи тому—другому, первому встрѣчному, вовсе и не думая о юридическихъ отношеніяхъ, въ какія вступаетъ, а тѣмъ менѣ имѣя возможность укрѣпить свою сдѣлку какимъ либо письменнымъ актомъ. Наконецъ, законодательство побуждается къ подробному опредѣленію договора поклажи случаями несостоятельности лица: у несостоятельнаго должника оказывается иногда имущество, отданное ему на сохраненіе, или его имущество находится на сохраненіи у другаго лица и законодательству приходится дать на эти случаи полныя и точныя опредѣленія, чтобы чужое имущество не пошло на удовлетвореніе вѣрителей несостоятельнаго должника, но чтобы съ другой стороны и его имущество, находящееся на сохраненіи у сторонняго лица, не укрылось отъ вѣрителей, чтобы они получили удовлетвореніе, если не полное, то по возможности большее (1).

Опредѣленія законодательства о поклажѣ касаются совершенія договора, юридическихъ отношеній, изъ него вытекающихъ, и прекращенія договора.

Поклажа совершается словесно или письменно, порядкомъ домашнимъ. Нормально, по мысли и опредѣленію законодательства, поклажа совершается письменно, т. е. приематель имущества на сохраненіе выдаетъ отдавателю собственноручно написанную, такъ называемую *сохранную росписку*, которая и составляетъ совершенное доказательство поклажи (2). Имущество, отдаваемое на сохраненіе, подробно описывается

(1) Св. зак. гр. ст. 2111, 2112, 2114, 2120 2123.

(2) Тамъ же, ст. 2104. 2111.

въ актѣ поклажи, и если это деньги, то означается не только сумма, но и родъ монеты, т. е. бумажныя ли это деньги или звонкая монета, если бумажныя деньги, то какой цѣны и за какими нумерами, а если звонкая монета, то какая именно: золотая или серебряная и какого достоинства, какого чекана и года (1). Законодательство желаетъ этимъ устранить распоряженіе деньгами со стороны принимаателя и затруднить прикрытіе займа поклажею. Но должно сказать, что подробное описаніе денегъ, отдаваемыхъ на сохраненіе, еще не даетъ достаточнаго ручательства за устраненіе распоряженія ими со стороны принимаателя. Что же можетъ быть означено въ звонкой монетѣ? годъ чекава? Но въ теченіи года чеканится много монетъ, и можно издержать одиѣ и приобрѣсти другія монеты того же года. Притомъ, очень легко удовлетворить этому требованію законодательства и все таки обойти законъ: стоитъ только дать болѣе общее обозначеніе деньгамъ, обозначеніе, которое давало бы принимателю возможность возратить какъ бы именно тѣ деньги, которыя были отданы ему. Такъ обыкновенно и дѣлается, когда поклажа совершается съ заднею мыслию, съ мыслию прикрыть заемъ: бумажнымъ деньгамъ нельзя дать общаго обозначенія, ибо каждый кредитный билетъ снабженъ особымъ номеромъ, и потому въ такомъ случаѣ въ актѣ поклажи обыкновенно означается, что деньги отданы на сохраненіе звонкою монетою, притомъ чекана одного изъ послѣднихъ годовъ, чтобы принимателю, въ случаѣ крайности, была возможность дѣйствительно представить такую звонкую монету. Можно бы еще, для устраненія употребленія денегъ со стороны принимаателя, требовать запечатанія ихъ: какъ скоро печать, которою запечатаны деньги, находится въ рукахъ отдавателя, то принимаатель уже не имѣетъ возможности распорядиться деньгами. Но законодательство не требуетъ этого, а предоставляетъ на усмотрѣніе отдавателя. Да едва ли это

(1) Св. зак. гр. ст. 2111.

и помѣшаетъ прикрытію займа поклажею. Сохранная росписка пишется на простой бумагѣ и не доставляетъ казнѣ никакого дохода. Вотъ почему между прочимъ, какъ мы и сказали уже, прибѣгаютъ къ сохранной роспискѣ для прикрытія займа поклажею, и вотъ одна изъ причинъ, почему законодательство сильно возстаетъ противъ такого злоупотребленія договоромъ поклажи, почему оно принимаетъ мѣры, которыя бы затрудняли возможность замѣны займа поклажею. Но и само законодательство, не увѣренное въ успѣхъ этихъ мѣръ, какъ бы ожидаетъ, что поклажа въ смыслъ займа все-таки будетъ встрѣчаться въ дѣйствительности, и вотъ постановляетъ, что при обличеніи займа, прикрытаго поклажею, съ контрагентовъ взывается втрое противъ того, что заплатили бы они при совершеніи заемнаго письма (1), хотя самый договоръ и не признается недѣйствительнымъ, какъ говорили иногда наши практики до положенія о поклажѣ 1846 года. Въ нѣкоторыхъ только случаяхъ поклажа совершается словесно (2): 1) когда она заключается при какомъ либо несчастномъ обстоятельстве, напримѣръ, пожарѣ, наводненіи; 2) при внезапномъ и скоромъ выступленіи войска въ походъ; 3) когда заключается лицами торговаго сословія. Въ торговомъ быту нерѣдко встрѣчается, что напримѣръ, купецъ или крестьянинъ привозитъ въ городъ товаръ и, не находя ему сбыта, оставляетъ его на время у своего знакомаго безъ всякой росписки. Таковъ обычай торговый, и онъ нисколько не страненъ, потому что какъ скоро лицо оказываетъ только услугу, а поклажа дѣйствительно составляетъ услугу, потому что очень рѣдко лицо, принимающее имущество на сохраненіе, рассчитываетъ на какое либо вознагражденіе за то, то оно не согласится дать росписку, потому что требованіе ея показываетъ уже недовѣріе къ принимающему. И вотъ законодательство уважаетъ этотъ обычай.

(1) Св. зак. гр. ст. 2114.

(2) Тамъ же, ст. 2112.

Юридическія отношенія, возникающія по договору поклажи, на первомъ планѣ представляютъ обязательство принимающаго беречь имущество, принятое имъ на сохраненіе. Принимающій, именно, обязанъ заботиться о немъ наравнѣ съ своимъ собственнымъ имуществомъ, такъ что мѣра вниманія лица къ собственнымъ интересамъ (*diligentia quam suis rebus*) составляетъ и мѣру отвѣтственности его, какъ принимающаго, по договору поклажи (1). Нельзя требовать, чтобы лицо оказывало чужому имуществу болѣе вниманія, чѣмъ своему собственному, хотя впрочемъ въ области морали принимается противное: мы признаемъ себя обязанными большимъ вниманіемъ, когда приходится отвѣчать передъ стороннимъ лицомъ, нежели когда только предъ самими собою. Поэтому, нѣтъ для принимающаго никакой отвѣтственности, когда по какому либо несчастному случаю вещи, отданныя ему на сохраненіе, погибнуть вмѣстѣ съ его собственными вещами. И мало того, законодательство на-столько входитъ въ интересы принимающаго, что даже до нѣкоторой степени эгоизмъ его признаетъ законнымъ: именно постановляетъ, что если имущество, принятое на сохраненіе, не иначе можетъ быть спасено принимающимъ, какъ съ потерей собственнаго имущества, то также нѣтъ для него отвѣтственности за гибель чужаго имущества. Законодательство признаетъ справедливымъ смыслъ, выражающійся пословицею: *«своя рубашка ближе къ телу»*. Такимъ образомъ, если принимающему предстоитъ выборъ пожертвовать своимъ имуществомъ или чужимъ, отданнымъ ему на сохраненіе, онъ можетъ безопасно пожертвовать чужимъ имуществомъ для сбереженія своего. Отъ принимающаго тогда требуется только подтвердительная присяга, что онъ не могъ спасти имущество, отданное ему на сохраненіе, безъ утраты своего собственнаго, и она совершенно освобождаетъ его отъ отвѣтственности, развѣ будетъ доказано, что присяга принята ложно (2). Сообразно

(1) Св. зак. гр. ст. 2105.

(2) Тамъ же, ст. 2106.

обязанности хранителя имущества, онъ приобретаетъ право владѣнія имъ: имущество поступаетъ въ его завѣдываніе. Но владѣніе хранителя не есть владѣніе самостоятельное, юридическое въ техническомъ смыслѣ этого слова, потому что, принимая имущество на сохраненіе, лицо отрывается отъ владѣнія этимъ имуществомъ какъ своимъ. Поэтому, сколько бы ни было продолжительно владѣніе на основаніи договора поклажи, ни въ какомъ случаѣ оно не можетъ вести къ приобретению права собственности по имуществу. Другое дѣло, когда настанетъ срокъ договору поклажи, для хранителя откроется обязательство возвратить имущество лицу, отдавшему его на сохраненіе, и имущество не будетъ возвращено: тогда уже начнется владѣніе юридическое, ибо невозвращеніемъ имущества въ срокъ хранитель уже выражаетъ намѣреніе владѣть имъ какъ своею собственностію, и какъ скоро хозяинъ имущества пропуститъ срокъ давности для предъявленія иска, дѣйствительно сдѣлается собственникомъ имущества. Но право владѣнія хранителя не сопровождается правомъ пользованія имуществомъ (1). И нѣтъ надобности, чтобы имущество было отдано хранителю за замкомъ или печатью: а законное обязательство замѣняетъ замокъ и печать. Разумѣется, въ предупрежденіе самовольнаго пользованія имуществомъ со стороны хранителя лучше передавать его за замкомъ или печатью, тѣмъ болѣе, что этимъ отдаватель уже явственно выразилъ свою волю, чтобы обязательство хранителя воздерживаться отъ пользованія имуществомъ было соблюдено вполнѣ. Но кромѣ того, съ запечатаніемъ имущества, съ заключеніемъ его подъ замокъ при отдачѣ на сохраненіе соединяется еще и другое послѣдствіе: если помѣщеніе, въ которомъ находятся вещи, будетъ вскрыто хранителемъ или печати будутъ разломаны, то онъ отвѣчаетъ за всякій ущербъ въ имуществѣ по показанію отда-

(1) Св. зак. гр. ст. 2107.

вателя, отъ котораго требуется только подтвердительная присяга, что такихъ то вещей дѣйствительно не оказалось, или что вещи потеряли поврежденіе на столько то. Спрашивается, можно ли допустить такую присягу со стороны отдавателя тогда, когда есть сохранная расписка, въ которой означены вещи, отданныя на сохраненіе, и всѣ онѣ оказываются на лицо, а между тѣмъ замокъ сломанъ, печати оборваны? По смыслу опредѣленія законодательства выходитъ, что и въ такомъ случаѣ отдаватель имущества можетъ показать объ утратѣ вещей и, если подтвердить это показаніе присягою, можетъ требовать вознагражденія за утрату, хотя конечно было бы правильнѣе допустить такое требованіе, подтверждаемое дополнительной присягою, только тогда, когда вещи оказываются испорченными, умащенными въ цѣнности. Возможно однако же такое пользованіе имуществомъ, которое дается невольно, безъ особеннаго желанія, безъ всякихъ особыхъ мѣръ со стороны принимаателя. Напр., отдаются на сохраненіе картины, статуи и принимаатель украшаетъ ими свою квартиру, смотритъ на нихъ, это будетъ также пользованіе, но оно не имѣетъ никакого юридическаго значенія. Точно также принимаатель имущества можетъ пользоваться имъ, когда это явственно предоставлено ему отдавателемъ. Дѣйствительно бываетъ, что лицо, отдавая другому на сохраненіе свое имущество, въ видѣ вознагражденія за то предоставляетъ пользоваться имъ во время продолженія договора. Но, конечно, предоставленіе пользованія можетъ имѣть мѣсто только относительно такого имущества, которое не разрушается непосредственно отъ употребленія, потому что право пользованія имуществомъ потребляемымъ предполагаетъ право распоряженія имъ, а право распоряженія ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть предоставлено по договору поклажи; это противно существу ея и совершенная нелѣзость, когда по договору поклажи принимаателю предоставляется право пользованія вещами потребляемыми: а тутъ уже является другая сдѣлка-заемъ.

По наступленіи срока поклажи принимае́ль обяза́нъ возрати́ть отда́нное ему́ на сохра́неніе имущество́ въ цѣлос-ти (1). Сро́къ же поклажи или не опредѣляется при заключе-ніи ея и тогда наступае́тъ во всякое время по требова́нію того или друго́го контрагента о прекра́щеніи догово́ра, или не́рѣдко опредѣляется уже при самомъ заключеніи поклажи. Но сро́къ здѣсь имѣе́тъ двоякое значеніе: большо́ю частию смы́сль его то́тъ, что отдава́тель имущества на сохра́неніе, при наступленіи срока, обяза́нъ взять его обратно, такъ что́ для принима́теля послѣ́ срока догово́ра нѣтъ уже такой от-вѣтственности по имуществу, ка́кая существуе́тъ до наступ-ленія́ срока, и онъ не только обяза́нъ возрати́ть имущество́ по истече́ніи срока, но и въ права́хъ требова́ть, чтобы контра-гентъ взял его обратно. Или смы́сль срока то́тъ, что при-нима́тель имущества на сохра́неніе въ права́хъ возрати́ть его не ра́нѣе извѣстна́го времени, такъ что́ отдава́тель не може́тъ требова́ть выда́чи себѣ́ имущества ра́нѣе срока. Напр., такой случай: принима́тель имущества на́мѣрева́ется отлучи́ться ку-да́ либо изъ своего́ мѣстожи́тельства и полагае́тъ возрати́ться не ра́нѣе извѣстна́го времени, а сдѣ́лать распоряже́ніе о вы-дачѣ́ имущества отдава́телю во всякое время, по его́ требо-ванію, затрудняе́тся, и вотъ онъ выговаривае́тъ сро́къ, ра́нѣе ко-торо́го имущество́ не може́тъ бы́ть потребо́вано обратно. Слѣ́дов. въ первомъ случаѣ́ сро́къ устанавлива́ется въ интере́сѣ отдава́теля: это́ его́ право, чтобы́ имущество́ до извѣстна́го времени́ было́ на попече́ніи принима́теля; а во второмъ въ интере́сѣ принима́теля: онъ не обяза́нъ возвраща́ть вещь ра́нѣе опредѣленна́го времени. Но́ есть случаи, въ кото́рыхъ принима́тель имущества обяза́нъ предъявля́ть его́ независимо́ отъ како́го либо особа́го требова́нія о возвращеніи. Таковы́ именно случаи́ несостоя́тельности отдава́теля: принима́тель имущества на сохра́неніе обяза́нъ предста́вить его́ тому́ мѣс-

(1) Св. зак. гр. ст. 2103.

ту, которое завѣдываетъ дѣлами несостоятельнаго отдавателя (1). Конечно большею частію о несостоятельности лица дѣлается публикація и съ тѣмъ вмѣстѣ лица, имѣющія на сохраненіи какія либо вещи несостоятельнаго, приглашаются представить ихъ въ извѣстный срокъ такому то мѣсту. Но и, независимо отъ приглашенія, для принимателя есть обязательство представить эти вещи, какъ скоро несостоятельность отдавателя ему извѣстна; въ случаѣ же непредставленія онъ подвергается штрафу, равняющемуся двадцати процентамъ цѣны находящагося у него имущества, независимо отъ отвѣтственности, которой онъ можетъ подвергнуться уголовнымъ порядкомъ за утайку имущества или за стачку съ несостоятельнымъ должникомъ. Наконецъ приниматель имущества, пропустившій срокъ возвращенія его, именно вслѣдствіе того подлежить отвѣтственности и за случайную погибель (или поврежденіе) имущества, тогда какъ до наступленія обязательства возвратить его, мы видѣли, онъ свободенъ отъ такой отвѣтственности (2). Положимъ, имущество было потребовано отъ принимателя, но не было имъ доставлено, а потомъ по несчастному случаю сторѣло: все-таки приниматель отвѣчаетъ за имущество, хотя бы, по вѣроятію, та же участь постигла его и въ рукахъ отдавателя, напр., оба они сосѣди и одинъ и тотъ же пожаръ истребилъ ихъ имущество. Отдаватель имущества на сохраненіе, съ своей стороны, обязанъ принять его обратно по наступленіи срока поклажи, иначе приниматель можетъ представить его въ полицейское или судебное мѣсто и тѣмъ устранить отъ отвѣтственности, или даже онъ можетъ оставить имущество у себя и все-таки не отвѣчаетъ за его цѣлость и, кромѣ того, въ правѣ требовать отъ отдавателя вознагражденія за убытки, понесенные имъ отъ непринятія своевременно имущества, напр., платы за помещеніе, въ которомъ оно находилось (3).

(1) Св. зак. гр. ст. 2120—2123.

(2) Тамъ же, ст. 2105, 2115.

(3) Тамъ же, ст. 2107, 2110, 570.

Кромѣ того отдаватель обязанъ вознаградить принимателя за храненіе имущества, если въ договорѣ было о томъ постановлено. Но само собою условіе о вознагражденіи за поклажу не предполагается. И потому, какъ скоро не назначена плата за храненіе имущества, договоръ считается безмезднымъ, хотя бы приниматель имущества занимался храненіемъ его какъ промысломъ и была бы у него извѣстная такса, по которой онъ выговариваетъ себѣ вознагражденіе. Наприм., скорнякъ принимаетъ на сохраненіе мѣховыя вещи и это его промыселъ; но если въ сохранный роспискѣ, выданной имъ отдавателю вещи, не означена плата за поклажу, то и не предполагается, что вещь отдана на сохраненіе за плату, а договоръ считается безмезднымъ. Когда поклажа прикрываетъ заемъ, то разумѣется не отдаватель имущества платитъ принимателю, а наоборотъ приниматель отдавателю, только что въ актѣ поклажи этого не обнаруживается, а лишь означается большая сумма поклажи, нежели какая дѣйствительно вручается принимателю, ибо конечно показалось бы весьма страннымъ значеніе договора, по которому налагается обязательство на принимателя и еще онъ же платитъ отдавателю, такъ что это легко могло бы повести къ обличенію займа, прикрытаго поклажею. Наконецъ, независимо отъ всего этого, отдаватель имущества обязанъ вознаградить принимателя за издержки, какія необходимо было произвести ему для сохраненія имущества, наприм., на перемѣщеніе его изъ одного мѣста въ другое, на переборъ его и т. п. На такія издержки не требуется особаго полномочія со стороны отдавателя (1).

Прекращается поклажа сообразно своему содержанію. Самый обыкновенный способъ прекращенія этого договора тотъ, что имущество, принятое на сохраненіе, возвращается отдавателю. Или имущество гибнетъ въ рукахъ принимателя, съ отвѣтственностію или безъ отвѣтственности для него, все

(1) Св. зак. гр. ст. 2107.

равноз. поклада все-таки прекращается. Равнымъ образомъ она прекращается и тогда, когда приниматель имущества на сохраненіе приобрѣтаетъ на него другое какое-либо право, такъ что новая сдѣлка поглощаетъ покладу, наприм., принимаетъ, покупаетъ вещь, или приобрѣтаетъ надъ нею право залога.

Изд. А. ВИЦЫНЪ.

СЛѢДУ

ЗНАЧЕНІЕ

НАРОДНЫХЪ ЮРИДИЧЕСКИХЪ ОБЫЧАЕВЪ

Не хвалю намъ искать правду въ нѣмцахъ; у насъ есть правда по закону святу, юже принесомъ съ собою отци наши.

(Судъ Любушинъ).

До послѣдняго времени у насъ преимущественное вниманіе обращалось въ юридической литературѣ на теорію права и на исторію русскаго законодательства. Но теперь, вмѣсто того, вниманіе, главнымъ образомъ, начинаетъ сосредоточиваться на разсмотрѣніи нашего положительнаго, нынѣ дѣйствующаго законодательства. Пробужденная въ обществѣ потребность, съ одной стороны, ближе познакомиться съ правомъ, съ нашими законами, съ другой по возможности улучшить, исправить эти законы, указать на недостатки и пробѣлы въ нихъ,—породила въ литературѣ вообще и особенно юридической цѣлый рой статей и мелкихъ замѣтокъ, далеко не безполезныхъ. Сумма всѣхъ замѣчаній, достаточно разсмотрѣнная и провѣренная, очищенная, могла бы принести существенную пользу въ дѣлѣ переработки и усовершенствованія законодательныхъ кодексовъ, тѣмъ болѣе что и литература и общество наше достаточно уже подготовлены къ тому, чтобы имѣть здравое сужденіе о вопросахъ общей потребности.

Но, чтобы эта подготовка была полнѣе, чтобы ранѣе были заготовлены матеріалы,—на основаніи коихъ подать

голосъ, намъ кажется, что не мѣшаетъ теперь же обратиться къ собранію этихъ матеріаловъ, къ извлеченію ихъ изъ живой жизни, изъ народныхъ понятій, убѣжденій, изъ народныхъ юридическихъ воззрѣній и обычаевъ, а равномѣрно изъ воззрѣній и обычаевъ, установленныхъ временемъ въ юридической практикѣ, въ нашихъ судахъ и расправахъ.

Жизнь народная такъ обильна фактами и проявленіями, такъ безконечно-разнообразны они, что уловить ихъ вполнѣ и выразить въ словѣ и письмѣ нѣтъ никакой возможности. Но, съ другой стороны, мы не лишены возможности изъ фактовъ и проявленій жизни уловить общія начала, принципы, взять общія идеи и ими воспользоваться, — для пользы той же жизни, — возведеніемъ изъ обычая въ законъ. Такой законъ, созданный изъ свѣжаго матеріала, всегда будетъ жизненнымъ, цѣлительнымъ, а не мертвою только буквою, формою, созданною отвлеченно отъ жизни, ея условій, потребностей.

Предполагаемая у насъ и совершающіяся уже отчасти законодательныя реформы, чтобы имѣть твердое основаніе, необходимо должны основываться на матеріалахъ, взятыхъ изъ самой дѣйствительности, — а здѣсь-то и можно черпать ихъ полною рукою. Дѣло, конечно, не легкое, требующее умѣнья въ собираніи матеріаловъ и хорошихъ знаній народной жизни; вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло не скоро исполнимое, требующее достаточно времени, тѣмъ болѣе, что у насъ, по этой части, до сихъ поръ почти или почти ничего еще не сдѣлано, ничего не подготовлено.

Юридическимъ обычаямъ народнымъ мы придаемъ особую цѣну и значеніе въ дѣлѣ кодификаціи, въ дѣлѣ жизни, наконецъ, — и это также не послѣдней важности фактъ, — въ дѣлѣ русской юридической науки, въ ея успѣшномъ, поступательномъ развитіи. Мы дожили до того сознанія — и этимъ особенно должны гордиться, — дожили до убѣжденія, что русское право, въ обширномъ значеніи этого слова, должно идти своимъ путемъ, имѣть свое самостоятельное развитіе, своеобразную исторію этого развитія, бокъ-о-бокъ съ развитіемъ всей народной жизни. Мы сознали уже, что какъ своеобраз-

но отъ запада развивается и должна развиваться наша жизнь, такъ своеобразно должно быть и развитіе русской науки права. Мы увѣрены, что эта наука, со временемъ, выработаетъ новыя начала, новыя основы права, подобно тому какъ увѣрены, что русской народъ имѣетъ своимъ назначеніемъ выработать самостоятельно своеобразныя формы государственной жизни, отличныя отъ формъ, созданныхъ западными народами. Главное заключается *лишь* въ томъ, чтобы дать полную свободу этому развитію, освободить народъ отъ нѣмецкихъ, французскихъ и другихъ пеленокъ, изъ которыхъ онъ выросъ, и которыя даже и прежде не были пригодны для него, были не по его росту. Да не упрекнуть насъ въ мечтательности и въ утрировкѣ значенія русской народности, ея будущности! Чтобы убѣдиться въ этомъ—достаточно нашей исторіи. Чтобы убѣдиться, вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ будущемъ русскаго права—достаточно также исторіи этого права. И мы высказываемъ не новую мысль: относительно исторіи вообще ее высказывали уже многіе; относительно будущности нашего права можемъ также сослаться, хотя, напри- мѣръ, на г. Дмитріева, на его слова въ концѣ «исторіи судебныхъ инстанцій и гражданскаго апелляціоннаго судопроизводства отъ судебника до учрежденія о губерніяхъ».

Да и можетъ ли быть иначе? Народныя юридическія обычаи у насъ существуютъ и дѣйствіе ихъ обширно—въ этомъ не можетъ быть рѣчи. Въ обычной жизни своей народъ, конечно, руководствуется не сводомъ законовъ, не уставами, учрежденіями, положеніями и т. п., а своими неписанными законами, выработанными жизнью установившимися юридическими воззрѣніями и обычаями. Цѣлыя поколѣнія изживаютъ, не зная—не вѣдая, или не прибѣгая къ своду, къ писаннымъ и утвержденнымъ верховною властью законамъ. И между тѣмъ, никто не скажетъ, чтобы они жили одною животною жизнью. Въ сферѣ своихъ нуждъ и потребностей, они также, какъ и мы, живутъ юридическою жизнью, живутъ въ правдѣ и справедливости. Они точно также вступаютъ между собою въ разнообразныя юридическія отношенія, вступаютъ въ сдѣлки, до безконеч-

ности разнородныя, мѣняются, покупаются и продаются, нанимаются имущества и личные услуги, сами нанимаются, запрягаютъ, дарятъ, берутъ въ займы, ссужаютъ, заключаютъ брачныя договоры, наследуютъ, и проч. и проч. Это въ сферѣ гражданского права. Точно также, независимо отъ писанныхъ законовъ, они нерѣдко дѣйствуютъ и въ сферѣ уголовного права, судятъ виновныхъ, караютъ ихъ тѣлесными и денежными наказаніями. Однимъ словомъ, живутъ полною жизнью, безъ свода законовъ, по своимъ законамъ, присущимъ ихъ понятіямъ и воззрѣніямъ, соответственнымъ ихъ быту, условіямъ этого быта. Они руководствуются, такъ сказать, *обычаемъ-закономъ*. Какіе же эти законы? знаемъ-ли мы ихъ? въ какой формѣ отливаются они? какая сила ихъ, значеніе, дѣйственность? обширны-ли предѣлы ихъ власти? Вотъ вопросы, на которые намъ, руководствующимся письменными законами, обыкновенно, большею частью приходится отвѣчать не знаемъ, не знаемъ, не знаемъ. . . . А почему мы не знаемъ? отвѣтъ простой, незамысловатый и самый естественный: оттого, что знать сами не хотимъ, не любопытствуемъ, не вглядываемся въ проявленія юридической народной жизни. А между тѣмъ какое разнообразіе и какой высокій интересъ должна представлять эта жизнь, не уловимая формами письменности! . . . Вглядитесь въ юридическія сдѣлки малоросса и сличите ихъ съ однородными сдѣлками великоросса, сибиряка, или какого-нибудь инородца: и вотъ вамъ представится цѣлый рядъ юридическихъ обычаевъ, завѣщанныхъ или стариною или созданныхъ вновь, подъ вліяніемъ новыхъ условій, новыхъ потребностей, новыхъ отношеній,—рядъ обычаевъ, въ высшей степеніи интересный и богатый матеріалъ для разработки. Родъ жизни, родъ занятій, промышленности, обладаніе тѣми или другими цѣнностями, обладаніе тѣми или другими естественными произведеніями земли,—все это разнообразитъ юридическія отношенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и юридическіе обычаи. Жизнь, бьющая ключемъ, свободно, безъ натяжки рождаетъ разнообразіе этихъ обычаевъ. И никогда законодательству, писанному

не удастся не только создать что-либо подобное, но и не удастся даже или съ большимъ трудомъ, вполне, всецѣло объять это разнообразіе и подвести его къ единству, къ знаменателю, къ рубрикамъ, какъ бы ни были широки даваемые имъ рамки: жизнь всегда несравненно шире этихъ рамокъ и проявленія ея, при ихъ причудливой вариации, никогда не уложатся свободно, спокойно и ловко въ эти сочиненныя рамки. Отчего же не попытаться намъ, на сколько это возможно, на сколько позволятъ и силы и средства, подмѣтить эти проявленія юридической самобытной народной жизни, юридическіе обычаи и, потомъ, подмѣтивши, собравши ихъ, также по мѣрѣ возможности, возвести къ единству, къ общимъ началамъ, и, на основаніи уже этихъ началъ, общихъ выводовъ, создать законъ, который бы ближе подходилъ къ условіямъ и требованіямъ живой народной жизни? Въ этомъ невозможнаго еще нѣтъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, богаче всего юридическими народными обычаями будетъ народное гражданское право, да позволено будетъ такъ выразится. И это совершенно естественно: всякая жизнь по преимуществу централизуется около гражданского права, около отношеній, разсматриваемыхъ этимъ правомъ. Возьмите х-й томъ свода законовъ и слѣдите за нимъ и, конечно, даже теперь, не собирая еще матеріаловъ, можете уже убѣдиться, какъ широка и полна должна быть здѣсь область обычнаго права, народныхъ юридическихъ обычаевъ. Жизнь не скрывается, она ключемъ бьетъ, и при самомъ легкомъ наблюденіи, безъ труда, вы въ состояніи замѣтить ея сильный пульсъ.

Вотъ, передъ нами х-й томъ, мы раскрываемъ его въ самомъ началѣ. Первый раздѣлъ—о союзѣ брачномъ. Прочтите бѣгло и много пробѣловъ вы найдете здѣсь, самыхъ крупныхъ, рѣзко бросающихся въ глаза.

Вы увидите, что въ сводѣ говорится о бракахъ православныхъ съ православными (т. е. исповѣдающихъ греко-россійскую вѣру), православныхъ съ иновѣрцами (католиками и т. д.),

христіанъ съ христіанами вообще, христіанъ съ нехристіанами; прочитаете о бракахъ евреевъ, магометанъ, язычниковъ и проч., но вы не найдете статей о бракахъ раскольниковъ.

Установленіе и прекращеніе браковъ между лицами, исповѣдающими еврейскую, магометанскую или языческую вѣру, о чемъ въ сводѣ законовъ находимъ только нѣкоторыя общія постановленія,—это также предметъ для обширныхъ изслѣдованій и наблюденій. Самъ сводъ законовъ отсылаетъ здѣсь къ жизни, къ обычаямъ. Такъ, напримѣръ, въ законѣ говорится (ст. 90 х. т. ч. 1-й), что каждому племени и народу, не включая и язычниковъ, дозволяется вступать въ бракъ по правиламъ ихъ закона, или по принятымъ обычаямъ, безъ участія въ томъ гражданскаго начальства или христіанскаго духовнаго правительства. И во многихъ другихъ случаяхъ законодательство указываетъ на рѣшеніе тѣхъ или другихъ дѣлъ по существующимъ обычаямъ и, слѣдовательно, тѣмъ самымъ признаетъ юридическую силу за такими обычаями, возводитъ ихъ само въ источникъ права.

Сила юридическаго обычая въ семейномъ быту, въ семейственномъ союзѣ до сихъ поръ еще велика, какъ въ обществахъ крестьянскихъ, такъ и мѣщанскихъ и купеческихъ. Мы не можемъ не указать при этомъ случаѣ на интересную статью Н. В. Калачева: «юридическіе обычаи крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ» (*). Здѣсь, хотя и въ весьма краткомъ очеркѣ, представлены личныя и имущественныя отношенія въ крестьянской семьѣ. Мы считаемъ уместнымъ указать нѣсколько подробнѣе на нѣкоторые изъ юридическихъ обычаевъ, приводимыхъ почтеннымъ авторомъ.

Семья, основа гражданскаго общества, въ крестьянскомъ быту сознается подъ формою *хозяйства*. Мужъ *хозяинъ*, жена *хозяйка*. Если семейство разрастается въ небольшую общину, гдѣ нѣсколько мужей и женъ, нѣсколько хозяевъ и хозяекъ

(*) См. Архивъ историч. и практич. свѣдѣній, относящ. до Россіи, 1859 г. кн. II.

надъ ними является иногда высшая власть, глава дома, *старшей*, т. е. или отецъ въ отношеніи къ своимъ взрослымъ сыновьямъ, или дѣдъ въ отношеніи къ взрослымъ дѣтямъ этихъ послѣднихъ. Между женщинами такая роль принадлежитъ или свекрови, или мачихѣ, или старшей невѣсткѣ. По смерти отца власть его переходитъ или къ его младшему брату, т. е. *дядь* его сыновей (если онъ къ тому способенъ), или къ старшему изъ самихъ сыновей. Но здѣсь уже является задушевная мысль о *раздѣль*: рано или поздно она достигается, члены семьи *расходятся* и *разводятся* по разнымъ домамъ. При жизни отца, всѣ члены подчиняются ему; но при этомъ мужъ сохраняетъ свое значеніе въ отношеніи къ женѣ и дѣтямъ. *Пріемышь*, взятый въ домъ однимъ изъ членовъ *въ замѣнь сына* или *дочери*, заступаетъ мѣсто этихъ послѣднихъ. Пріемышь, если онъ былъ взятъ по случаю бесплодія брачной четы; когда это бесплодіе минуется и будутъ естественныя дѣти, можетъ сдѣлаться *старшимъ* въ потомствѣ усыновившихъ его супруговъ. Но *подкидыши*, если они вырастаютъ въ домѣ какъ *чужіе* (что впрочемъ бываетъ рѣдко), и по достиженіи совершеннолѣтія могутъ надѣяться лишь на *милость* и *помощь* вскормившихъ ихъ *хозяевъ* за свое *сиротство*, *безответственность* и *радность*. Имущество, при нераздѣльности членовъ дома, состоящаго изъ нѣсколькихъ семействъ, признается *общимъ*; какъ движимое (за исключеніемъ одежды, отдѣльно прибрѣтенныхъ каждымъ членомъ вещей, также приданого), такъ и недвижимое строеніе, огородъ, гумно и поле; обрабатывается, стронится все сообща по распоряженію главы.

Особенно интересны тѣ страницы указанной нами статьи, гдѣ авторъ говоритъ о раздѣлѣ членовъ семьи и принадлежащаго имъ имущества (авторъ имѣлъ въ виду крестьянъ крѣпостныхъ, до обнародованія положенія 19 февраля 1861 г.). Намъ извѣстно, что приступая къ семейному раздѣлу, сперва молятся Богу, потомъ разрѣзываютъ ковригу хлѣба на столько частей, на сколько домовъ дѣлятся. Это знакъ, что дѣлятся однажды навсегда и что уже болѣе не намѣрены сходиться

въ одно мѣсто, какъ отрѣзанный ломоть не пристаётъ болѣе къ хлѣбу (*). А въ другихъ мѣстахъ, послѣ раздѣла, дѣлается общій обѣдъ, въ знакъ того, что раздѣлившіеся не имѣютъ между собою вражды (**). Семейный раздѣлъ обыкновенно утверждается стариками—таковъ обычай. При дѣлежѣ производится разцѣпка имѣнія, какая можетъ быть сдѣлана только сосѣдями, знающими обстоятельно всѣ достоинства, всѣ свойства и качества каждаго предмета, подлежащаго дѣлежу. Старики опредѣляютъ, что кому взять. «Доля каждаго, продолжаетъ авторъ, нѣ всегда опредѣляется жеребьемъ, потому что при дѣлежѣ очень часто принимаются въ расчетъ и лишніе труды въ домѣ старшаго и работа его жены и сыновей, также, наоборотъ, умѣнье его вести хозяйство, а съ другой стороны *глупость* младшаго, который *не дюжъ работать*, да и не съумѣетъ еще свести дома. Отсюда видно, что хотя и предполагается, что изъ общаго дѣлимаго имущества всѣ *тягольные* члены должны получить одинаковую долю; но это правило очень часто измѣняется подъ вліяніемъ разныхъ условій.

Такъ особенно племянники получаютъ иногда не только долю, слѣдовавшую ихъ умершему отцу отъ его братьевъ, но больше, чѣмъ каждый изъ находящихся въ живыхъ дядей. Соображеніе обстоятельствъ и положенія отдѣльнаго лица даютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ старикамъ основаніе приговорить, чтобы самый младшій изъ братьевъ оставался жить вмѣстѣ съ первыми или же со вторымъ братомъ, и *мальши* повинуются этому приговору безпрекословно: бываетъ такъ, что онъ затѣмъ навсегда остается неотдѣленнымъ; но онъ знаетъ также, что если придется ему современемъ слишкомъ жутко, то, *собравшись съ умою*, станетъ опять просить раздѣла и даже можетъ быть увѣренъ, что на этотъ разъ старики *разведутъ* его съ братомъ. Вообще однако, въ большей части случаевъ, доли назначаются поровну (***), особенно ко-

(*) Эпн. Сборн. вып. 1, стр. 197.

(**) Тамъ же. вып. II, стр. 95.

(***) См. Эпн. сборн. вып. 1, стр. 197.

гда братья близко подходят другъ къ другу лѣтами. Для этого, все имущество дѣлится стариками на равныя части, которыя достаются съ жеребья, вынимаемаго изъ шапки или же опредѣляемаго слѣдующимъ, болѣе употребительнымъ и народнымъ способомъ. Каждая доля получаетъ условное названіе: *первой, другой, третьей*, и такъ далѣе, до *остальной* или послѣдней, которую приходится взять тому изъ братьевъ, кому не досталось доли съ жеребья. Послѣ такого разбора одинъ изъ стариковъ беретъ палку и поднимаетъ ее вверхъ. Братья подходятъ къ ней по очереди, и обхватываютъ ее рукой другъ за другомъ по старшинству, начиная съ нижняго конца отъ руки того, кто ее держитъ. Чья рука останется у самага верхняго конца палки, тому слѣдуетъ *первый* жеребій. Затѣмъ повторяется тоже самое между прочими братьями, и такимъ образомъ опредѣляется, кому изъ нихъ должна достаться вторая доля, потомъ третья и т. д. до послѣдней, которую беретъ тотъ, кому уже не съ кѣмъ жеребеваться. Не правда-ли, обычай раздѣла наслѣдства оригинальный, чисто народный, сообразный съ народною жизнью, съ понятіями нашихъ мужичковъ простолюдиновъ о правѣ наслѣдованія, о правдѣ и справедливости, о честномъ судѣ, о честномъ раздѣлѣ? Все дѣло оканчивается просто, тихо и мирно, безъ всякихъ формальностей, устанавливаемыхъ положительнымъ закономъ, безъ всякаго вмѣшательства посторонней крестьянскому быту власти,—власти чиновнической, власти земской полиціи. Судъ и раздѣлъ правдивый, нелицепріятный, родной, не навязанный насильно, извиѣ, притомъ, судъ окончательный, безапелляціонный, судъ, внушающій вѣру въ судящихъ, устраняющій и на будущее время неудовольствія, споры, жалобы и тяжбы.

Справедливо замѣчаетъ при этомъ авторъ, что «сравнивая это начало дѣлежа—принимать въ расчетъ, кромѣ близости къ родоначальнику, и другія отношенія, особенно болѣе или менѣе продолжительный трудъ, положенный на составленіе имущества, которое подлежитъ раздѣлу, мы думаемъ, что нельзя будетъ и при дарованіи крестьянамъ правъ

личныхъ и по имуществу (сказано выше, что рѣчь идетъ о бывшихъ крѣпостныхъ) не обратить на него вниманія. Общія правила, постановленныя въ сводѣ законовъ гражданскихъ, могутъ и должны быть примѣняемы къ потомкамъ умершихъ лишь въ томъ случаѣ, когда эти послѣдніе имѣли не только юридическую личность, но и отдѣльную собственность. Напротивъ, пока въ крестьянскомъ быту, . . . имущество принадлежитъ не одному отцу семейства, а всѣмъ членамъ дома, живущимъ вмѣстѣ; пока и ими и всею собственностью распоряжается одинъ, стоящій надъ всѣми, было бы не всегда справедливо лишь означенныя правила принимать въ основаніе раздѣловъ, ибо при этомъ пришлось бы сдѣлать предположеніе, что все имущество принадлежитъ *главѣ семейства*, между тѣмъ какъ имъ признается не только отецъ, но также дядя, старшій братъ и проч.; доходить же до родоначальника всего дома въ большей части случаевъ бываетъ невозможно. Поэтому такъ долго, какъ будетъ оставаться въ крестьянскомъ быту нераздѣльность семействъ, соединенныхъ по кровнымъ отношеніямъ *въ одинъ домъ*, рядомъ съ общими постановленіями о раздѣлѣ наслѣдства на основаніи законовъ гражданскихъ, должны имѣть силу и раздѣлы на основаніи *обычаевъ*, подъ вліяніемъ *стариковъ* или другихъ, равныхъ имъ, посредниковъ. Нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не замѣтить, что всякое стремленіе внести эти обычаи въ какой либо законодательный кодексъ, давъ имъ опредѣленную форму, уничтожило бы сразу живое начало, выражающееся въ примѣненіи къ даннымъ случаямъ общаго понятія справедливости, которымъ однимъ руководствуются старики, не стѣсняясь въ своихъ соображеніяхъ никакими заранее придуманными основаніями (*).

Считаемъ не лишнимъ замѣтить здѣсь, что въ положеніи о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, обычаю юридическому также предоставлена довольно значительная сила. Въ этомъ положеніи въ нѣсколькихъ мѣстахъ

(*) См. стр. 21—23.

мы находимъ ссылки на обычай. Такъ, хотя въ 21 ст. общаго положенія постановлено, что на крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, распространяются общія постановленія законовъ гражданскихъ о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ, но въ примѣчаніи къ этой статьи сказано, что попеченіе о личности и объ имуществѣ малолѣтнихъ сиротъ возлагается на обязанность сельскихъ обществъ; въ назначеніи опекуновъ и попечителей, въ повѣркѣ ихъ дѣйствій и во всѣхъ сего рода дѣлахъ, *крестьяне руководствуются мѣстными своими обычаями.* Равнымъ образомъ, и это весьма важно, — *въ порядкѣ наслѣдованія имуществомъ крестьянамъ дозволяется руководствоваться мѣстными своими обычаями* (ст. 3 общ. полож.). Это постановленіе подтверждено также въ положеніи о выкупѣ, въ отношеніи къ частному случаю (ст. 166). «Участки, приобрѣтенные не всѣмъ обществомъ, а отдѣльными домохозяевами, составляютъ личную собственность каждаго, и переходятъ по наслѣдству, согласно существующимъ мѣстнымъ обычаямъ». Это постановленіе, впрочемъ, не безусловное. «До погашенія выкупной ссуды, подворные участки, приобрѣтенные отдѣльными домохозяевами, не могутъ быть раздробляемы при переходѣ по наслѣдству, отчужденіи или другимъ какимъ либо образомъ» (ст. 167). «Впрочемъ (примѣч. къ 167 ст.), по особому ходатайству владѣльцевъ участковъ, губернское выкупное учрежденіе можетъ разрѣшать раздѣлы обширныхъ участковъ, если отъ того не уменьшится обезпеченіе казны въ исправномъ поступленіи выкупныхъ платежей». Разумѣется, по отношенію ко всякому другому имуществу, движимому или недвижимому, принадлежащему крестьянину въ собственность, раздѣлы, согласно мѣстнымъ обычаямъ, имѣютъ полную силу. Точно также, въ мѣстн. полож. для губ. великор., новорос., и бѣлорусск. постановлено (ст. 110), что усадебная земля каждаго крестьянскаго двора остается въ потомственномъ пользованіи проживающаго въ томъ дворѣ семейства, и переходитъ къ наслѣдникамъ, согласно существующему, въ каждой мѣстности, *обычному порядку наслѣдованія.* Наконецъ въ мѣст-

номъ положеніи для губ. малороссійскихъ говорится, что участки мірской земли, предоставленные въ надѣль отдѣльныхъ крестьянскихъ семействъ, остаются въ потомственномъ пользованіи сихъ семействъ; порядокъ наслѣдованія семейными участками и *порядокъ семейныхъ раздѣловъ* опредѣляется мѣстными обычаями (ст. 93); домохозяинъ, какъ остающійся въ обществѣ, такъ и выходящій изъ онаго, имѣетъ право передать, еще при жизни своей, семейный участокъ ближайшему своему наслѣднику (ст. 94); домохозяинъ, не имѣющій въ прямой линіи наслѣдниковъ, какъ при жизни своей, такъ и на случай смерти, можетъ передать участокъ своему усыновленному, *на основаніи мѣстнаго обычая*, приемышу (пріймаку) изъ родственниковъ или постороннихъ (ст. 95); при переходахъ семейныхъ участковъ по наслѣдству, какъ усадьбы, такъ и полевые участки, могутъ быть раздѣляемы на части, но съ тѣмъ, чтобы каждая часть полевого участка была не менѣе половины установленнаго для той мѣстности высшаго размѣра пѣшаго участка (ст. 96). Ср. полож. для губ. вил., гродн. и др. ст. 82. Такимъ образомъ, къ чести положенія о крестьянахъ, нужно сказать, что оно не уничтожило своими постановленіями живаго обычая и не замѣнило его вездѣ писаннымъ закономъ. Стало быть, установившіеся въ народѣ обычаи юридическіе не только не погибли, но еще болѣе разовьются, подѣ влияніемъ различныхъ преобразованій въ быту крестьянскомъ. Слѣдовательно, теперь время ближе вглядѣться въ сущность этихъ юридическихъ обычаевъ, рассмотреть, какъ они проявляются въ быту крестьянскомъ, послѣ уничтоженія крѣпостной зависимости и при началѣ новой стройки народной жизни.

При этомъ снова обращаемся къ статьѣ г. Калачева, гдѣ указаны существовавшіе въ крестьянскомъ быту юридическіе обычаи до уничтоженія крѣпостнаго права, обычаи которые, по всей вѣроятности, въ существенныхъ чертахъ, сохранятся и теперь, по уничтоженіи этого права.

Весьма важное отступленіе отъ общихъ гражданскихъ законовъ представляютъ народные, крестьянскіе юридическіе

обычай относительно выдѣла и указной части лицамъ женскаго пола, а также назначенія приданого.

«Если отецъ выдаетъ дочь,—говорить г. Калачевъ (*)—при своей жизни, то она *награждается* по усмотрѣнiю главы дома, съ приговора прочихъ членовъ. Награжденiе это, конечно, незначительно; но если вспомнить, что часто изъ двухъ-трехъ лошадей, двухъ-трехъ коровъ и какого-нибудь десятка овецъ, которыя составляютъ почти все достоянiе нѣсколькихъ тяголъ, живущихъ нераздѣльно, невѣстѣ дается корова или хоть двѣ овцы, то надо сознаться, что и это что-нибудь да значить. Точно также и по смерти отца братья надѣляютъ сестру чѣмъ могутъ. Отсюда видно, что *крестьянскiй обычай не признаетъ определенной доли, которая бы слѣдовала дочери отъ отца или сестрѣ отъ братьевъ*. Это и понятно: какъ опредѣлить долю, когда нѣтъ данныхъ для того, чтобы обозначить наглядно, какая часть изъ общаго имущества принадлежит отцу невѣсты или каждому изъ ея братьевъ, и т. д. Если бы слѣдовало ей выдѣлить *четырнадцатую* долю (**), изъ отцовской части, то пришлось бы заняться для этого предварительно раздѣломъ всего имущества и такими соображенiями, которыя преждевременно и безъ всякой пользы внесли бы ссору въ домъ и разстроили семейное единство. Да и что, наконецъ, досталось бы въ такомъ случаѣ невѣстѣ. Быть можетъ ровно ничего! И вотъ, *по обычаю*, она получаетъ часть, конечно несравненно больше, чѣмъ ей бы слѣдовало по закону, а между тѣмъ миръ между членами дома остается ненарушеннымъ, и выданная замужъ всегда принимается въ немъ какъ желанная гостя, всегда находятъ здѣсь прiютъ и утѣшенiе отъ невзгодъ, какiя терпитъ подъ часъ въ домѣ мужа отъ свекрови, мачихи или заловога». Изъ этихъ словъ понятно, какое важное значенiе, въ настоящемъ случаѣ, имѣетъ на-

(*) См. стр. 23—24.

(**) Каждая дочь при живыхъ сыновьяхъ, т. е. сестра при братѣ, получаетъ изъ всего наследственнаго недвижимаго имѣнiя четырнадцатую часть, а изъ движимаго восьмую часть. См. 1130 ст. х т. ч. 1-й.

родный юридическій обычай въ крестьянскомъ быту; и, съ другой стороны, какъ было бы неблагоразумно и несправедливо, уничтоживъ этотъ укоренившійся обычай, подвести и крестьянскій бытъ, во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ, подъ строгія требованія общихъ гражданскихъ законовъ. Тогда и народный обычай и положительный законъ стали бы во враждебное между собою отношеніе и, весьма вѣроятно, что ни тотъ ни другой не достигали бы своей цѣли, слѣдовательно теряли бы благодѣтельное свое значеніе.

Нужно замѣтить только, что обычай этотъ при раздѣлѣ имущества не всеобщій. Иногда, при раздѣлѣ имущества по смерти отца, сестра получаетъ почти одинаковую часть съ братомъ, а мать, оставшаяся вдовою, беретъ изъ имѣнія что ей угодно, и живетъ съ тѣмъ изъ сыновей, съ которымъ хочетъ (*).

Г. Калачевъ указываетъ также на весьма замѣчательный обычай, существующій въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Извѣстно, что въ крестьянскомъ быту физическая сила, расторопность, успѣшность въ работѣ играютъ весьма важную роль и потому дѣвушку, обладающую такими качествами, не охотно отпускаютъ изъ семьи замужъ. Потому, имѣя въ виду убытокъ въ хозяйствѣ отъ выбитія изъ семьи подобной работницы, иногда выговариваютъ, чтобы она прожила въ домѣ рабочее время, или же чтобы семейство жениха внесло за нее выкупъ, извѣстный подъ названіемъ *кладки* (**). Невѣста, засидѣвшаяся въ родительскомъ дому, оставаясь у отца или братьевъ, не пользуется ничѣмъ особеннымъ; но если по какой либо причинѣ отдѣляется отъ нихъ (кромѣ замужества), то по обычаю можетъ получить *награжденіе* изъ общаго имущества лишь на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и невѣста, вступающая въ бракъ.

Вдовы, если у нихъ есть дѣти, хотя и неохотно, остаются въ домѣ мужниной семьи, пока дѣти не подростутъ и

(*) Этногр. сборн., вып. 1 стр. 197.

(**), Объ этомъ мы еще будемъ говорить подробнѣе.

не получать возможности выдѣлиться. Бездѣтныя вдовы обыкновенно возвращаются въ свою семью. Что касается до ея надѣла изъ мужнина дома, то ей не мѣшаютъ взять ея собственность; «но наградить ее чѣмъ либо за ея работу въ домѣ свекра или деверей уже вполне зависитъ отъ ихъ воли», и въ случаѣ ея жалобы, дѣло рѣшается и здѣсь стариками. При этомъ г. Калачевъ прибавляетъ, что «пока начало нераздѣльности тягольныхъ членовъ въ семейномъ быту нашихъ простолудиновъ остается въ силѣ, общіе законы о выдѣль жень определенной доли изъ имущества мужа не могутъ быть въ отношеніи къ нимъ примѣняемы въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ имущество цѣлой семьи слишкомъ ничтожно, т. е. состоитъ лишь изъ самыхъ необходимыхъ принадлежностей крестьянскаго хозяйства, а въ другихъ случаяхъ приложеніе ихъ оказалось бы мѣрою крайне стѣснительною по изложенной выше причинѣ, именно по необходимости опредѣлить вмѣстѣ съ тѣмъ ту часть, какую имѣетъ право получить каждый тягольный изъ общаго имущества крестьянскаго дома, что неминуемо последило бы преждевременно раздоръ и неудовольствіе въ семействѣ и нарушило бы тѣсную связь и единство между его членами» (*).

Вотъ какія отличія представляетъ жизнь дѣйствительная отъ постановленій, внесенныхъ въ сводъ законовъ. Раздѣль имущества и наслѣдства, выдѣль и назначеніе указной части представляются основанными совершенно на иныхъ основаніяхъ, какъ это видно изъ приведенныхъ нами довольно полныхъ выписокъ изъ статьи г. Калачева. Къ сожалѣнію, авторъ напечаталъ пока только начало своихъ практическихъ наблюденій; обѣщанное продолженіе до сихъ поръ еще не являлось, хотя по самому интересу содержанія, нельзя не желать этого продолженія.

Представленный нами порядокъ личныхъ и имущественныхъ отношеній въ крестьянскомъ семействѣ можетъ быть

(*) См. стр. 27—28.

названъ общимъ великорусскимъ. Такъ и у государственныхъ крестьянъ мы видимъ тоже, что и въ семействахъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, разумѣется, съ различными отступленіями, видоизмѣненіями, вариантами, смотря по мѣстнымъ условіямъ. Эти отступленія, иногда впрочемъ представляются весьма рѣзкими, выдающимися; напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири отношенія свекра къ семьѣ своего сына и къ своимъ дочерямъ (*). Въ Алтаѣ замѣчается большое охлажденіе между сыновьями и отцами, и, напротивъ, большая привязанность къ отцамъ дочерей.

Женившійся сынъ, хотя онъ живетъ въ домѣ своего отца, многіе статьи хозяйства не раздѣляетъ съ нимъ; такимъ образомъ, у него свой ленъ, свои пчелы, свои гуси, своя скотина, и проч.; только хлѣбъ не дѣлится. Старики, т. е. его отецъ и мать, имѣютъ общій ленъ съ своею дочерью, хотя она также замужемъ. Нерѣдко бываетъ, что дочь живетъ отъ матери въ 100 верстахъ и пересылаетъ къ ней ленъ прясть, напряденный пересылается обратно къ дочери для тканья, и т. д. Попадались даже случаи, что сыновья имѣли и пашню общую съ тестемъ и ѣздили въ другую станицу помогать имъ пахать и жать. Если у стариковъ нѣтъ дочерей, то они живутъ единственно доходами съ своихъ пасекъ (**). Если старики старѣютъ такъ, что не могутъ даже и въ пасекѣ заниматься, и притомъ не имѣютъ дочерей, то бываетъ, что сыновья выгоняютъ отца изъ его же собственнаго дома. (Такой случай былъ въ станицѣ Сосновской). Разумѣется, это нужно отнести къ рѣзкимъ исключеніямъ.

Быть малорусскаго крестьянина, во многомъ сходный съ бытомъ крестьянина великорусса, отличается тѣмъ, что у малоруссовъ утратился общій славянскій, патриархальный обы-

(*) См. «юридическіе обычаи», небольшая статья, неизвѣстнаго автора въ тобольскихъ губ. вѣд., 1838 г., № 43, стр. 668—670.

(**) Авторъ, у котораго мы заимствуемъ настоящія свѣдѣнія, приводитъ въ примѣръ своего хозяина, въ чарышской станицѣ. У послѣдняго было до 400 ульевъ, изъ которыхъ онъ благословилъ своему сыну только 20, а на остальные жилъ самъ и помогалъ двумъ замужнимъ дочерямъ.

чай, какъ и указано выше—родоначальнику править всею семьею. Молодой человекъ, достигнувъ совершеннолѣтняго возраста, вступаетъ въ бракъ, является на сцену какъ *человѣкъ*, т. е. мужъ, женатый, и принимаетъ на себя серьезныя обязанности. Почти всегда женатый сынъ отдѣляется отъ отца и живетъ своимъ домомъ. Это приписываютъ вліянію безпрестанныхъ войнъ, бывшихъ въ томъ краѣ, въ продолженіи которыхъ семейства раздѣлялись и дробились при частыхъ переселеніяхъ. Впрочемъ, встрѣчаются семейства, гдѣ всѣ члены живутъ вмѣстѣ, подъ начальствомъ дѣда, и работаютъ сообща, хотя подобные примѣры рѣдки и совершенно не въ правахъ народа (*). У бѣлоруссовъ братья дѣлятъ между собою доставшееся имъ имущество большею частью на равныя части. Дочерямъ выдѣляется въ приданое одно лишь движимое имущество (**).

При заключеніи крестьянами различнаго рода сдѣлокъ представляется обильное разнообразіе юридическихъ обычаевъ. Правда то, что многіе обычаи относятся къ символизму права, другіе проистекаютъ отъ религіозныхъ убѣжденій, отъ вѣрованій въ дѣйствіе силъ природы, добрыхъ и злыхъ духовъ; но и эти обычаи не лишены юридическаго интереса, и въ нихъ проявляются народныя воззрѣнія на право, на законность и справедливость. Заключается, положимъ, какой либо договоръ, рукобитье и правая пола кафтана или полшубка играютъ важную роль—символь совершенія сдѣлки, знакъ передачи права на имущество. Этотъ обычай сопровождается также крестнымъ знаменіемъ и замѣняетъ собою клятву въ ненарушимости договора, такъ что иной скорѣе нарушитъ присягу, нежели согласится солгать, исполнивъ обрядъ (***) . При покупкѣ лошадей, покупатель беретъ отъ продавца поводы узды, а при покупкѣ коровы или овцы веревку, привязанную

(*) Быть малорусскаго крестьянина (преимущественно полтавской губерніи въ Этногр. сборникѣ, вып. III стр. 23, 35.

(**) Этно. сборн. вып. II стр. 266.

(***) Этно. сб. вып. I, стр. 54.

за рога животного, и непременно изъ полы въ полу, чтобы купленный скотъ благополучно жилъ у купившаго. Кроме того, берется и ломоть хлѣба съ солью, чтобы животное служило на хлѣбъ да на соль, на добро-здоровье. Нѣкоторые ни за что не согласятся купить лошадь безъ узды или корову безъ дойника, хотя бы они продавались за полцѣны. Наконецъ, купившій удерживаетъ изъ цѣны одну или двѣ гривны *на поводъ*. Въ иныхъ мѣстностяхъ, при совершеніи сдѣлокъ дѣло не обходится безъ угощенія; нужны магарычи, литки; въ однихъ мѣстахъ непремѣннымъ спутникомъ сдѣлки является водка, въ другихъ чай. Угощаетъ тотъ или другой, смотря по условію; или же угощеніе бываетъ взаимное, съ обѣихъ сторонъ. При покупкѣ и продажѣ вещей въ домъ, крестьяне иногда заключаютъ между собою и письменныя условія, являемыя въ волостныхъ правленіяхъ, ибо на совѣсть не всегда полагаются (*). Предразсудки иногда препятствуютъ успѣшному заключенію сдѣлокъ. Между поселянами одной деревушки сосѣду у сосѣда не рѣдко случается брать для завода скотину и домашнюю птицу, напримѣръ, теленка, овцу, свинью, гусей, куръ и проч. У бѣлоруссовъ (**)
 приобрѣтеніе этого скота и птицъ дѣлается только обмѣномъ на какую нибудь вещь, преимущественно на какую-нибудь другую скотину или птицу; напримѣръ, вымѣниваютъ овцу на теленка, поросенка на ягнѣнка, гуся на поросенка, и наоборотъ, какъ кому прійдется. Покупкою же для завода не приобрѣтаютъ, предполагая, что скотъ и птица, купленные на деньги, не ведутся. Вотъ, на основаніи этого же повѣрья сосѣду, котораго селитба или строеніе находится, какъ тамъ, т. е. въ бѣлоруссіи выражаются, «подъ горой», т. е. хотя нѣсколько ниже, ни за что не дадутъ скотины или птицы на разводъ, хотя бы давалось за нихъ вчетверо. Добрые мужички утверждаютъ, что если «подгорній возьметъ у горняго, то тады съ горы подъ гору все пирякоцитца», т. е. у дав-

(*) Этн. сборн., вып. 1, стр. 197.

(**) Тамъ же, вып. II, стр. 239.

шаго и заводу не останется, и заводу коринь вонь»; для взяшаго же это очень выгодно. Напротивъ, хозяева, живущіе ниже, охотно ссужаютъ своихъ сосѣдей, живущихъ выше. Вслѣдствіе этого, живущіе ниже, въ случаѣ надобности, должны иногда доставать скотъ и птицъ для завода изъ очень отдаленныхъ деревень.

Мы не будемъ останавливаться на ссудахъ, которыя въ многихъ мѣстностяхъ такъ радушно производятся крестьянами своимъ нуждающимся собратамъ; мы не будемъ останавливаться и на другихъ договорахъ. Но нельзя не остановить вниманія на артеляхъ. Артель—это самобытная своеобразная русская ассоціація, представляетъ въ нашей жизни явленіе въ высшей степени замѣчательное, съ незапамятныхъ уже временъ установившееся, такое учрежденіе, котораго до сихъ поръ еще не могла выработать западная Европа. Артелями покрыто все русское царство; куда ни обратитесь, вы вездѣ встрѣтитесь съ артелью. Артели каменщиковъ, артели плотниковъ и другихъ рабочихъ, производящихъ тѣ или другія тяжелыя работы; артели перевозчиковъ тяжестей, какъ водою, такъ и сухимъ путемъ; артели лодочниковъ, весьма оригинальныя; артели солдатскія, всюду артели. И притомъ, артель не только носитъ на себѣ характеръ экономическій, промышленный; она составляетъ одно цѣлое, одну общину, одну семью, тѣсно связанную, независимо отъ промысла, отъ предпріятія, всѣмъ бытомъ ея членовъ; артель нерѣдко является и судьей и карателемъ надъ отдѣльными своими членами, чѣмъ либо провинившимися; она судитъ за лѣность, за пьянство, за воровство, присуждаетъ и къ денежнымъ пенямъ и къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Отдѣльные члены строго подчиняются цѣлой артели, не выходятъ изъ ея повиновенія, подсудны ея приговорамъ. И часто судъ артели для отдѣльнаго члена имѣетъ гораздо большую цѣну, чѣмъ судъ обыкновенный, официальный: о причинахъ этого нечего говорить, онѣ понятны. Въ настоящее время артель обратила на себя особенное вниманіе даже правительства; ей думаютъ уже придать официальное юридическое значеніе. Нельзя, разумѣется, не замѣтить при

этомъ, что узаконеніе артелей должно совершиться путемъ осторожнымъ; официальность должна какъ можно меньше своими теоретическими предписаніями вмѣшиваться во внутреннюю жизнь артели, а напротивъ предоставить ей полную свободу. Нельзя также не сдѣлать здѣсь и другаго замѣчанія, что съ учрежденіемъ артелей, съ ихъ бытомъ, условіями существованія, съ правами и обязанностями членовъ, съ взаимною отвѣтственностью артели и отдѣльныхъ передъ нею членовъ и т. п., со всѣмъ этимъ наша литература весьма мало знакома. Не говоря уже о томъ, что въ литературѣ нѣтъ ни одного, сколько нибудь обстоятельнаго сочиненія по этому предмету, мы имѣемъ очень скудный запасъ такихъ матеріаловъ, на основаніи которыхъ можно бы представить вѣрную картину этого народнаго юридическаго учрежденія, вѣками сложившагося и непосредственно вытекшаго изъ самой жизни народа, безъ всякихъ постороннихъ какихъ либо вліяній. И чтобъ изобразить вѣрную картину артели, нужно много наблюденій со стороны многихъ лицъ, близко знакомыхъ съ бытомъ простолюдина, проникнутыхъ понятіями и воззрѣніями ихъ.

И многое множество другихъ предметовъ изъ области гражданскаго права представляютъ самыя интересныя темы для изслѣдованій. Одни эти юридическіе обычаи народные, какъ намъ кажется, могутъ со временемъ составить особый обширный отдѣлъ въ нашей юридической литературѣ.

Крестьянскія сходки, крестьянскій судъ точно также составятъ другой отдѣлъ этой литературы, разумѣется, тѣсно связанный съ первымъ. Характеръ этихъ сходокъ, хотя и основанныхъ на однихъ общихъ началахъ, представляется своеобразнымъ въ различныхъ мѣстностяхъ. Беремъ примѣры общественнаго порядка въ различныхъ мѣстностяхъ, въ селеніяхъ бывшихъ крѣпостныхъ и въ имѣніяхъ крестьянъ государственныхъ.

Вотъ село Васильевское, нижегородской губерніи, нижегородскаго уѣзда (*). Село это было помѣщичье. Осно-

(*) Статья В. Бабарыкина, въ 1 вып. Этногр. сборникъ стр. 20.

ваніе общественнаго устройства—уваженіе къ старикамъ и ихъ общему приговору. За отсутствіемъ помѣщика и за неназначеніемъ уполномоченнаго бурмистра, выбирался на три или на одинъ годъ деревенскій староста; далѣе, выборный, т. е. счетчикъ, сборщикъ и казначей; потомъ, на каждыя 30—80 тяголь, десятникъ (на годъ), т. е. нарядчикъ для исполненія требованій земской полиціи и распоряженій старосты, для домашняго надзора и внутренней сельской расправы; сверхъ того, съ каждыя пяти тяголь, поочередно, у становаго находятся сотскіе, нанимаемые міромъ съ воли, за 100 и 120 р., въ годъ асс. (въ 1853 г.). «Староста, самъ собой, не рѣшится ни на что важное, касающееся всего общества, *безъ стариковъ*; мірскія же сходки собираются лишь для денежныхъ раскладовъ и на нихъ рѣдко крестьянинъ моложе *сорока лѣтъ* возвышаетъ голосъ: взаимная довѣренность къ избираемому начальству и сонму стариковъ такъ велика, что молодежь считаетъ предосудительнымъ что-либо говорить на сходкѣ. Слово держать все; слово же, т. е. мірское неодобреніе, болѣе всего наказываетъ. Тѣлесныя наказанія употребляются для непослушныхъ и невоздержныхъ. Денежнаго штрафа очень боятся, но еще болѣе общественнаго неодобренія, бросающаго порокъ на весь домъ. Въ назначеніи наказаній міръ бываетъ очень снисходителенъ: «Богъ проститъ!» говорятъ болшею частію старики. Нынѣ, со времени частаго раздѣленія семей, меньше стали обращать вниманія на непочтительность дѣтей къ родителямъ».

Вотъ другая мѣстность, приходъ станиловскій на Сити, ярославской губерніи, могогскаго уѣзда (*). Жители—также бывшіе крѣпостные крестьяне. Чины сельскаго управленія почти тѣже: бурмистръ, выбираемый, съ дозволенія господина, всѣмъ міромъ;—его должность управлять вотчиною; земскій—вотчинный писарь; выборный—вотчинный казначей, собираетъ денежные повинности съ крестьянъ и предста-

(*) Статя свѣщ. Преображенскаго, въ Этп. Сборн., вып. 1, стр. 139—141.

вляеть при отчетѣ бурмистру; старшины выбираются съ каждой деревни всѣмъ міромъ и начальствуютъ въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ живутъ, на сходкѣ имѣють предпочитательное право голоса; десятскіе въ каждой деревнѣ—созываютъ крестьянъ на сходку, по приказу бурмистра; городской десятскій или пятидесятскій исправляетъ должность сотскаго, за отсутствіемъ или болѣзною послѣдняго. Для мірскихъ сходокъ сдѣланы особенные дома, называемые судными или конторами. Сходки бывають очень рѣдко, въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Первое мѣсто занимаетъ бурмистръ, возлѣ него выборный и старшины по старшинству, а за ними прочіе почетные крестьяне. Разсужденія на сходкѣ: о землѣ, лѣсѣ, выборѣ въ должности, денежныхъ сборахъ, оброкѣ, недоимкахъ по оброку о рекрутской очереди, о провинившихся крестьянахъ, и проч. Рѣшенія постановляются не иначе, какъ съ согласія всѣхъ присутствующихъ на сходкѣ; разсматриваются и утверждаются господиномъ. Выборы ежегодные; могутъ быть оставляемы и прежнія лица должностныя, если они оказались благонадежными. За крестьянъ недоплатившихъ оброкъ вносить общество; послѣднему крестьяне выплачивають исподоволь и посрочно. Рекрутская очередь ведется строго соблюдаемымъ порядкомъ Семейство, изъ котораго уже кто-нибудь поступилъ въ военную службу, освобождается отъ рекрутства. Одинокіе, не имѣющіе сыновей или имѣющіе одного лишь сына, обязаны вносить денежный повытокъ за полрекрута. По мірскому приговору присуждаются къ тѣлесному наказанію: за грубость и неповиновеніе начальству, также за ссору и драку, пьянство, лѣность и другія подобныя вины. Въ вотчинѣ князя Волконскаго (такъ какъ селеніе принадлежит не одному владѣльцу) положенъ былъ за вины денежный штрафъ, до 5 руб. сер.; сумма, составлявшаяся такимъ образомъ, хранилась въ конторѣ для непредвидѣнныхъ надобностей.

Но не всегда сходки такъ чинны и такъ официальны, какъ въ представленныхъ двухъ примѣрахъ. Такъ, въ тверскомъ уѣздѣ, по увѣренію г. Лебедева (*), каждый крестья-

(*) Быть крестьянъ тверскаго уѣзда, въ Этп. Сборн., вып. 1, стр. 136.

ниязъ подаеть свой голось; между нимн есть партін; иногда онѣ спорять между собою долго, и тутъ крестьяне поднимають одинъ на другаго всю подноготную; со всѣхъ сторонъ сыщлются укоруы, упреки и брань. Перевѣсъ беретъ, наконецъ, тотъ, кто всѣхъ сильнѣе кричить, и кто всѣхъ упрямѣе настаиваетъ на своемъ, хотя бы онъ былъ и бѣднѣе и моложе. Если спорять между собою слишкомъ долго, то дѣло рѣшается или жеребьемъ, или большинствомъ голосовъ. Десятскій и пятидесятскій имѣють право наказать крестьянина, за полное непослушаніе, нѣсколькими ударами палки или наложеніемъ лишнихъ подводъ.

Крестьянскими сходками иногда руководить одинъ какой-либо вліятельный человекъ; отъ его вліянія въ зависимости ихъ умы. Умный и богатый крестьянинъ иногда деспотически властвуетъ надъ своими однопоселенцами, односельчанами. Въ примѣръ такой вліятельности можно указать на крестьянина Соловьева, жившаго въ одной изъ деревень тарскаго округа (крестьянинъ этотъ давно уже умеръ). Соловьевъ дѣйствовалъ весьма энергически: нерѣдко дѣлалъ пожертвованія въ пользу міра въ нѣсколько сотъ рублей; но за то каждую осень, какъ молнія разносилась по деревнямъ вѣсть о предстоящей жатвѣ на пашнѣ Соловьева и всякій наперерывъ, хотя и противъ воли, спѣшилъ къ нему на бесплатную помощь, — иначе мечь Соловьева преслѣдовала его до гроба. Если крестьянинъ хотѣлъ выиграть какое-нибудь дѣло, онъ всегда предварительно обращался къ Соловьеву, потому что Соловьева уважалъ самъ исправникъ, которому онъ помогалъ въ управленіи краемъ: знакомилъ его съ общественнымъ бытомъ, объяснялъ ему настоящее положеніе дѣлъ, облегчалъ повинные сборы, и т. п. (*). Разумѣется, такіа вліятельная лица по преимуществу избираются міромъ и въ должности, часто поневолю. Мы знали одного крестьянина въ пермской губерніи, который много лѣтъ былъ волостнымъ

(*) См. Тоб. губ. вѣд., 1858 г. № 45.

писаремъ, потомъ служилъ много трехлѣтій волостнымъ головою. Крестьяне не любили его за крутой нравъ, но все-таки не могли не выбирать его.

На мірскихъ сходкахъ часто рѣшаются дѣла о правахъ и участи людей, разсматриваются вопросы, нерѣдко весьма сложные и рѣшенія бываютъ тѣмъ не менѣе столь мудры, что нельзя не пожалѣть, что они пропадаютъ въ неизвѣстности. Замѣчательно, что въ Сибири, для разрѣшенія задачъ, которыя самъ міръ рѣшить не можетъ, призываются на сходку такъ называемые *пасужіе*. Это—крестьяне обыкновенно небогатые, но состоятельные, толковые, хотя, быть можетъ, и не грамотные (*). Впрочемъ, это явленіе не чуждо и великороссійскимъ губерніямъ. Мы можемъ сослаться въ этомъ случаѣ на знатока нашей сельской жизни, г. Григоровича. Кто изъ читателей не помнитъ его прекраснаго, глубоко прочувствованнаго разсказа «пахарь», гдѣ главное дѣйствующее лицо крестьянинъ Анисимычъ. Послушаемъ, какъ авторъ описываетъ значеніе въ мірскомъ обществѣ этого, въ полномъ смыслѣ слова, пасужаго (*):

«Анисимычъ никогда не былъ ни старостой, ни даже сотскимъ; онъ, какъ особенной милости, просилъ всегда, чтобъ избавили его отъ всякой почетной должности. При всемъ томъ, его почитали и слушали больше даже, чѣмъ начальниковъ, которые избирались міромъ.

«Въ деревенскомъ быту, не смотря на внѣшнія грубыя формы, нравственныя качества также хорошо взвѣшиваются, какъ и въ образованномъ сословіи; вліяніе нравственной личности также здѣсь замѣтно и сильно, какъ и тамъ. Здѣсь точно также взвѣшены права на уваженіе каждаго лица и семейства. Въ каждомъ углу расчитываютъ поступки каждаго, разбираютъ, кто съ кѣмъ въ родствѣ, почему лучше отдать дочь замужъ въ такой-то домъ или взять такую-то

(*) См. тамъ же.

(*) Повѣсти и разсказы, т. V, стр. 36—37.

для сына, и все это не въ одномъ денежномъ смыслѣ. Общественное мнѣніе господствуетъ надъ всѣми и управляетъ поступками каждаго болѣе, чѣмъ думаютъ.

«Не было примѣра, чтобы мірская сходка обходилась безъ Анисимыча. А между тѣмъ онъ стоялъ въ какомъ-то исключительномъ положеніи, какъ пахарь въ фабричной деревнѣ, не былъ ни особенно богатъ, ни силенъ, ни кривль; но его слушали, и совѣтъ его служилъ всегда послѣднимъ, рѣшительнымъ приговоромъ. Тоже самое было во всѣхъ крайнихъ, запутанныхъ дѣлахъ и даже въ семейныхъ распряхъ: что скажетъ бывало старикъ, то и свято. Мнѣ ясно представляется теперь одинъ случай:

«Дѣлились два брата. Всякій, кто жилъ въ деревнѣ, знаетъ съ какими трудностями сопряжены дѣлежи такого рода; какъ раздѣлить, на примѣръ, одну избу между двумя человѣками? Не разрубить же ее пополамъ, въ самомъ дѣлѣ! Какъ уравнивать цѣнность лошади съ нѣсколькими овцами или цѣнность хозяйственныхъ орудій съ домашнею утварью? Дѣлежъ между двумя братьями не подвигался къ концу, не смотря на дѣятельное участіе міра и конторы. «Позвать развѣ Анисимыча: что онъ скажетъ!» замѣтилъ кто-то. Братья и всѣ присутствующіе выразили согласіе. Послали за старикомъ, и, немного погодя, онъ явился. Сначала онъ долго отговаривался, говорилъ, что что бы ни сказалъ онъ, одинъ изъ братьевъ все-таки останется не въ удовольствіи, и проч.; но къ нему приступили рѣшительнѣе и потребовали отвѣта. — «Ну, во имя Отца и Сына и Святаго Духа!» сказалъ онъ тогда, набожно осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. . . Затѣмъ, онъ рѣшилъ споръ такимъ образомъ: все хозяйство и весь скотъ слѣдовало раздѣлить пополамъ, какъ *пріобрѣтенное*; но хлѣбъ—даръ божій! Богъ печется о каждомъ человѣкѣ и посылаетъ хлѣба каждому сколько нужно: хлѣбъ надо дѣлить, слѣдовательно, по душамъ; у одного брата три души, у другаго больше: такъ послѣднему больше надо.—Такъ и сдѣлали»

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, кажется, чтобъ имѣть понятіе, какое важное значеніе имѣютъ сходки и судъ крестьянскій въ правахъ семейственныхъ и имущественныхъ. Само собою разумѣется, что въ дѣлахъ по преступленіямъ и проступкамъ они уже не могутъ имѣть такихъ широкихъ размѣровъ. Мы видѣли, къ какимъ дѣламъ этого рода примѣняется домашній крестьянскій судъ, мірская расправа. Неповиновеніе и грубость въ отношеніи ближайшихъ начальниковъ, неповиновеніе родителямъ, лѣность, пьянство и буйство, драки и ссоры, незначительное воровство и т. п.— вотъ предметы вѣдомства этого суда. Хотя судъ этотъ бываетъ большею частію снисходительный (примѣръ представленъ выше), но не вездѣ. Такъ въ виленской губерніи, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, гдѣ судъ надъ провинившимися предоставлялся самимъ крестьянамъ, наказаніе производилось всегда строже, нежели какое придумалъ бы самъ владѣлецъ. Г. Киркоркъ, въ статьѣ своей: «этнографическій взглядъ на виленскую губернію» (*), записалъ рассказъ, что прежде водился въ этой мѣстности особый обычай наказыванія воровъ, по суду стариковъ изъ цѣлой деревни, безъ участія владѣльца, или двороваго управленія. Изобличеннаго въ воровствѣ водили, при стеченіи цѣлаго населенія деревни, къ первымъ воротамъ крайней въ деревнѣ хаты, клали передъ воротами и давали одну розгу, читая, между тѣмъ, правоученія дѣтямъ и молодежи, чтобы примѣръ этотъ возбудилъ въ нихъ презрѣніе къ преступнику; потомъ цѣлой процессіей слѣдовали къ другимъ воротамъ, передъ которыми давали опять одинъ ударъ и такъ далѣе, пока не обходили всѣхъ дворовъ въ деревнѣ. Увѣряютъ, что это *отеческое* наказаніе имѣло сильное вліяніе на исправленіе нравственности крестьянъ; а *благоразумные* помѣщики нисколько этому не препятствовали, даже поощряли. Очевидно, что теперь никто не будетъ жалѣть, что этотъ обычай исчезъ (и слава Богу!); никто не

(*) См. Этнограф. Сборникъ, вып. III, стр. 173—174.

будеть сочувствовать такому отеческому наставленію, совершенно уничтожавшему всякое уваженіе къ личности человека, приучавшему молодое поколѣніе къ неуваженію личности, хотя бы даже и преступника, и что никто не назоветъ также благоразумными тѣхъ, кто не только не содѣйствовалъ къ искорененію такого обычая, а напротивъ поощрялъ даже его. Наше мнѣніе таково, что, по мѣрѣ возможности, слѣдуетъ стараться искоренить между крестьянами обычай или право (назовите какъ угодно) прибѣгать къ тѣлеснымъ наказаніямъ для исправленія провинившихся въ чемъ-либо своихъ собратьевъ. Это въ высшей степени важно: какъ скоро крестьяне отрѣшатся отъ употребленія тѣлесныхъ наказаній въ своемъ домашнемъ судѣ, какъ скоро личность каждаго члена сельскаго міра будетъ неприкосновенна въ этомъ отношеніи и явится сознаніе въ ненужности истязаній тѣла, битья палками и розгами, тѣмъ самымъ далеко возвысится ихъ нравственное чувство. Отмѣна тѣлесныхъ наказаній въ домашней крестьянской расправѣ будетъ служить первою ступенью къ отмѣнѣ у насъ тѣлесныхъ наказаній вообще. Ненужность такихъ наказаній въ домашнемъ быту будетъ служить уже указателемъ, что безъ этихъ мѣръ можно обойтись и въ быту государственномъ, когда карателемъ преступленій является не одна какая-либо община, а само государство.

Снова обращаемся, послѣ всѣхъ отступленій и приведенныхъ примѣровъ, къ вопросу о собраніи народныхъ юридическихъ обычаевъ. Что имѣемъ мы по этой части въ нашей литературѣ? Почти ничего: на собраніе матеріаловъ для этого съ специальною цѣлью не обращалось надлежащаго вниманія. Всѣ статьи, относящіяся сюда, такъ немногочисленны, что они извѣстны наперечетъ. Кромѣ упомянутой нами выше статьи г. Калачова, приходится указать еще на весьма немногія. Сюда принадлежатъ статьи: юридическій бытъ малороссіи, *Тарновскаго*, въ юридическихъ запискахъ Рѣдкина (т. 2, 1842 г., ст. 30—48); юридическія изслѣдованія относительно торговаго быта Одессы, *Д. Мейера*, въ его юридическомъ сборникѣ, 1855 г.; особенности займа въ Сибири, *В. Колмогорова*

(небольшая записка въ газ. золотое руно, 1857 г. № 13) — и нѣкоторыя другія. Въ трудахъ и лѣт. общества исторіи и древностей (ч. IV, кн. I) находимъ статью *М. Макарова*: древнія и новыя божбы, клятвы и присяги русскія, гдѣ авторомъ указаны на нѣкоторые юридическіе обычаи народные, но статья эта уже устарѣла и сообщенныя въ ней свѣдѣнія требуютъ повѣрки. Въ сочиненіи *И. Снегирева*: Русскіе въ своихъ пословицахъ, записаны также нѣкоторыя весьма интересные народные юридическіе обычаи.

Въ 1847 году императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ была разослана печатная программа, которою всѣ желающіе трудиться на пользу этнографіи приглашались доставлять мѣстные описанія по извѣстному плану. Планъ этотъ, изложенный довольно подробно, заключалъ въ себѣ, въ числѣ другихъ предметовъ, и *юридическіе обычаи*. Огромное число доставленныхъ матеріаловъ, съ 1853 г. Общество начало печатать въ этнографическомъ сборникѣ; сборникъ выходилъ выпусками и теперь изданіе его возобновлено. Въ иныхъ изъ напечатанныхъ здѣсь статей мы встрѣчаемъ иногда любопытныя указанія и на юридическіе обычаи (нѣкоторые изъ нихъ приведены и въ настоящей нашей статьѣ). Но эти свѣдѣнія болѣею частію отрывочны и потому мало удовлетворительны. Безъ всякаго сомнѣнія, главная причина этой неудовлетворительности заключается въ томъ, что собиратели этнографическихъ матеріаловъ не могли обратить должнаго вниманія на этотъ предметъ или по недостатку юридическаго образованія, или потому, что по самому плану юридическіе обычаи стояли вдали. При томъ, безъ юридическаго образованія и безъ особеннаго такта наблюдательности въ этой сферѣ жизни, указать, подмѣтить юридическіе обычаи не такъ легко, какъ можетъ показаться на первый разъ. Юридическіе обычаи часто представляются въ такой замаскированной формѣ, что только опытный глазъ наблюдателя способенъ ихъ извлечь изъ жизни и объяснить надлежащимъ образомъ. Кроме того, не многимъ удастся близко познакомиться съ юридическою жизнью народа:

она не так рѣзко выступаетъ и бросается въ глаза, какъ какіе нибудь свадебные обряды, народныя увеселенія и т. п.

Въ началѣ мы говорили уже, какое значеніе имѣютъ юридическіе народныя обычаи въ особенности въ настоящее время и какъ желательно было бы по возможности ближе ознакомиться съ ними. Тогда нашъ взглядъ на народъ, на его возрѣнія и понятія, на его потребности значительно расширился бы и прояснился, и тогда мы имѣли бы больше возможности удовлетворить его потребностямъ, и гораздо рѣже впадали бы въ тѣ ошибки и промахи, которые часто неизбежны при кабинетныхъ законодательныхъ работахъ, основанныхъ, или исключительно или преимущественно, на основаніи только теоретическихъ соображеній. Но вотъ вопросъ: какимъ путемъ достигнуть желаемой цѣли, какъ собрать достаточный запасъ матеріаловъ, чтобы представить хотя сколько нибудь полную и удовлетворительную картину народныхъ юридическихъ обычаевъ? Что касается до насъ, то мы можемъ, съ своей стороны, предложить нѣкоторыя средства. Намъ кажется, что прежде всего необходимо ознакомиться съ тѣмъ, что уже напечатано въ различныхъ сочиненіяхъ и статьяхъ, сколько нибудь относящихся сюда, и все это сгруппировать, свести въ одно цѣлое. Трудъ не легкій, конечно, и для одного лица почти неисполнимый; но этотъ трудъ былъ бы весьма полезнымъ и служилъ бы въ нѣкоторой степени руководствомъ, справочною книгою для собирателей новыхъ матеріаловъ. Гдѣ мы можемъ встрѣтить преимущественно указанія на юридическіе обычаи народныя, это, кажется, въ этнографическихъ описаніяхъ различныхъ мѣстностей, въ значительномъ количествѣ разбросанныхъ по разнымъ, особенно сельско-хозяйственнымъ періодическимъ изданіямъ.

Далѣе, чтобы облегчить собраніе матеріаловъ и дать имъ по возможности единообразное направленіе, для этой цѣли необходимо составить обстоятельную, подробную программу, разослать ее въ значительномъ количествѣ, въ печатныхъ экземплярахъ, къ тѣмъ лицамъ, которыя, по своему положенію, могутъ находиться въ близкомъ соприкосновеніи съ народомъ

и вникать въ его юридическую жизнь, въ той или другой средѣ. Разумѣется, въ составленіи и разсылкѣ такой программы слѣдовало бы принять участіе одному изъ нашихъ ученыхъ обществъ, которое, замѣняя собою несуществующія у насъ до сихъ поръ юридическія общества, приглашало бы любителей къ собиранію матеріаловъ. Такой исходный пунктъ необходимъ особенно потому, чтобы собираемые матеріалы могли стекаться въ одинъ центръ, тамъ разсматриваться, группироваться и потомъ обнародываться. Наши новые дѣятели на служебномъ поприщѣ—судебные слѣдователи и мировые посредники могли бы оказать въ этомъ дѣлѣ большую помощь, какъ такія лица, которые находятся въ непосредственномъ сообщеніи съ народомъ.

Оканчиваемъ настоящую нашу замѣтку обѣщаніемъ представить въ послѣдствіи на судъ читателей сводъ [тѣхъ свѣдѣній относительно народныхъ юридическихъ обычаевъ, которые могутъ быть извлечены изъ различныхъ сочиненій, уже обнародованныхъ.

И. МУЛЛОВЪ.

ПОЗДНѢЙШЕЕ ПРИПЕЧАТАНІЕ

ПЕРВАГО ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ одномъ изъ уѣздныхъ судовъ нѣсколько лѣтъ тому было дѣло о взысканіи мѣщаниномъ Семеновымъ, съ поручика Андреева 10-т. руб. сер. по роспискѣ. Наконецъ въ 1858 году судъ разрѣшилъ его, отказавъ въ искѣ Семенова.

Послѣдній вызывался къ выслушанію рѣшенія сперва черезъ полицію, а потомъ черезъ вѣдомости, въ которыхъ объявленіе объ этомъ было припечатано: въ с.-петербургскихъ сенатскихъ объявленіяхъ 29 августа, 2 и 6 сентября, а въ московскихъ 3, 7 и 11 сентября 1858 года.

Вслѣдствіе этой публикаціи Семеновъ явился въ судъ, выслушалъ рѣшеніе и, объявивъ неудовольствіе, 5 сентября 1859 года принесъ апелляціонную жалобу палатѣ гражданскаго суда.

Жалоба эта была принята палатою; но Андреевъ, находя, что Семеновъ пропустилъ годовой срокъ на принесеніе ея, обратился въ правительствующій сенатъ съ просьбою объ отмѣнѣ распоряженія палаты и о вмѣненіи ей въ обязанность, возвративъ Семенову жалобу его, признать рѣшеніе уѣзднаго суда вошедшимъ въ законную силу.

Въ основаніи своего ходатайства Андреевъ приводилъ то, что по силѣ 513 статьи II части X тома «началомъ годового срока для подачи апелляціонной жалобы полагается для отсутствующихъ тяжущихся (т. е. для тѣхъ, которые вызы-

ваются къ выслушанію рѣшенія черезъ вѣдомости) со дня позднѣйшаго припечатанія объявленія о вызовѣ ихъ къ выслушанію рѣшенія, то есть со дня тѣхъ сенатскихъ объявленій, с.-петербургскихъ или московскихъ, кои будутъ содержать въ себѣ: позднѣйшее припечатаніе перваго объявленія». Поэтому такъ какъ первое объявленіе о вызовѣ Семенова къ выслушанію рѣшенія уѣзднаго суда было припечатано въ С.-Петербургѣ 29 августа 1858 года, позднѣйшее же припечатаніе этого перваго объявленія послѣдовало въ московскихъ объявленіяхъ 3 сентября, то и началомъ годоваго срока на принесеніе апелляціонной жалобы на то рѣшеніе должно считать 3 сентября 1858 года, а окончаніемъ онаго, на основаніи той же 513 статьи, 2 сентября 1859 года, а не 5 сентября, какъ признала гражданская палата.

Мы сочли долгомъ обратить вниманіе читателей на это дѣло потому именно, что возбужденный въ ономъ вопросъ, какъ понимать выраженіе: *«позднѣйшее примечаніе перваго объявленія.»* разрѣшается, большею частію, весьма различно.

Ни одна изъ статей и части х тома свода законовъ не возбуждала столько противорѣчащихъ толкованій и споровъ, какъ статья 513 и нѣкоторыя другія, содержащія въ себѣ исчисленіе сроковъ судопроизводства по публикаціямъ въ вѣдомостяхъ. Ни одно изъ дѣйствующихъ узаконеній не можетъ быть приведено въ основаніе для правильнаго разрѣшенія этихъ споровъ. Поэтому каждое судебное мѣсто, при примѣненіи означенной статьи къ дѣлу, руководствуется лишь своимъ собственнымъ обычаемъ и едва ли въ состояніи объяснить и указать корень этого обычая. Послѣдствіемъ этой неопредѣлительности есть то, что тяжущійся, вызываемый чрезъ вѣдомости, не знаетъ, когда ему слѣдуетъ явиться; раніе онъ или не желаетъ, или не можетъ; являясь же, по его предположенію, во время, онъ можетъ быть признанъ пропустившимъ срокъ. Отсюда сомнѣніе, опасеніе пропустить срокъ, и слѣдовательно тревога, стѣсненіе въ дѣйствіяхъ, т. е. такія явленія, которыхъ законодательство не могло и не должно имѣть своею цѣлію, имѣя девизомъ миръ и спокойствіе.

Изъ существующихъ мѣнѣй или обычныхъ правилъ о примѣненіи 513 статьи судебнаго мѣста преимущественно держатся слѣдующихъ двухъ: одного, — котораго придерживалась и палата гражданскаго суда, принимая жалобу Семенова, — что позднѣйшимъ припечатаніемъ перваго объявленія признается та публикація о вызовѣ тяжущагося въ судъ, которая, при сличеніи с.-петербургскихъ сенатскихъ объявленій съ московскими, окажется припечатанною, напримѣръ, въ С.-Петербургѣ ранѣе, нежели въ Москвѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ, по числу ея припечатанія въ томъ же городѣ, будетъ третьею.

Другое же состоитъ въ томъ, что подъ позднѣйшимъ припечатаніемъ перваго объявленія должно разумѣть ту публикацію, которая при сравненіи перваго изъ числа трехъ объявленій московскихъ съ первымъ же изъ числа трехъ с.-петербургскихъ, будетъ представляться позднѣйшею изъ нихъ.

Которое изъ этихъ двухъ мѣнѣй основательнѣе, трудно рѣшить, такъ какъ смыслъ приведенныхъ нами словъ 513 статьи (*«позднѣйшее припечатаніе перваго объявленія»*) весьма не ясенъ. Поэтому мы обратились къ источникамъ этой статьи, т. е. къ тѣмъ узаконеніямъ различныхъ годовъ, которыя указаны подъ оною какъ основанія для помѣщенія въ ней этихъ словъ, но и тамъ не нашли разъясненія. Въ доказательство выписываемъ эти узаконенія.

А. Указъ 17 августа 1797 года № 18097: «убѣждаясь неудобствами и отягощеніемъ невинныхъ, отъ безъвременнаго исполненія рѣшеній палатъ, на апелляцію изъ нихъ переносимыхъ, признаемъ мы за благо распространить по симъ дѣламъ и на палаты въ губерніяхъ тѣ правила и сроки объявленію рѣшеній тяжущимися и обожданію исполненіемъ оныхъ, которыя до учрежденій о губерніяхъ, на комисси и прочія мѣста установлены, и по изданіи учрежденій во всѣхъ мѣстахъ, кромѣ палатъ, наблюдаемы были; но въ отвращеніе и тутъ встрѣчавшихся разномысліи и проволочекъ, повѣляемъ дополнить: 3) кого изъ тяжущихся, во время повѣстки (о явкѣ въ судъ) и подписанія рѣшенія на лицо въ томъ городѣ (гдѣ рѣшеніе послѣдовало) не будетъ: то

къ извѣщенію оныхъ публиковать о рѣшеніи въ газетахъ, и ожидать явки ихъ и подачи апелляціонной жалобы съ удержаніемъ исполненія четыре мѣсяца со дня публикаціи, а буде и въ теченіи сего времени апелляціонной жалобы не вступить, то, не удерживая болѣе, приводить рѣшеніе въ исполненіе».

Б. 17 сентября 1799 г. № 19,116. «Разсмотрѣвъ поднесенный намъ сената нашего общаго первыхъ 4-хъ и межеваго департаментовъ собранія докладъ объ апелляціяхъ, повелѣваемъ: 4) указа нашего 797 г. августа 17 дня 4 пунктъ долженъ быть исполняемъ такимъ образомъ: кто пропуститъ положенные 3-мъ пунктомъ онаго указа 4 мѣсяца для явки въ судъ, тому годовой срокъ на подачу апелляціонной жалобы считать со дня учиненной о вызовѣ его публикаціи».

В. 14 февраля 1800 г. № 19,277 «въ разрѣшеніе дошедшаго свѣдѣнію нашему противорѣчія между 2-мъ и 6-мъ департаментами сената въ предписаніяхъ тамбовской палатѣ суда и расправѣ о срокѣ исполненія рѣшеній по дѣлу шталмейстера князя Гагарина съ помѣщицами Кокошкиною и Карташевою и въ отвращеніе таковыхъ противорѣчій по будущимъ подобнымъ случаямъ, повелѣваемъ: установленный указомъ 797 г. августа 17 дня для отсутствующихъ тяжущихся четырехъ-мѣсячный къ подачѣ жалобъ на рѣшенія съ удержаніемъ исполненія ихъ, и основанной на томъ же подтвержденномъ нами докладѣ сената 799 года сентября 17 годовой апелляціонный срокъ считать съ перваго припечатанія въ газетахъ московскихъ и с.-петербургскихъ, которыя изъ нихъ содержать будутъ позднее припечатаніе объявленія о рѣшеніи дѣла».

Г. 30 іюня 1826 г. № 439, п. 5 «отсутствующимъ тяжущимся почитать рѣшеніе объявленнымъ со дня позднѣйшаго припечатанія первой публикаціи, т. е. со дня тѣхъ вѣдомостей с.-петербургскихъ или московскихъ, кои будутъ содержать въ себѣ позднѣйшее припечатаніе перваго объявленія».

Изъ этой выписки видно, что только два послѣднія законоположенія могутъ быть названы источниками 513 статьи,

потому что въ первыхъ двухъ говорится глухо, что сроки на явку въ судъ и на подачу апелляціонной жалобы считаются *со дня публикаціи*, не объясняя, съ котораго именно дня. Но указы 1800 и 1826 годовъ не могутъ быть приводимы въ основаніе къ разъясненію означеннаго выше вопроса, потому что какъ тотъ, такъ и другой суть лишь модели, формы, по точному образцу которыхъ выльплена 513 статья, и по нимъ, равно какъ и по слѣнку съ нихъ, нельзя съ точностію опредѣлить тотъ пунктъ, ту точку, къ коимъ должно примкнуться кольцо апелляціоннаго срока, т. е. мы хотимъ сказать, что указы эти, состоя лишь изъ тѣхъ же выраженій, какъ и 513 статья, не могутъ не быть столь же непонятными, какъ и эта статья.

Такимъ образомъ, не находя нигдѣ объясненія того, что намъ казалось и кажется темнымъ, мы уже готовы были оставить наши изысканія, какъ совершенно случайно встрѣтили указъ сената отъ 1-го февраля 1817 года (*), пролившій яркій свѣтъ на занимавшій насъ предметъ.

Изъ указа этого видно:

5-го сентября 1816 года въ правительствующемъ сенатѣ была получена апелляціонная жалоба подполковника Николая Демидова на рѣшеніе межевой канцеляріи о присужденіи пустоши Топорниной съ прочими дачами симбирской губерніи алатырскаго уѣзда въ казенное вѣдомство.

Въ приложенномъ при этой жалобѣ свидѣтельствѣ межевой канцеляріи значилось, что канцелярія, подписавъ 21 декабря 1814 года постановленное ею по означенному дѣлу рѣшительное опредѣленіе, припечатала объявленіе о семъ въ вѣдомостяхъ с.-петербургскихъ 5-го марта, а въ московскихъ 22-го сентября 1815 года.

По справкѣ же въ сенатѣ оказалось, «что о рѣшеніи «межевою канцеляріею вышеозначеннаго дѣла къ свѣдѣнію владѣльцевъ припечатано въ объявленіяхъ с.-петербургскихъ и

(*) Полн. соб. зак. 26654.

«московскихъ въ 1 разъ: въ с.-петербургскихъ 26 февраля, а въ московскихъ 15 сентября 1815 года; въ приложенномъ же при сей Демидовой жалобѣ свидѣтельствѣ, выданномъ отъ межевой канцеляріи, показано припечатаніе въ прибавленіяхъ къ вѣдомостямъ обѣихъ столицъ въ третій разъ.

Имѣя это въ виду, правительствующій сенатъ заключилъ: «какъ изъ приложеннаго при сей жалобѣ свидѣтельства и выведенной въ сенатъ съ публикаціями въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ справки видно, что вышеозначенное дѣло межевою канцелярією рѣшено, и рѣшительное опредѣленіе по оному подписано 21 декабря 1814 года, а по нехожденію тяжущихся, къ вѣдѣнію ихъ о томъ, рѣшеніе припечатано въ прибавленіяхъ къ вѣдомостямъ обѣихъ столицъ въ 1 разъ, с.-петербургскихъ 26 февраля, а въ московскихъ 15 сентября прошлаго 1815 года, жалоба-же въ сенатъ вступила 5 сентября 1816 года; слѣдовательно, не пропуская узаконеннаго межевой инструкціи 30 главы 3 пунктомъ и указомъ 1800 года февраля 14 числа годоваго срока, и для того оную жалобу принявъ, приобщить къ присланному уже изъ межевой канцеляріи о тѣхъ земляхъ въ сенатъ дѣлу; подтверждая притомъ строго межевой канцеляріи, чтобы она въ выдаваемыхъ ею свидѣтельствахъ означала троекратныя въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ публикаціи всѣ или по крайней мѣрѣ первые разы оныхъ, съ которыхъ именно, по силѣ указа 1800 года февраля 14, считаются къ подачу жалобъ сроки, а не такъ, какъ въ приложенномъ при сей жалобѣ свидѣтельствѣ показана публикація, безъ означенія, въ которой разъ она сдѣлана, по выправкѣ же въ сенатъ оказалась она не первого раза, къ котораго срокъ узаконенъ, а уже третьяго».

Указъ этотъ весьма важенъ, ибо объясняя, что установленные указомъ 1800 года сроки на принесеніе жалобъ ни въ какомъ случаѣ не должны считаться съ третьихъ публикацій объявленій, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ прямо говоритъ, что сроки эти исчисляются съ первыхъ публикацій. Имѣя же это въ виду, не трудно уже опредѣлить, что значать слова: *позднѣйшее припечатаніе первого объявленія*, и именно смыслъ

ихъ есть тотъ, что позднѣйшимъ припечатаніемъ перваго объявленія признается та публикація, которая, при сравненіи перваго изъ числа трехъ объявленій московскихъ съ первымъ же изъ числа трехъ с.-петербургскихъ, будетъ представляться позднѣйшею изъ нихъ.

Поэтому мы признавали бы полезнымъ и даже необходимымъ, для прекращенія на будущее время споровъ и неправильныхъ толкованій 513 статьи, дополнить ее, сдѣлавъ въ цитатѣ подъ нею ссылку на названный указъ 1817 года, не упоминаемый вовсе во II ч. X т. свода законовъ.

Но при этомъ мы не можемъ не замѣтить, что весьма не трудно было бы избѣжать споровъ и неправильныхъ толкованій и инымъ образомъ, а именно установить во 1-хъ, что изъ сенатскихъ объявленій, печатаемыхъ и въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ, которыя либо одни имѣютъ обязательное значеніе для исчисленія по нимъ сроковъ судопроизводства, и во 2-хъ, что эти сроки исчисляются съ третьяго объявленія.

Оправданіемъ этой мысли нашей служить то, что приведетъ ее въ исполненіе, порядокъ исчисленія сроковъ весьма упростится; тогда уже не нужно будетъ отыскивать, гдѣ объявленіе припечатано раньше и гдѣ позже; тяжущіеся, зная, что сроки исчисляются съ третьяго, напимѣрь, петербургскаго, объявленія, не будутъ сомнѣваться, когда именно они должны исполнить тотъ или другой обрядъ судопроизводства, и наконецъ судебныя мѣста не затруднятся въ опредѣленіи, пропущенъ ли срокъ или не пропущенъ. Отсюда уменьшеніе дѣлъ, уменьшеніе труда и хлопотъ.

Если же предполагать, что печатаніе объявленій въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ узаконено съ тою цѣлю, чтобы не заставлятъ частныхъ лицъ подписываться на вѣдомости, издаваемые въ томъ и другомъ городѣ, то это предположеніе едва-ли будетъ основательно, потому что, если напимѣрь, московскій житель подписался лишь на полученіе московскихъ сенатскихъ прибавленій, то, читая въ нихъ о вызовѣ его въ какой нибудь судъ, онъ не можетъ удовольствоваться одною

Московскою публикаціею; но для того, чтобы определить себя, когда именно наступает или кончается для него срок на явку, онъ непременно долженъ будетъ справиться и съ с. петербургскими объявленіями, и слѣдовательно долженъ имѣть и ихъ.

Наконецъ, если намъ замѣтить, что такая двойная публикація установлена для того, чтобы дать тяжущимся возможно большія средства знать о дѣйствіяхъ судебныхъ мѣстъ по касающимся до нихъ дѣламъ, то и это замѣчаніе не ослабитъ нисколько предложенія нашего, потому во 1-хъ, что предложеніе наше состоитъ не въ прекращеніи означенной двойной публикаціи, но лишь въ прекращеніи обязательной силы обоихъ сенатскихъ изданій для исчисленія сроковъ; и во 2-хъ, что оно находитъ свое оправданіе и въ слѣдующемъ: хотя по силѣ 478 статьи п ч. х т. тѣ изъ тяжущихся, коихъ мѣстопробываніе неизвѣстно суду, или которые имѣютъ жительство внѣ города или уѣзда, въ вѣдомствѣ суда состоящемъ, и извѣщаются о рѣшеніи дѣла не только посредствомъ припечатанія въ сенатскихъ объявленіяхъ, но и въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, однако же сроки судопроизводства по симъ послѣднимъ вѣдомостямъ не считаются (20 и 22 §§ приложения къ статьѣ 472 т 1 учр. прав. сената).

Г. РЪПИНСКІЙ.

ПАРИЖСКІЯ ТЮРЬМЫ.

(отрывокъ изъ *путевыхъ замѣтокъ*).

Я отправился обозрѣвать парижскія тюрьмы вмѣстѣ съ моимъ знакомымъ адвокатомъ, которому я обязанъ былъ возможностью ихъ осмотрѣть. Прежде всего мы поѣхали въ *La Conciergerie*. Тюрьма эта находится въ зданіи, называемомъ «Palais de Justice». Въ ней содержатся арестанты во время производства ихъ процессовъ въ судѣ ассизовъ. *La Conciergerie* не отличается ни обширностію, ни удобствами, но замѣчательна исключительно по своему историческому значенію. Тамъ содержалась въ теченіи 76 дней злосчастная Марія Антуанета. Комната ея осталась въ неприкосновенномъ видѣ и вызываетъ на самыя грустныя размышленія. Въ этой комнатѣ сохраняется образъ распятія Спасителя (*pie—Dieu*), предъ которымъ молилась королева передъ казнію. Стражъ, показывавшій намъ тюрьму, рассказывалъ намъ въ подробности объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ заключеніе и казнь королевы. Приговоренная къ смертной казни королева написала письмо къ *madame Elisabeth*, въ которомъ поручала ей дѣтей своихъ, просила устранить въ нихъ всякое стремленіе къ мести и умоляла прислать ей священника. Письмо это начерчено на памятникѣ, находящемся въ церкви, называемой «*Chapelle Expiatoire*» и воздвигнутой на мѣстѣ бывшей могилы короля и королевы въ улицѣ *Anjou St Но-*

погѣ (*). Въ комнатѣ королевы сохраняется до настоящаго времени картина, изображающая ея предсмертную исповѣдь.

Рядомъ съ комнатою Маріи Антуанеты находится комната, служившая мѣстомъ заточенія Робеспьера. Онъ былъ арестованъ въ ночь съ 27-го на 28-е іюля 1794 года по приказанію своего бывшаго друга Фукьё-Тенвиля, и послѣ неудавшагося покушенія на самоубійство, казненъ былъ тою самою гильотиною, которую онъ такъ часто приводилъ въ дѣйствіе для другихъ. Изъ комнаты Робеспьера проведена дверь въ тюремную церковь, устроенную въ обширной и свѣтлой комнатѣ, служившей прежде мѣстомъ собранія жертвъ, осужденныхъ къ смертной казни. Ихъ вводили туда изъ революціоннаго трибунала послѣ его приговора и выходъ оттуда былъ одинъ, онъ велъ на эшафотъ. Въ этой комнатѣ Жирондинцы, обреченные на казнь, устроили ночью 30 октября 1793 года предсмертный пиръ, извѣстный въ исторіи подъ названіемъ «le banquet des Girondins». Революціонный трибуналъ находился рядомъ съ описываемою комнатою въ старѣйшемъ зданіи, которое теперь разрушено. Говорятъ, что и остальная часть стараго зданія будетъ скоро разрушена, но сохранится лишь комната Маріи Антуанеты въ воспоминаніе ея несчастій. При этомъ не могу не замѣтить о губительной страсти французовъ къ разрушенію старинныхъ памятниковъ и къ воздвиженію новыхъ съ современными прикрасами. Мнѣ кажется, что скоро въ Парижѣ не будетъ ни одного древняго памятника и не останется никакихъ внѣшнихъ историческихъ напоминаній. Комната Жирондистовъ, какъ и комната королевы, наводитъ на глубокія размышленія. Тюремный сторожъ рассказывалъ намъ, что два года тому назадъ въ тюрьму пріѣхала дама въ черномъ платьѣ и покрытая черною вуалью. Неизвѣстная поѣздительница про-

(*) Въ этой же церкви погребены тѣла madame Elisabeth, г-жи Ламаль, Шарлоты Кордей и многихъ другихъ жертвъ революціи 1789 г. Останки Людовика XVI и Маріи Антуанеты перенесены были оттуда во время Реставраціи въ St Denis.

вела нѣсколько минутъ въ комнатѣ Маріи Антуанеты и, стоя на кофляхъ предъ изображеніемъ Спасителя, проливая потоки слезъ. Дама эта была императрица французовъ. Понятно, что la conciergerie должна была произвести на нее сильное впечатлѣніе. Настоящій императоръ французовъ былъ также въ conciergerie, но не въ качествѣ посѣтителя, а въ качествѣ узника. Онъ былъ заключенъ тамъ послѣ знаменитой булонской эскапады. Намъ показывали комнату, имѣвшую честь служить темницею настоящаго распорядителя судебъ Европы. На одномъ изъ находящихся въ этой комнатѣ стульевъ, хранящемся какъ драгоценное воспоминаніе, вырѣзаны имъ собственноручно его initiales, т. е. N. В. Теперь тамъ устроена прачешная. «Sic transit gloria mundi!» (*).

Осмотрѣвъ la conciergerie, мы отправились въ тюрьму, называемую *Мазась* (Mazas). Тюрьма эта находится недалеко отъ бастильской площади (place de la Bastille) и, будучи учреждена въ 1850 году, замѣнила собою древнюю тюрьму «la Force». Мазасская тюрьма устроена архитекторами *Gilbert* и *Lecoq* по всѣмъ правиламъ пенитенціарной системы. Въ центрѣ зданія устроено возвышеніе, родъ обсерваторіи, отъ котораго распространяются въ видѣ радиусовъ шесть длинныхъ и свѣтлыхъ коридоровъ. Въ этихъ коридорахъ устроено 1200 комнатъ для арестантовъ. Офицеръ, показывавшій намъ тюрьму, говорилъ намъ, что постройка ея стоила 7 миллионъ франковъ, и что многіе изъ арестантовъ страдаютъ меланхоліею, возбуждаемою одиночнымъ заключеніемъ и молчаніемъ. Слѣдствіемъ такой меланхоліи бываетъ, въ весьма рѣдкихъ впрочемъ случаяхъ, и самоубійство. Въ 11 лѣтъ, т. е. со времени учрежденія тюрьмы, тамъ было 20 случаевъ самоубійства, иначе, одинъ приходится на тысячу. Замѣча-

(*) Намъ рассказывалъ бригадиръ (brigadier), находящійся болѣе 20 лѣтъ при тюрьмѣ, разные эпизоды изъ жизни Наполеона и, весьма интересные. Такъ между прочимъ онъ говорилъ, что при выходѣ изъ тюрьмы Наполеонъ сказалъ смотрителю: «я имѣлъ 3 раза возможность къ побѣгу; такой возможности не должны имѣть политическіе преступники; когда я буду императоромъ—этого болѣе не будетъ». Предсказаніе исполнилось!

тельно, что въ Англии, не смотря на одиночное заключеніе и систему молчанія, случаевъ смертоубійства почти никогда не бываетъ. По крайней мѣрѣ въ Ньюгетской и Пентонвильской тюрьмахъ, которыя мнѣ удалось осмотрѣть, подобные случаи почти неизвѣстны. Не объясняется ли это обстоятельство характеромъ народа, неразговорчиваго отъ природы и склоннаго къ тяжелому одиночному труду? Мнѣ кажется, что для француза одиночное заключеніе и молчаніе должны быть тягче, чѣмъ для англичанина. Въ мазасской тюрьмѣ содержатся арестанты, находящіеся подъ судомъ (такъ какъ въ одной *conciergerie* не могутъ помѣститься всѣ лица, обвиняемыя въ преступленіяхъ) и преступники, приговоренные не болѣе какъ къ годичному заключенію. Арестантамъ раздають пищу 2 раза въ день: въ 8 часовъ утра и въ 3 пополудни; мясо даютъ имъ только два раза въ недѣлю по четвергамъ и по воскресеньямъ. Обѣдаютъ арестанты отдѣльно въ своихъ комнатахъ, но гуляютъ вмѣстѣ, при офицерахъ, наблюдающихъ за безусловнымъ молчаніемъ. Въ комнатѣ арестанта находится постель, умывальникъ, ватерклозетъ и освѣщается она газовой лампою. Арестанты пользуются книгами, находящимися въ тюремной библиотекѣ. Тамъ, между прочимъ, видѣли мы сочиненія Купера и Вальтера Скотта. Вообще мазасская тюрьма устроена съ большими удобствами для арестантовъ и отличается опрятностію, противъ которой сильно грѣшатъ другія парижскія тюрьмы. Мазасская тюрьма замѣчательна также по эпизоду 2 декабря 1851 года. Извѣстно, что въ этотъ день президентъ французской республики совершилъ знаменитый «*coup d'état*» и въ огражденіе себя отъ всякаго оппозиціоннаго вліянія заблагодарсудилъ заключить всѣхъ членовъ оппозиціи въ тюрьму. Въ слѣдствіе этого въ Мазась привезены были 2 декабря 360 человекъ, и въ томъ числѣ генералы Кавеньякъ и Ламорисьеръ. Тюремный офицеръ говорилъ намъ, что заключенные въ теченіи 7 дней не знали, какая судьба ихъ ожидаетъ. Многіе изъ нихъ, и въ томъ числѣ Ламорисьеръ, предполагали, что они будутъ разстрѣлены. Но опасенія ихъ были напрасны. Результатъ декабрскаго переворота всегдъ извѣстенъ.

грамотѣ и ариѳметикѣ. Тѣмъ изъ нихъ, которые получили уже прежде извѣстное образованіе, не запрещается имѣть свои книги серьезнаго и нравственнаго содержанія. Арестанты помѣщаются въ отдѣльныхъ комнатахъ; въ дверяхъ каждой комнаты находится отверстіе, посредствомъ котораго надзиратель во всякое время можетъ увидѣть малѣйшее движеніе заключеннаго, въ какой бы части комнаты онъ не находился. Кровать, столъ и стулъ составляютъ всю мебель въ комнатѣ. Вечеромъ тюрьма освѣщается посредствомъ лампъ. Директоръ тюрьмы, докторъ и священникъ посѣщаютъ ее весьма часто. Родители допускаются для свиданія съ дѣтьми разъ въ недѣлю. Арестанты гуляютъ ежедневно въ обширныхъ дворахъ тюрьмы. Бдѣть они два раза въ день, какъ и въ Мазасѣ и мясо раздается также только по четвергамъ и воскресеньямъ. Одежда арестантовъ состоитъ изъ сѣрой куртки и панталонъ— зимою суконныхъ, а лѣтомъ нанковыхъ. Въ случаѣ проступковъ арестанты подвергаются заключенію въ карцеръ на хлѣбъ и воду или лишаются гулянья. Говорятъ, что наказанія эти вполне достаточны для поддержанія дисциплины въ тюрьмѣ и примѣняются въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Со времени введенія пенитенціарной системы въ тюрьмѣ наказываются, среднимъ числомъ, 7 человекъ, тогда какъ прежде, т. е. въ то время, когда арестанты содержались вмѣстѣ, число наказанныхъ было втрое болѣе.

Кромѣ наказаній, въ тюрьмѣ допускаются и награды, которыя состоятъ или въ мѣстахъ за почетнымъ столомъ (*table d'honneur*), или въ подаркахъ книгъ и другихъ полезныхъ предметовъ. За почетнымъ столомъ обѣдаютъ по воскресеньямъ арестанты, отличившіеся въ теченіе недѣли какъ поведеніемъ, такъ и прилежаніемъ въ наукахъ и ремеслахъ. Кромѣ того имъ дозволяется въ видѣ награды гулять на дворѣ не въ урочное время. Кромѣ заботы объ арестантахъ во время ихъ заключенія общество позаботилось и о ихъ положеніи послѣ освобожденія. Какія бы не пріобрѣлъ арестантъ познанія въ тюрьмѣ, тѣмъ не менѣе онъ не можетъ немедленно послѣ выхода оттуда найти себѣ приличное мѣсто и достаточныя

средства для существованія. Многіе изъ нихъ могли бы вновь впасть въ заблужденіе и увлечься на первыхъ порахъ всѣми соблазнами парижской жизни. Для предупрежденія подобныхъ случаевъ, въ 1833 году образовалось общество, извѣстное подъ названіемъ: «la Société de patronage», цѣль котораго состоитъ въ заботѣ о судьбѣ арестантовъ, выходящихъ изъ исправительнаго дома. Общество это потерпѣло сперва нѣкоторыя неудачи, но со времени введенія пенитенціарной системы дѣла его значительно поправились, и изъ послѣдняго отчета президента общества, г. Беранже, видно, что благотѣльное учрежденіе принесло не мало плодовъ и вѣроятно принесетъ ихъ еще болѣе въ будущемъ. Въ тюрьмѣ мы видѣли мальчика 12 лѣтъ, приговореннаго полицейскимъ судомъ къ 3-хъ годичному заключенію за воровство 3-хъ копѣчной табакерки, изъ чего, между прочимъ, видно, что судьи эти не отличаются особенною мягкостію. Кромѣ того мы видѣли нѣсколькихъ мальчиковъ, отданныхъ въ тюрьму родителями, и любовались издѣліями арестантовъ. Тюремный офицеръ, показывавшій намъ эту тюрьму, также какъ и вообще всѣ другіе офицеры и сторожа обошлись съ нами какъ нельзя болѣе вѣжливо и объясняли намъ все съ готовностію и радушіемъ.

Вообще тюрьма «des jeunes détenus» произвела на меня самое отрадное впечатлѣніе и изгладила непріятное чувство, вынесенное изъ мрачной «la Roquette».

Черезъ нѣсколько дней послѣ осмотра описанныхъ тюремъ, мы отправились обозрѣвать послѣднія изъ замѣчательныхъ парижскихъ тюремъ S-t Lazare и S-te Pelagie. Первая изъ этихъ тюремъ помѣщается въ зданіи, служившемъ прежде мѣстомъ монастыря Св. Лазаря. Зданіе это было первое, почувствовавшее дѣйствіе революціи 1789 года 13 іюля этого года въ народѣ распространился слухъ, что въ монастырѣ Св. Лазаря хранились оружія и военные снаряды.

Разъяренная толпа ворвалась въ эту мирную обитель и жители ея, поспѣшившіе искать спасенія въ бѣгствѣ, никогда болѣе туда не возвращались. Толпа обманулась въ своихъ

ожиданіяхъ и нашла въ монастырѣ всего только 3 никуда негодныхъ ружья.

Но взамѣнъ того тамъ найдено было столько зерна и муки, что ими нагрузили 52 телѣги. Зданіе монастыря превращено было сперва въ казармы, а послѣ въ тюрьму. Самыми знаменитыми узниками въ этой тюрьмѣ были Андрей Шенье и Руше, казненные 7 Термидора II года, какъ враги народа и свободы! Тамъ Шенье написалъ свою знаменитую элегію, кончившуюся словами:

«Quoique l'heure présente ait de trouble et d'ennui
Je ne veux pas mourir encore.»

Отправляясь на эшафотъ за два только дня до XI Термидора, Шенье и Руше декламировали, какъ извѣстно, 1 актъ Андромахи, повѣствующій о встрѣчѣ Ореста съ Пиладомъ. Въ числѣ другихъ замѣчательныхъ узниковъ тюрьмы S-t Lazare, сдѣлавшихся жертвами революціи, нельзя не упомянуть о графѣ Монталамберѣ, баронѣ Тренкѣ и Маркизѣ Рокелорѣ, казненныхъ въ одинъ день съ поэтами друзьями. Декретомъ 9 апрѣля 1811 года тюрьма S-t Lazare предоставлена была департаменту Сены.

Зданіе было исправлено; древнюю церковь разрушили и, вмѣсто ея, устроили новую и свѣтлую капеллу. Тюрьма эта предназначена теперь исключительно для женщинъ и, отличаясь необычайною обширностью, можетъ вмѣстить въ себѣ болѣе 1200 арестантокъ, которыя раздѣляются по разрядамъ сообразно съ причиною заключенія. Такимъ образомъ въ тюрьмѣ S-t Lazare помѣщаются: 1) женщины, обвиняемыя въ воровствѣ и другихъ преступленіяхъ (*les prévenues*); 2) приговоренныя къ тюремному заключенію на время не болѣе одного года; 3) приговоренныя къ болѣе продолжительному заключенію въ ожиданіи перемѣщенія ихъ въ центральныя или другія тюрьмы; 4) молодыя дѣвушки, арестованныя за бродяжничество или по просьбѣ ихъ родителей. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ въ отношеніи дѣвушекъ соблюдаются тѣже правила, какія постановлены для вышеописанной тюрьмы «des jeunes détenus». 5) публичныя женщины, зараженныя венериче-

скими болѣзнями, до времени ихъ выздоровленія. Этотъ послѣдній разрядъ представляетъ собою больницу и женщины содержатся тамъ не въ видахъ исправленія ихъ нравственности, но исключительно въ видахъ общественнаго здравія.

Въ день нашего посѣщенія въ этой больницѣ считалось болѣе 250 женщинъ и въ числѣ ихъ довольно много дѣвушекъ моложе 15 лѣтъ, страдающихъ самыми ужасными болѣзнями. Не смотря на всѣ предосторожности, предпринимаемыя полиціею, большая часть публичныхъ женщинъ находятъ средства избѣгать полицейскаго осмотра и занимаются своею гнусною торговлею до тѣхъ поръ, пока болѣзнь не выразится самымъ яснымъ и ужаснымъ образомъ. Мы видѣли множество женщинъ, носящихъ слѣды этой болѣзни на рукахъ и на лицѣ. Каждый разрядъ помѣщается въ особыхъ отдѣленіяхъ тюремнаго зданія, состоящихъ изъ обширной мастерской (atelier) и спальныхъ комнатъ. Въ мастерскихъ женщины работаютъ подъ надзоромъ сестеръ милосердія; тамъ они занимаются издѣліемъ женскихъ платьевъ, платковъ, бѣлья и другихъ предметовъ женскаго туалета. Кромѣ того арестантки читаютъ громко книги св. писанія поочередно и нѣсколько разъ въ день. Пища раздается въ S-t Lazare въ томъ же количествѣ и по той же системѣ, какъ и въ другихъ парижскихъ тюрьмахъ; каждый разрядъ обѣдаетъ отдѣльно отъ другаго. Родственники допускаются для свиданія съ арестантками не иначе, какъ съ разрѣшенія тюремнаго начальства или префекта полиціи. Общество сестеръ милосердія (Soeurs de charité) учреждено было первоначально г. Легра (Legras) въ 1633 году и извѣстно было прежде подъ названіемъ «Soeurs grises;» окончательное утвержденіе общества сестеръ милосердія послѣдовало при кардиналѣ Ретцѣ въ 1658 году. Общество находится подъ управленіемъ одной *высшей*, «Supérieure», избираемой каждые три года. Польза, приносимая этимъ обществомъ, неизмѣрима. Всѣмъ извѣстно, какое самоотверженіе и какую любовь къ человечеству выразили сестры милосердія во время послѣдней кровавой крымской компаніи. Тоже самоотверженіе и ту же любовь выражаютъ они при отправленіи своихъ тюремныхъ обязанно-

стей. Дѣйствуя исключительно кротостію и теплымъ словомъ, онѣ имѣють чрезвычайно благотворное вліяніе на арестантокъ и весьма часто наводятъ на путь истины самыхъ закоснѣлыхъ и развратныхъ преступницъ. Вообще тюрьма S-t Lazare устроена съ большими удобствами для арестантокъ и должна производить на посѣтителей весьма благоприятное впечатлѣніе.

Но не таково было наше впечатлѣніе при осмотрѣ тюрьмы S-te Pèlagie, въ которую мы отправились изъ S-t Lazare. Тюрьма St Pèlagie, предназначенная для преступниковъ, приговоренныхъ къ заключенію на время отъ 1-го дня до 10 и болѣе лѣтъ, очень напомнила мнѣ тюрьмы, которыя я видѣлъ въ нашихъ городахъ. Она прежде всего поражаетъ своею мрачностію и сыростію. Преступники спятъ вмѣстѣ въ общихъ комнатахъ; въ отдѣльныхъ комнатахъ помѣщаются только арестанты, имѣющіе средства платить извѣстную сумму денегъ за квартиру и отопленіе. Общія комнаты, подобно спальнямъ и мастерскимъ въ La Roquette, не имѣють печей, потому конечно не могутъ похвалиться теплотою. Столовой комнаты въ St Pèlagie не существуетъ и потому арестанты обѣдаютъ всегда во дворѣ, не смотря ни на дождь, ни на холодъ, и къ довершенію удобства должны ѣсть стоя, такъ какъ во дворѣ не устроено столовъ для этой цѣли. Мы присутствовали при такомъ обѣдѣ арестантовъ во время сильнаго дождя и не могли не замѣтить бригадиру (brigadier), показывавшему намъ тюрьму, что такая система кормленія едва ли сообразна съ человѣческимъ достоинствомъ, но онъ на это возразилъ, что въ тюрьмѣ нѣтъ лишняго уголка, и, что потому нѣтъ никакой возможности устроить тамъ столовую залу. Въ день нашего посѣщенія въ тюрьмѣ числилось 1600 арестантовъ. Въ отдѣльныхъ комнатахъ Ste Pèlagie мы видѣли нѣсколькихъ замѣчательныхъ преступниковъ, и въ томъ числѣ художника Блавиера (*), знаменитаго доктора Вріеса, извѣстнаго подъ именемъ доктора Чернаго (docteur Noir). Докторъ Вріесъ или Черный, производившій въ послѣдніе годы силь-

(*) Процессъ по обвиненію этого художника въ подлогахъ будетъ описанъ мною въ послѣдствіи.

нѣйшій фуроръ въ Парижѣ и считавшійся едва не за пророка, приговоренъ былъ къ годичному тюремному заключенію Сенскимъ судомъ исправительной полиціи за противозаконное пользованіе докторскимъ званіемъ и другіе обманы (*). Тюремное заключеніе не разубѣдило однако Вріеса въ его мистической силѣ; онъ показывалъ намъ приготовляемое имъ теперь сочиненіе, имѣющее цѣлю совершенное преобразованіе христіанскаго общества. Я былъ очень радъ случаю увидѣть доктора Чернаго, отличающагося необыкновенною оригинальностію. Онъ прозванъ «Чернымъ» потому что онъ по цвѣту лица ближе подходитъ къ неграмъ, чѣмъ къ бѣлымъ, хотя онъ далеко не такъ черенъ, какъ природныя негры. Вріесъ большаго роста, хорошо сложенъ и лицо его, не лишнее нѣкотораго добродушія, производитъ хорошее впечатлѣніе. «Мой приговоръ», говорилъ онъ намъ, «есть моя корона» (*Ma condamnation est ma couronne*). Я приглашалъ Вріеса пріѣхать послѣ окончанія срока заключенія въ Россію, обѣщая ему тамъ болѣе успѣха, чѣмъ во Франціи. Онъ очень былъ доволенъ этимъ приглашеніемъ; добродушно смѣялся и обѣщалъ непремѣнно побывать въ моемъ отечествѣ. Если онъ исполнитъ свое обѣщаніе, то весьма вѣроятно, что ему прійдется извѣдать систему и нашего русскаго тюремнаго заключенія. Въ такомъ случаѣ любопытно было бы узнать, какъ ему поправятся наши тюрьмы и предпочтеть-ли онъ ихъ французской *Ste Pelagie*, которая произвела на меня весьма непріятное впечатлѣніе. Осмотромъ этой послѣдней тюрьмы заключились мои развѣдки о состояніи парижскихъ тюремъ. Изъ числа тюремъ, которыя не описаны мною въ настоящемъ очеркѣ, я упомяну только о тюрьмѣ *Clichy*, предназначенной для заключаемыхъ за долги, и о тюрьмѣ *des Madelonnettes*, въ которой содержатся молодые арестанты прежде разрѣшенія судомъ процесса по обвиненію ихъ въ проступкахъ и преступленіяхъ.

М. ЗАРУДНЫЙ.

(*) Процессъ Вріеса подробно описанъ въ февральской книжкѣ журнала министерства юстиціи за 1860 годъ.

ОЧЕРКЪ

ШОТЛАНДСКАГО СУДОУСТРОЙСТВА.

Въ послѣднее время въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ неоднократно появлялись статьи объ *англійскихъ судебныхъ учрежденіяхъ*. Такимъ образомъ читатели нашихъ журналовъ, конечно, получили болѣе или менѣе ясное понятіе о характерѣ и значеніи англійскаго судоустройства. Между тѣмъ на устройство суда въ Шотландіи до сихъ поръ не было обращено почти никакого вниманія со стороны нашихъ юристовъ. Я, по крайней мѣрѣ, не могу указать ни на одну, сколько нибудь замѣчательную, статью касательно шотландскаго судоустройства. Мнѣ кажется, что такой пробѣлъ въ нашей юридической литературѣ объясняется тѣмъ, что въ самой Шотландіи трудно найти такую специальную книгу, въ которой предметъ этотъ былъ бы представленъ въ своемъ полномъ объемѣ. Тамъ встрѣчаются множество книгъ и брошюръ, трактующихъ объ отдѣльныхъ частяхъ шотландскаго законодательства или громадныя томы, посвященные всему законодательству, какъ на примѣръ *Институты Лорда Стера* (Stair's Institutions of the law of Scotland). Отдѣльныя книги и брошюры мало извѣстны на материкѣ Европы, а спеціальныя книги, подобныя институтамъ Стера, требуютъ слишкомъ большаго и притомъ часто напраснаго труда со стороны иностраннаго юриста. Въ бытность свою осенью прошед-

шаго года въ Шотландіи, я имѣлъ случай познакомиться съ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ тамошнихъ писателей *Сэръ Робертъ Чемберзомъ* (*) (*Sir Robert Chambers*). Его благосклонному содѣйствію я обязанъ возможностью представить нашимъ читателямъ хотя самый краткій очеркъ шотландскаго судоустройства. Г. Чемберзъ предоставилъ мнѣ право пользоваться книгами, находившимися въ его обширной библіотекѣ, и кромѣ того удостоилъ меня своими собственными совѣтами и объясненіями. Я затрудняюсь сдѣлать положительную ссылку на источники, послужившіе основаніемъ предлагаемой статьи. Она основана частію на выпискахъ, которыя я дѣлалъ изъ разныхъ спеціальныхъ книгъ и брошюръ, и частію, какъ на моихъ личныхъ наблюденіяхъ, такъ и на словесныхъ объясненіяхъ различныхъ лицъ, съ которыми я встрѣчался во время путешествія своего въ Шотландію. Въ особенности полезна была для меня книга шотландскаго адвоката Лоримера «*Law of Scotland*». Цѣль моей статьи состоитъ въ томъ, чтобы представить въ возможно ясныхъ чертахъ сущность столь мало извѣстнаго намъ судоустройства. Мнѣ было бы весьма пріятно, если бы слабый трудъ мой возбудилъ вниманіе людей болѣе меня знакомыхъ съ предметомъ, и я съ благодарностію прийму всякія возраженія и указанія.

There are in nature certain fountains, of justice whence all civil laws are derived, but as streams; and like as waters do take tinctures and tastes from the soils through which they run, so do civil laws vary according to the regions and governments where they are planted, though they proceed from the same fountains (*Bacon's Dig. and Adv. of Learn*) (**).

(*) Подробныя свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ читатели могутъ найти въ письмахъ моихъ изъ Шотландіи и Ирландіи, напечатанныхъ въ 12, 13 и 14 №№ современной лѣтописи русскаго вѣстника за прошедшій годъ.

(**) Въ природѣ существуютъ извѣстные источники справедливости, изъ которыхъ истекаютъ всѣ гражданскіе законы какъ ручьи. Подобно водѣ, принимающей цвѣтъ и вкусъ отъ почвы, по которой она течетъ, гражданскіе законы измѣняются сообразно со странами и правительствами, гдѣ они прививаются, хотя и истекаютъ изъ одного и того же источника (*Беконъ*).

I.

Шотландское судоустройство хотя и имѣть много общаго съ англійскимъ, но тѣмъ не менѣе оно отличается особеннымъ самобытнымъ характеромъ. Въ Шотландіи не существуетъ раздѣленія суда на судъ *общаго закона* (Common Law) и *справедливости* (Equity), составляющаго отличительное свойство англійскаго суда. Шотландскіе суды раздѣляются во 1, на *гражданскіе* (civil), 2, *уголовные* (criminal), 3, *духовные* (ecclesiastical) и 4, *судъ герольдіи*. Всѣ вообще суды раздѣляются, кромѣ того, на *вышіе* и *нижіе*.

I. НИЖШЕ СУДЫ.

Должность шерифа есть одно изъ древнѣйшихъ учрежденій Шотландіи и имѣть очень много общаго съ бывшими въ незапамятное время *Comes* или *Earl*.

Первоначально власть шерифа по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ была почти также велика, какъ власть королевскаго юстиціарія (King's Justiciar), распространявшаяся на все королевство.

Въ настоящее время обязанности шерифа по гражданскимъ дѣламъ ограничиваются рассмотрѣніемъ спорныхъ дѣлъ по договорамъ и обязательствамъ; но вопросы о всякаго рода наслѣдствѣ и дѣла о бракахъ изъяты изъ вѣдѣнія шерифа и подлежатъ рассмотрѣнію Court of Session.

Власть шерифа по уголовнымъ дѣламъ равнымъ образомъ ограничена. Первоначально онъ разсматривалъ безразлично всѣ вообще уголовные процессы. Но въ настоящее время 4 рода преступленія, именно: *убійство* (murder), *разбой* (robbery), *изнасилованіе* (rape) и *умышленное зажигательство* (wilful fire—raising), изъяты изъ вѣдѣнія шерифа и подлежатъ исключительно рассмотрѣнію юстиціарнаго суда.

При томъ, теперь власть шерифа не выходитъ изъ *предѣловъ его округа* (county), и потому онъ не можетъ подвергнуть *ссылкѣ*.

Болѣ важныя преступленія разсматриваются шерифомъ при помощи присяжныхъ (*jury*). Въ какихъ случаяхъ разрѣшаются дѣла *однимъ* шерифомъ сокращеннымъ порядкомъ, и въ какихъ именно случаяхъ необходимы присяжные—это опредѣлено въ особыхъ статутахъ.

Вообще присяжные избираются шерифомъ въ томъ случаѣ, когда обвиненіе можетъ повлечь за собою болѣе чѣмъ 60 дней тюремнаго заключенія.

Обыкновенный преслѣдователь преступленія (*prosecutor*) въ судѣ шерифа называется *прокураторъ-фискаль* (*prosecutor-fiscal*)

Главный шерифъ въ округѣ, такъ называемый *шерифъ-депутатъ* (*) (*Sheriff-beputy*) избирается изъ числа адвокатовъ, прослужившихъ не менѣе 3-хъ лѣтъ, но обыкновенно гораздо долѣе этого времени. Онъ имѣетъ жительство въ Эдинбургѣ и можетъ продолжать свои адвокатскія занятія, но обязанъ предсѣдательствовать въ нѣкоторыхъ засѣданіяхъ своего округа *ежегодно*.

Въ каждомъ округѣ есть по крайней мѣрѣ одинъ помощникъ шерифа (*Sheriff Substitute*), назначаемый по представленію шерифа лордомъ президентомъ и лордомъ клеркомъ высшаго суда.

Помощникъ шерифа избирается изъ лицъ, прослужившихъ не менѣе 3-хъ лѣтъ въ адвокатскомъ званіи.

Шерифъ или его помощникъ занимаютъ часто (но не постоянно) мѣсто судей въ судахъ, называемыхъ *sheriff small debt courts* (*мелкихъ долговъ*).

Въ этихъ судахъ истецъ и отвѣтчикъ являются лично и приводятъ доказательства въ подтвержденіе или огражденіе своего права изустно. Посредство адвоката допускается не иначе, какъ съ разрѣшенія судьи.

(*) Въ прежнее время этотъ шерифъ былъ депутатомъ лорда лейтенанта (*lord lieutenant*), а эта послѣдняя должность соответствовала англійскому высшему шерифу (*High sheriff*)

По выслушаніи сторонъ судья объявляетъ приговоръ при открытыхъ дверяхъ (*in open court*), приводя по своему усмотрѣнію болѣе или менѣе подробные доводы въ подкрѣпленіе рѣшенія.

Судоговореніе не записывается; обозначаются только имена сторонъ и сумма, присужденная ко взысканію. Такое краткое заключеніе суда вносится въ особую книгу, скрѣпленную судьей и хранящуюся у клерка.

Заключеніе суда бываетъ *окончательное (final)*, т. е. не подлежитъ ни ревизіи, ни аппеляціи.

Впрочемъ тяжущіяся стороны могутъ, если имѣютъ доказательства, принести жалобу юстиціарному или объѣздному судамъ не на существо рѣшенія приведеннаго суда, но на *нарушеніе формы или подлогъ въ фактахъ*.

Въ прежнее время *Small debt courts* разсматривали иски до 8, а теперь вѣдомству ихъ подлежатъ иски до 12 фунтовъ стерлинговъ.

Въ 1837 году было постановлено, чтобы суды эти совершали объѣзды (*circuits*) въ каждомъ округѣ (*county*). Число такихъ объѣздовъ не опредѣлено; они бываютъ чаще и рѣже, смотря по количеству дѣлъ, возникающихъ въ разныхъ мѣстахъ. Самое большое число объѣздовъ бываетъ 12, а самое меньшее 2 въ каждомъ округѣ ежегодно. Время и мѣстопробываніе странствующаго суда можетъ измѣняться по усмотрѣнію шерифа и согласію одного изъ королевскихъ секретарей.

Изъ этого видно, что хотя главные объѣздные суды въ Шотландіи и не разсматриваютъ гражданскихъ исковъ, но система объѣздовъ развита въ этой странѣ не менѣе, чѣмъ въ Англии, и въ особенности приспособлена къ облегченію низшихъ или бѣдныхъ слоевъ общества.

Новѣйшими постановленіями система производства дѣлъ въ судахъ мелкихъ долговъ еще болѣе упрощена. Такъ наприм., дозволено допускать въ свидѣтели (*witnesses*) не только лицо, находящееся въ родственныхъ или другихъ связяхъ съ

тяжущуюся стороною, но и подсудимаго, обвиняемаго въ уголовномъ преступленіи.

Единственное исключеніе существуетъ и въ настоящее время для *самыхъ тяжущихся сторонъ* и для мужа и жены, которые не допускаются въ свидѣтели одинъ противъ другаго.

Суды мелкихъ долговъ учреждены были въ замѣну или въ облегченіе мировыхъ судей по ихъ обязанности производить судъ сокращеннымъ порядкомъ. Распространеніе и расширеніе власти этихъ судовъ въ продолженіи 30 лѣтъ послѣ ихъ учрежденія представляется лучшимъ доказательствомъ пользы, которую они принесли для общества.

Въ Эдинбургѣ на шерифѣ кромѣ судебной обязанности лежитъ еще обязанность предсѣдательствовать въ *полицейскомъ судѣ*—*sheriff's police court*, который соотвѣтствуетъ лондонскому суду *лорда мера* (*lord mayor*), но не пользуется такою властію и почетомъ, какъ этотъ послѣдній судъ.

Эдинбургскій полицейскій судъ разсматриваетъ полицейскіе проступки и уголовныя преступленія, которыя не влекутъ за собою наказанія болѣе 60-ти дневнаго тюремнаго заключенія.

Способъ разсмотрѣнія дѣла тотъ же какъ и въ судѣ лорда мера, но здѣсь шерифъ самъ приводитъ къ присягѣ свидѣтелей, тогда какъ въ Лондонѣ это дѣлается клеркомъ.

Самая формула присяги здѣсь болѣе торжественна, чѣмъ въ Англіи.

Будучи въ первый разъ въ эдинбургскомъ полицейскомъ судѣ, я былъ пораженъ торжественностію и даже театральностію обращенія шерифа къ свидѣтелямъ.

«Клянетесь ли вы» спрашиваетъ онъ, дѣлая величественный жестъ рукою, «какъ поклялись бы въ послѣдній день суда, предъ Всемогущимъ Богомъ, говорить правду, всю правду и ничего кромѣ правды».

Я удивлялся невозмутимости и терпѣнію шерифа, который при мнѣ по крайней мѣрѣ разъ 15 повторилъ съ равною торжественностію формулу присяги.

Вообще стремленіе къ эффекту и любовь къ древней формѣ въ Шотландіи развиты еще болѣе чѣмъ въ Англій.

Говоря о нисшихъ судахъ въ Шотландіи, нельзя не упомянуть о такъ называемыхъ *Burgh Courts* и *Dean of Guild's Court*. Первые суды разсматриваютъ дѣла по мелкимъ искамъ, возникающимъ въ подвѣдомственныхъ имъ *booughs* (община) и въ нѣкоторыхъ округахъ сливаются съ мировыми судьями. Предсѣдатель *второго* суда называется *Dean of guild* и есть глава *Гильдъ-братства* или *купеческой компаніи* города. Первоначально онъ былъ судьей по торговымъ и морскимъ вопросамъ, возникавшимъ въ *boough*, но въ послѣдствіи такая обязанность была исключена изъ предметовъ его вѣдомства. Въ настоящее время на немъ лежитъ обязанность наблюдать за прочностію зданій, удобствомъ переправъ и путей сообщенія.

Ни одно зданіе въ Эдинбургѣ не можетъ быть воздвигнуто, уничтожено или измѣнено въ своемъ видѣ, безъ согласія на то суда *Guild's*, которое выдается только по выслушаніи владѣльцевъ сосѣднихъ зданій и другихъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ.

Затѣмъ въ Шотландіи существуютъ учрежденіе англійскаго происхожденія—*мировые суды (Justice of the Peace)*

Судьи эти были введены въ Шотландіи въ правленіе короля Іакова VI по тому самому статуту, по которому въ 1587 году учреждены были объѣздные суды для уголовныхъ дѣлъ. По силѣ приведеннаго статута на мировыхъ судей была возложена двойная обязанность *представлять болѣе важныхъ преступниковъ на судъ ассизовъ и судить самими менѣе важныя преступленія*; для этой цѣли мировые судьи должны были держать митинги 4 раза въ годъ. Такія собранія послужили основаніемъ существующимъ въ настоящее время въ Шотландіи, какъ и въ Англій, судамъ *четвертныхъ засѣданій (Quarter Sessions)*. Настоящее устройство мировыхъ судовъ утверждено было въ Шотландіи во время протектората Оливера Кромвеля. По трактату соединенія (*Treaty of Union*) мировые судьи въ Шотландіи получили тѣ же права, какими

пользуются этого рода судьи въ Англіи, но съ сохраненіемъ шотландскаго способа производства дѣлъ.—Мировые судьи назначаются королемъ или королевою по тому же акту (*commission*), по которому назначаются судьи высшихъ судовъ, лордъ адвокатъ, генеральный солиситоръ, шерифы, и ихъ помощники.—Форма этого акта сохранилась древняя, введенная при королевѣ Елисаветѣ въ 1590 году.

Для права назначенія въ мировые судьи не требуется здѣсь ни извѣстный санъ, ни какая бы то ни была собственность, но жалованья за исправленіе этой должности также не полагается. Мировой судья получаетъ лишь отъ шерифа вознагражденіе, соответствующее расходамъ по исполненію должности (*).

Четвертныя засѣданія мировыхъ судей бываютъ въ первый четвергъ марта, мая и августа и въ *последній* четвергъ октября мѣсяцевъ. Кромѣ того въ случаѣ надобности бываютъ еще *частныя или малыя засѣданія* въ промежутокъ времени между главными сходками (*Petty Sessions*).

Четвертныя засѣданія имѣютъ право ревизовать рѣшенія малыхъ засѣданій.

Обыкновенно четвертныя засѣданія состояются изъ 2 мировыхъ судей, но въ большихъ округахъ бываетъ и больше судей.

Одинъ мировой судья не можетъ дѣйствовать на правѣ суда, хотя и имѣетъ право отдать *приказаніе* (*Warrant*) арестовать обвиняемое лицо и привести его къ себѣ или къ нѣсколькимъ судьямъ для допроса и сужденія.

На рѣшеніе какъ *малыхъ*, такъ и *четвертныхъ* засѣданій допускается въ извѣстныхъ случаяхъ апелляція объѣзду суду (*Circuit*).

Предсѣдатель (*Chairman*) мирового суда не имѣетъ двойнаго голоса, и въ случаѣ раздѣленія голосовъ на два мнѣнія одинъ изъ судей удаляется или новый судья призывается въ судъ.

(*) Подобно нашимъ мировымъ посредникамъ.

Въ Шотландіи мировой судья никогда не имѣлъ права разрѣшать уголовныя дѣла при посредствѣ присяжныхъ подобно тому какъ это допускалось въ Англии. Здѣсь мировые судьи наблюдаютъ за спокойствіемъ въ округѣ и разсматриваютъ дѣла по нарушенію мира (*breaches of the peace*). Назначаемыя ими за подобнаго рода проступки наказанія ограничиваются обыкновенно небольшою пенею (*fine*) или непродолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ.

Въ сборникахъ судебныхъ рѣшеній за прежнее время сохранилось заключеніе юстиціарнаго суда, которымъ признано было, что мировые судьи, назначившіе тяжелое наказаніе за подлогъ, превысили тѣмъ свою власть (*).

Парламентскимъ постановленіемъ 14 іюля 1857 года права мировыхъ судей по сужденію маловажныхъ преступленій сравнены съ правами шерифа въ этомъ отношеніи и предоставлено имъ право тѣлеснаго наказанія несовершеннолѣтнихъ преступниковъ (*juvenile offenders*) и назначенія тяжелой работы (*hard labour*).

Независимо отъ всѣхъ предъидущихъ обязанностей, мировые судьи засѣдаютъ также въ судахъ *малыхъ долговъ* (*Small Debt Courts*).

Вѣдомству этихъ судовъ подлежатъ иски цѣною не болѣе 5 фунтовъ стерлинговъ.

Тяжущіяся стороны должны непременно являться въ судъ лично и адвокаты въ немъ вовсе не допускаются. Судогвореніе бываетъ краткое и дѣло разрѣшается безотлагательно. На рѣшеніе суда жалобы вовсе не допускаются, исключая случаевъ явнаго подлога или притѣсненія (*oppression*).

Упомянутый мною выше статутъ, по которому расширена была власть суда *малыхъ долговъ*, находящагося въ завѣданіи шерифа (*Sheriff's Small Debt Courts*) къ настоящимъ судамъ вовсе не относится.

(*) Watson and Ramsay 27 January 1813.

II. ВЫСШІЕ СУДЫ.

Высшій гражданскій судъ называется *court of Session*. Судъ этотъ былъ учрежденъ въ правленіе короля Іакова у парламентскимъ постановленіемъ 17 мая 1532 года съ тѣмъ, чтобы освободить короля и его совѣтъ (*conncil*) отъ юридическихъ обязанностей, которыя на нихъ прежде лежали. Первоначально судъ *Session* состоялъ изъ 14 судей свѣтскаго и духовнаго званія, подъ предсѣдательствомъ лорда канцлера. Должность лорда канцлера Шотландіи была уничтожена вслѣдствіе соединенія съ Англіею въ 1707 году. Со времени своего учрежденія до 1808 года судъ *Session* состоялъ изъ одного трибунала, но вслѣдствіе распространенія торговли и промышленности и увеличенія народонаселенія въ этомъ послѣднемъ году, судъ былъ раздѣленъ на 2 отдѣленія (*Divisions*) съ равными правами и обязанностями.

Лордъ президентъ (*lord president*), сохранившій званіе президента всего вообще суда съ 7-ю обыкновенными судьями (*Ordinary Judges*) составили 1-е отдѣленіе, а лордъ клеркъ (*Lord Justice Clerk*) съ 6-ю судьями 2-е отдѣленіе. Въ 1810 году 3 младшіе судьи (*juniors*) 1-го отдѣленія и 2 младшіе судьи 2-го отдѣленія были отдѣлены отъ остальныхъ судей, и такимъ образомъ *Court of Session* раздѣлился еще на *Inner House* (внутренній судъ) и *Outer House* (внѣшній судъ). Въ 1830 году число судей было уменьшено и въ настоящее время *Court of Session* состоитъ изъ лорда президента, лорда клерка и 11 обыкновенныхъ судей.

Всѣ обыкновенные процессы разсматриваются въ *Outer House* въ качествѣ 1-й инстанціи. Рѣшеніе этого суда въ извѣстныхъ случаяхъ бываетъ окончательное (*final*), а въ иныхъ случаяхъ можетъ быть обжаловано въ *Inner House*.

Дѣла, нетерпящія отлагательства, разсматриваются сокращеннымъ порядкомъ (*summary way*) въ особомъ отдѣленіи *Outer House*, называемомъ *Bill Chamber* и имѣющемъ постоянныя засѣданія даже въ вакаціонное время (*vacation*).

Въ случаѣ разномыслія между судьями одного отдѣленія, дѣло разсматривается въ *Inner House* судьями обоихъ отдѣленій.

Въ затруднительныхъ и важныхъ случаяхъ дѣлается, такъ называемое *hearing in presence*, т. е. собираются всѣ 13 судей и дѣло разрѣшается самымъ торжественнымъ способомъ изъ всѣхъ, которыя только существуютъ въ Шотландіи.

Судьи *Court of Session* назначаются правительствомъ (*crown*) и исполняютъ свои обязанности или *пожизненно*, или до отрѣшенія отъ должности *по суду* (*ad vitam aut subram*). Для права на избраніе въ судьи необходимо прослужить въ сословіи адвокатовъ или клерковъ отъ 5 до 10 лѣтъ.

Вѣдомству *Court of Session* подлежатъ дѣла по долговымъ обязательствамъ (*action for debt*), цѣною не ниже 25 фунтовъ стерлинговъ и дѣла о наслѣдствѣ всякаго рода (*heritage*) безъ различія цѣны иска.

Кромѣ того *Court of Session* ревизуетъ рѣшенія низшихъ судебныхъ мѣстъ.

Апелляціи на рѣшенія этихъ мѣстъ приносятся *прямо* въ *Inner House of the court of Session*, рѣшеніе котораго можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ быть въ свою очередь обжаловано *палатѣ лордовъ* (*House of lords*).

Срокъ на принесеніе такой жалобы полагается 2-хъ лѣтній.

Со времени учрежденія *Court of Session*, т. е. съ 1532 года до учрежденія въ 1815 году присяжнаго суда (*) (*jury court*), судьи произносили приговоръ о вопросѣ *факта* и *закона* безразлично.

Между тѣмъ въ Англіи съ незапамятныхъ временъ соблюдается основное правило римскаго законодательства: *de facto respondent jurores et de jure iudices*.

Правило это не было положительно выражено въ шотландскомъ законодательствѣ потому, что здѣсь 15 судей раз-

(*) Особое судебное мѣсто, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ учрежденіемъ присяжныхъ, введеннымъ въ Шотландіи въ древнее время.

сматривались какъ *судебный парламентъ*, или *большое жюри нации*.

Со времени учрежденія своего въ 1815 году до 1830 года *присяжный судъ* (*Jury court*) былъ отдѣльнымъ учрежденіемъ, независимымъ отъ *Court of Session*.

Онъ состоялъ изъ одного главнаго судьи (*chief judge*) и 2-хъ обыкновенныхъ *судей*, бывшихъ въ то же время членами *court of Session*.

Они назывались *лордами коммиссіонерами суда присяжныхъ въ гражданскихъ процессахъ*.

Все вообще устройство этого суда было заимствовано изъ Англии; самое число присяжныхъ постановлено 12 вмѣсто 15, какъ это искони опредѣлено для шотландскаго *уголовнаго* суда присяжныхъ. Кромѣ того при учрежденіи *Jury court* постановлено было условіе *единогласнаго* заключенія присяжныхъ, которое уничтожено только въ весьма недавнее время.

Первоначально присяжный судъ учрежденъ былъ только въ видѣ опыта на 7 лѣтъ. Но такъ какъ распространеніе суда присяжныхъ на гражданскіе иски оказалось весьма благопріятнымъ для судебной администраціи, то въ 1820 году состоялся 2-ой актъ парламента, утвердившій существованіе *Jury court*, какъ постояннаго *судебнаго* учрежденія.

Съ этого времени до 1825 года предметъ вѣдомства *Jury court* былъ постоянно расширяемъ, а въ 1830 году судъ этотъ присоединенъ былъ къ *Court of Session*.

Въ настоящее время присяжный судъ (*Court of Jury*) есть ничто иное какъ департаментъ или отдѣленіе этого послѣдняго суда, въ которомъ разрѣшаются вопросы *факта* (*questions of fact*).

Для облегченія судей и упрощенія *судебнаго* производства въ 1850 году постановлено было, что въ случаѣ согласія тяжущихся сторонъ, дѣло можетъ разрѣшиться въ *Outer House* обыкновенными судьями безъ отдѣленія вопроса факта отъ вопроса права.—Кромѣ того стороны по взаимному согласію могутъ избрать отъ одного до семи *посредниковъ* (*arbi-*

ters), которые въ такомъ случаѣ дѣйствуютъ на правахъ присяжныхъ.

По статуту, уничтожившему условіе о *единогласіи* присяжныхъ въ гражданскихъ дѣлахъ, о которомъ упомянуто выше, постановлено, что если присяжные послѣ шестичасоваго совѣщанія не прійдутъ къ единогласному заключенію, но 9 изъ нихъ будутъ одного мнѣнія, то мнѣніе этихъ послѣднихъ должно считаться *приговоромъ* присяжныхъ (*verdict of the jury*); притомъ во все время совѣщанія присяжные могутъ имѣть все необходимое для подкрѣпленія ихъ силъ.

Въ прежнее время въ Шотландіи существовалъ для гражданскихъ дѣлъ еще другой высшій судъ, называвшійся *court of Exchequer*.

Судъ этотъ былъ основанъ въ 1708 году по образцу англійскаго учрежденія того же названія для разрѣшенія дѣлъ о собственности и доходахъ короля или принца шотландскаго (*King or Prince of Scotland*) и для управленія всею вообще феодальною собственностью правительства (*crown*).¹

Въ послѣдствіи въ учрежденіи или составѣ этого суда послѣдовали, сообразно съ новымъ порядкомъ вещей, различныя перемѣны и съ 1856 года *Court of Exchequer* есть ничто иное какъ *департаментъ сборовъ* суда *Session* (*The revenue department of the court of Session*).

Высшій судъ для тяжбныхъ гражданскихъ дѣлъ *духовнаго* вѣдомства называется *Teind Court*.

Судъ этотъ составляется изъ судей *Court of Session*, которые собираются каждыя двѣ недѣли въ среду специально для обсужденія духовныхъ дѣлъ.

На рѣшеніе *Teind Court* допускается аппеляція въ палату лордовъ.

Въ 1825 году постановлено было различіе между *административными* (*ministerial*) и *судебными* (*judicial*) обязанностями *Teind Court*. Первые оставлены были въ прежней силѣ, а послѣднія перенесены въ *Court of Session* и подчинены всѣмъ правиламъ общаго гражданскаго порядка. Объ-

занности эти исполняются особымъ судьей, называемымъ *Second Junior Lord Ordinary*.

Независимо отъ всѣхъ предъидущихъ, въ древнее время въ Шотландіи существовали еще два высшіе суда: судъ Адмиралтейства (*Court of Admiralty*) и судъ *Commisary*. Первый судъ, предметъ вѣдомства котораго явствовалъ изъ самаго названія, былъ уничтоженъ въ 1830 году и обязанности его перенесены были частью въ *Court of Session*, а частью въ низшія судебныя мѣста. Второй судъ, учрежденный въ 1563 году для разбора дѣлъ о бракахъ и разводахъ и всѣхъ вообще дѣлъ, относившихся первоначально къ обязанности духовнаго суда, былъ уничтоженъ въ 1836 году, а предметъ вѣдомства его отнесенъ частью къ *Court of Session* а частью къ эдинбургскому шерифу (*Sheriff of Edinburgh*).

Верховный апелляціонный судъ для тяжёбныхъ гражданскихъ дѣлъ въ Шотландіи есть палата лордовъ (*House of Lords*).

Въ Шотландіи аппеляція имѣетъ то же значеніе, какъ и въ Англии, и потому я о ней распространяться не буду.

Скажу только, что заключенія палаты лордовъ приводятся въ исполненіе посредствомъ *Court of Session*, которому сообщаются копии съ такихъ постановленій.

Высшій юстиціарный судъ (*High Court of Justiciary*) есть верховный уголовный судъ въ Шотландіи, утвержденный въ настоящемъ своемъ составѣ въ 1672 году.

Президентъ этого суда *Lord-justice-General* избирался прежде изъ лицъ высшаго званія (*noblemen*) и не долженъ былъ непременно быть юристомъ (*lawyer*); но въ послѣдствіи должность эта соединена была съ должностію лорда президента *Court of Session*. Въ случаѣ отсутствія *Lord Justice General* въ юстиціарномъ судѣ предсѣдательствуетъ *Lord Justice Clerk*.

Пять другихъ лордовъ, называемыхъ *Lords Commissioners of Justiciary*, составляютъ обыкновенныхъ судей этого суда (*ordinary judges*).

Лордъ адвокатъ (*Lord-Advocate*), генеральный-соллициторъ (*Solicitor-General*) и 4 адвоката-депутата (*Advocates-depute*) дѣйствуютъ въ юстиціарномъ судѣ отъ правительства какъ преслѣдователи преступлений (*prosecutors*).

Частное лицо, которому нанесена обида или ущербъ (*private party injured*), можетъ также преслѣдовать отъ своего собственнаго имени; но такой способъ производства употребляется въ Шотландіи только въ полицейскомъ судѣ (*Police-Court*). Во всѣхъ прочихъ судебныхъ мѣстахъ преступленія преслѣдуются особыми должностными лицами отъ правительства.

Въ юстиціарномъ судѣ дѣла разрѣшаются всегда при помощи присяжныхъ (*jury*), которые состоятъ изъ 15 человекъ, а не 12, какъ въ Англіи или гражданскомъ процессѣ Шотландіи.

Притомъ приговоръ составляется по большинству голосовъ и можетъ состоять въ объявленіи: «*not proven*» (не доказано) (*) и тѣмъ существенно отличается отъ англійскаго суда присяжныхъ.

Въ прежнее время присяжные объявляли приговоръ на письмѣ (*in writing*), но теперь эта система уничтожена и письменный приговоръ допускается только въ тѣхъ случаяхъ, когда присяжные остаются на совѣщаніи необыкновенно долгое время.

Приговоръ объявляется первымъ изъ присяжныхъ (*foreman of the jury*) изустно (*orally*).

На рѣшеніе юстиціарнаго суда аппеляція вовсе не допускается.

Пересмотръ рѣшенія этого суда, равнымъ образомъ, не допускается.

Юстиціарный судъ имѣетъ право ревизовать рѣшенія

(*) Это, очевидно, пѣчто въ родѣ нашего оставленія въ подозрѣніи. Такимъ образомъ разрѣшенъ былъ въ Эдинбургѣ знаменитый процессъ по обвиненію Мадалины Смитъ въ отравленіи ея любовника француза *l'Angelier*.

судебныхъ мѣстъ низшаго разряда, но не можетъ отмѣнить приговора присяжныхъ о *фактъ*.

Признаніе или отрицаніе извѣстнаго факта составляетъ исключительное право присяжныхъ и приговоръ ихъ по этому предмету ни въ какомъ случаѣ не можетъ подлежать ни пересмотру, ни отмѣнѣ.

Юстиціарный судъ, ревизуя рѣшенія низшаго суда, можетъ лишь постановить заключеніе о томъ: были ли дѣйствительны самые факты, представленные на усмотрѣніе присяжныхъ. Такъ напр., не было ли подлога въ документѣ, обмана въ показаніи и проч. Словомъ, при обжалованіи или ревизіи рѣшенія низшаго судебнаго мѣста соблюдаются тѣ же правила, какъ и въ Англійи при принесеніи *writ in error*.

Кромѣ преступленій, наказываемыхъ смертною казнью, юстиціарный судъ имѣетъ полную власть въ опредѣленіи наказанія и можетъ назначить, по своему усмотрѣнію, наказанія всякаго рода отъ *пени* (*fine*) до *вѣчной ссылки* (*transportation for life*).

Перы (*Peers*) по обвиненію въ обыкновенныхъ преступленіяхъ подлежатъ суду юстиціарнаго трибунала, но за измѣну и другія капитальныя преступленія они могутъ быть судимы только судомъ, составленнымъ изъ равныхъ имъ пировъ, собираемымъ лордомъ High Steward (особая должность, существующая только въ Шотландіи).

Юстиціарному суду не подлежатъ солдаты и церковнослужители по обвиненіямъ въ проступкахъ *противу правилъ ихъ собственно званія или сословія*.

Судьи юстиціарнаго суда совершаютъ объѣзды два раза въ годъ (*circuits*), и въ этомъ отношеніи Шотландія раздѣлена на 3 округа.

Обыкновенно въ каждый округъ отправляются по два судьи, но по закону полагается одинъ судья для округа.

На рѣшеніе объѣзднаго суда не допускается аппеляція, но судъ можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ по собственному усмотрѣнію представить дѣло въ юстиціарный трибуналъ.

Въ прежнее время объздные суды рассматривали гражданскія дѣла по апелляциямъ на рѣшенія низшихъ судебныхъ мѣстъ, но въ настоящее время суды эти рассматриваютъ исключительно уголовныя дѣла, и этимъ существенно отличаются отъ англійскихъ *circuits*.

Объзды совершаются раннею весною и поздною осенью съ торжественностью, подобною англійской.

Распределение уголовныхъ дѣлъ между высшими и низшими судебными мѣстами дѣлается по усмотрѣнiю должностныхъ лицъ (*officers of the crown*), смотря по количеству и качеству преступленiй, совершенныхъ въ извѣстное время.

III.

Судъ герольдiи—Court of the Lord Lyon.

Президентъ этого суда *Lord Lyon* есть верховный герольд-мейстеръ Шотландiи. Отъ него зависитъ опредѣленiе преимуществъ древности рода, утвержденiе древнихъ и выдача новыхъ гербовъ и назначенiе взысканiя за неправильное ихъ пользованiе. Лордъ Lyon исполняетъ эти обязанности какъ депутатъ избравшаго его сословiя (*by deputy*).

Опредѣленiя суда *Lord-Lyon* подлежатъ ревизii высшаго суда *Court of Session*.

IV. Духовные суды

(*Ecclesiastical Courts*).

Духовные суды Шотландiи учреждены были въ правленiе короля Иакова IV парламентскимъ постановленiемъ 1592 года.

Суды эти раздѣляются на низшiе, среднiе и высшiе. Кромѣ того надъ ними существуетъ верховный судъ.

Низшiе суды называются *Kirk Session*. Они состоятъ изъ священника (*minister*) и старшинъ прихода (*elders of the parish*).

Старшины назначаются по выборамъ и число ихъ за-

виситъ отъ величины и потребностей прихода. Но въ каждомъ приходѣ должно быть не менѣе 2 старшинъ.

Обязанности низшихъ судовъ состоятъ въ наблюдениіи за исполненіемъ въ приходѣ религіозныхъ правилъ и за нравственностію прихожанъ. Суды эти разсматриваютъ дѣла о проступкахъ противъ нравственности и опредѣляютъ наказанія, состояція въ лишеніи различныхъ религіозныхъ привилегій.

Средніе духовные суды называются *пресбитеріями* (*the Presbytery*). Въ настоящее время въ Шотландіи всего 82 суда этого рода.

Пресбитерія состоитъ изъ священниковъ (*ministers*) ближайшихъ округовъ (*districts*), изъ профессоровъ богословія ближайшаго университета, и изъ нѣсколькихъ старшинъ ближайшихъ низшихъ судовъ (*Elders of the Kirk Session in the district*).

Предметъ вѣдомства среднихъ судовъ состоитъ въ экзаменованіи кандидатовъ въ священники и въ выдачѣ имъ патентныхъ листовъ; въ наблюдениіи за исполненіемъ священниками ихъ обязанностей въ приходѣ; въ экзаменованіи школьныхъ учителей (*schoolmasters*); въ разсмотрѣніи приносимыхъ на нихъ жалобъ и въ ревизіи самихъ школъ.

Представляя 2 инстанцію для аппелляцій на рѣшенія низшихъ судовъ, *Presbytery* есть вмѣстѣ съ тѣмъ судъ 1 инстанціи для дѣлъ о поправкѣ и сооруженіи церквей, также какъ и для дѣлъ о школьныхъ учителяхъ.

Высшіе духовные суды Шотландіи называются *синадами* (*The Synod*). Судовъ этихъ здѣсь теперь всего 16. Синодъ составляется изъ членовъ ближайшихъ среднихъ судовъ и двухъ особыхъ членовъ. Онъ собирается 2 раза въ годъ. Предметъ вѣдомства высшихъ судовъ состоитъ въ разсмотрѣніи аппелляцій на рѣшеніе среднихъ инстанцій.

Верховный духовный судъ въ Шотландіи называется *генеральнымъ собраніемъ* (*The General Assembly*).

Собраніе составляется изъ священниковъ и старшинъ, которые посылаются какъ представители отъ всѣхъ пресбитерій (*Presbyteries*), бурговъ (*burghs*) и университетовъ. Церкви восточной Индіи, находящаяся въ связи съ шотландскою цер-

ковію, посылають также своихъ представителей. Пресбитеріи посылають въ собраніе отъ 2 до 10 представителей. Кромѣ того въ собраніи присутствуютъ профессора богословія всѣхъ пяти шотландскихъ университетовъ и два члена отъ города Эдинбурга.

Собраніе собирается въ Эдинбургѣ ежегодно въ первый четвергъ послѣ 15 мая.

Коммиссіонеръ (Commissioner), представляющій въ собраніи правительство (Crown), не принимаетъ никакого участія въ дебатахъ и въ прежнее время присутствіе его въ собраніи не считалось необходимымъ. Но въ настоящее время приняты всевозможныя мѣры къ предотвращенію столкновенія власти собранія съ властію правительства. Когда собраніе назначаетъ день засѣданія своего въ слѣдующемъ году «во имя Іисуса Христа, короля и главы церкви» (*in the name of Lord Jesus Christ, the King and the Head of the church*), то коммиссіонеръ также неизмѣнно назначаетъ тотъ же самый день во имя королевы (*in the Queen's name*).

Генеральное собраніе имѣетъ законодательную и судебную власть. Законодательные проекты называются *overtures* и представляются членомъ собранія, пресбитеріею, синодомъ или наконецъ особымъ комитетомъ, назначаемымъ собраніемъ для этой цѣли. Когда проектъ бываетъ принятъ собраніемъ, то онъ передается на разсмотрѣніе нѣсколькихъ пресбитерій съ тѣмъ, чтобы они представили свое мнѣніе по этому предмету слѣдующему генеральному собранію. Если 40 пресбитерій одобрятъ проектъ, то онъ обращается въ законъ.

Частныя дѣла возникаютъ въ генеральномъ собраніи, какъ и въ обыкновенномъ судебномъ мѣстѣ, посредствомъ *прошений* (*petitions*). Тяжущіяся стороны имѣютъ тамъ своихъ адвокатовъ, которые могутъ также защищать ихъ права и въ другихъ духовныхъ судахъ, исключая низшаго суда *Kirk Session*, гдѣ адвокаты не допускаются.

Ежегодныя засѣданія генеральнаго собранія продолжаются 10 дней, и если въ теченіи этого времени собраніе не успѣетъ

разрѣшить всѣхъ дѣлъ, то остальные дѣла передаются на обсужденіе особой комисіи.

Комисія (*The Commission*) составляется изъ членовъ генеральнаго собранія и должна состоять не менѣе какъ изъ 31 членовъ.

Заключенія генеральнаго собранія, касающіяся правъ собственности церкви и частныхъ лицъ подлежатъ ревизіи общихъ судебныхъ мѣстъ.

II.

Въ приведенномъ мною очеркѣ заключается сущность всей системы шотландскаго судоустройства, и притомъ какъ гражданскаго, такъ и духовнаго.

Въ дополненіе этого очерка, мнѣ остается лишь сказать нѣсколько словъ о шотландскихъ *адвокатахъ* и о шотландскомъ *судопроизводствѣ*.

Въ Шотландіи адвокаты или юристы практики (*practitioners of the law*) раздѣляются на нѣсколько разрядовъ. Къ первому разряду принадлежатъ *адвокаты* (*advocates*), пользующіеся одинаковыми правами съ англійскими *баристерами* (*barristers*). Они имѣютъ исключительное право ходатайствовать по дѣламъ въ высшихъ судахъ (*supreme Courts*) и во всѣхъ другихъ гражданскихъ, уголовныхъ и духовныхъ судахъ Шотландіи, также какъ и въ палатѣ лордовъ. Изъ ихъ среды избираются судьи и шерифы. Учрежденіе адвокатовъ относятъ къ 1424 году, но правильное устройство *института или общества адвокатовъ* (*faculty or society of advocates*) имѣло мѣсто одновременно съ учрежденіемъ въ 1532 *коллегіи юстиціи* (*colleage of Justice*).

Число членовъ общества адвокатовъ было въ прежнее время весьма незначительно и не превышало 10, но въ настоящее время ихъ считается около 425.

Предсѣдатель общества называется *dean of faculty* и избирается прочими его членами. Онъ принимаетъ участіе преимущественно въ уголовныхъ дѣлахъ и защищаетъ обви-

няемыхъ при помощи другаго адвоката (Council). Желающіе поступить въ сословіе адвокатовъ должны выдержать 2 экзамена: одинъ *общій* и другой *спеціальный* по юридическимъ предметамъ. Въ сословіе адвокатовъ принимаются также всѣ лица, имѣющія дипломъ одного изъ британскихъ университетовъ на званіе *master of arts* (*), или дипломъ иностраннаго университета на соотвѣтствующее званіе. Экзамень производится въ особомъ комитетѣ, составленномъ изъ профессоровъ университета подъ предсѣдательствомъ (Dean'a). Поступающій въ общество долженъ внести въ его кассу 336 фунтовъ (*fees*).

Второй разрядъ адвокатовъ называется *writers or clerks to the signet* и представляетъ высшій классъ юристовъ—практиковъ. Они соотвѣтствуютъ англійскимъ *attorneys* и *solicitors*, имѣютъ жительство въ Единбургѣ и ходатайствуютъ по дѣламъ только въ высшихъ судахъ. Общество это имѣетъ президента, избираемаго его членами и называемаго *Keeper*. Желающій поступить въ общество долженъ выдержать, подобно адвокатамъ, 2 экзамена и кромѣ того представить особый дипломъ профессора латинской словесности (*Latin or Humanity*). При поступленіи вносится въ капиталъ общества 410 фунтовъ.

Къ *третьему* разряду принадлежатъ *solicitors before the supreme courts*, которые подобно предыдущему разряду могутъ ходатайствовать только въ высшихъ судахъ, но требованія при поступленіи въ общество менѣе строги, и въ капиталъ его вносится только 155 фунтовъ.

Четвертый классъ называется *Solicitors at law*. Они ходатайствуютъ только въ судѣ шерифовъ и другихъ низшихъ судахъ Шотландіи.

Пятый классъ—*Provincial Writers* ходатайствуютъ по дѣламъ въ низшихъ судахъ провинціальныхъ городовъ Шотландіи (*provincial towns*).

(*) Званіе, соотвѣтствующее нашему кандидату.

Шестой и послѣдній классъ—*нотариусы* (*notaries*), занятіе которыхъ явствуетъ изъ ихъ названія.

Они экзаменуются членами общества *writers to the signet* и назначаются высшимъ судомъ (*court of session*).

Подробный очеркъ шотландскаго судопроизводства не соответствовалъ бы цѣли моей настоящей статьи. Я скажу только нѣсколько словъ о *разнаго рода искахъ*, существующихъ въ этой странѣ по судебнымъ дѣламъ.

Иски (*actions*) бываютъ 3-хъ родовъ: *гражданскіе* (*civil*), *обыкновенные* (*ordinary*) и *уголовные* (*criminal*).

1., *Гражданскіе иски* (*civil actions*). Единственный судъ, въ которомъ тяжущіеся сами являются въ судъ съ отысканіемъ и огражденіемъ своихъ правъ, безъ помощи адвокатовъ, есть *судъ мелкихъ долговъ* (*small debt court*). Дѣло начинается посредствомъ иска (*action*), представляемаго истцемъ *клерку суда* (*clerk of court*) и скрѣпляемаго *клеркомъ шерифа* (*Sheriff—clerk*). По этому иску вызываются отвѣтчикъ, свидѣтели и другія прикосновенныя къ дѣлу лица.

2., *Обыкновенные иски* (*ordinary actions*).

Подъ этимъ названіемъ разумѣются иски, предъявляемые самими тяжущимися въ различные суды Шотландіи къ отысканію и огражденію своихъ правъ. Впрочемъ на практикѣ тяжущіеся большею частью имѣютъ, какъ я замѣтилъ, обыкновенно адвокатовъ изъ одного изъ поименованныхъ мною разрядовъ юристовъ—практиковъ.

3.) *Уголовные иски* (*Criminal Actions*).

Учрежденіе *преслѣдователей преступленія* (*prosecutors*), существующихъ во всѣхъ высшихъ и низшихъ судахъ Шотландіи, избавляетъ частныя лица отъ необходимости предъявлять самимъ какіе бы то ни было иски по уголовнымъ дѣламъ.

Въ случаѣ, если частное лицо узнаетъ о совершеніи преступленія или лично убѣдится въ его совершеніи, то оно обязано, не теряя времени, увѣдомить о томъ *прокуратора фискала* (*Procurator Fiscal*), и за тѣмъ всѣ дальнѣйшія дѣйствія

для отысканія виновнаго зависятъ исключительно отъ прокуратора и до частныхъ лицъ не относятся.

Система судопроизводства въ Шотландіи совершенно одинакова съ системою дѣлопроизводства въ судахъ Англій. Здѣсь также какъ и въ Англій свидѣтели приводятся къ присягѣ, потомъ производится ихъ допросъ (*examination*) и перекрестный допросъ (*cross-examination*) и все другіе обряды англійскаго дѣлопроизводства. Въ важныхъ уголовныхъ дѣлахъ защитникомъ подсудимаго представляется обыкновенно самъ Dean of Faculty. Такъ въ знаменитомъ процессѣ *Магдалины Смитъ* ее защищаль съ большимъ искусствомъ и энергіею президентъ общества адвокатовъ г. Инглизъ (*Jnglis*). Послѣ чтенія обвинительнаго акта и выслушанія показанія свидѣтелей и защиты обвиняемаго, судья дѣлаетъ, какъ и въ Англій, выводъ изъ всего предъидущаго (*the Judge sums up*) и дѣла разрѣшаются примѣненіемъ закона къ факту (*Judgment*).

Тотъ изъ читателей, который дастъ себѣ трудъ внимательно прочесть изложенный нами очеркъ шотландскаго судоустройства и сравнить шотландскія судебныя учрежденія съ англійскими, вѣроятно невольно задастъ себѣ вопросъ: какое изъ этихъ двухъ судоустройствъ лучше, т. е. ближе подходитъ къ цѣли всякаго образованнаго законодателя.

Во время путешествія моего осенью прошедшаго года по Ирландіи (*), мнѣ часто приходилось выслушивать этотъ вопросъ и я находился въ большомъ затрудненіи относительно его разрѣшенія. Мнѣ кажется, что самый правильный отвѣтъ на подобный вопросъ состоитъ въ томъ, что каждое изъ этихъ 2-хъ судопроизводствъ имѣетъ свои хорошія и свои дурныя стороны, и что англійское судопроизводство лучше и удобнѣе для Англій, и наоборотъ, шотландское судоустройство лучше и удобнѣе для Шотландіи. Въ каждой изъ этихъ двухъ странъ судоустройство образо-

(*) Въ Ирландіи судоустройство основано на совершенно одинаковыхъ началахъ съ англійскимъ.

валось подъ вліяніемъ историческихъ, географическихъ, экономическихъ и другихъ безчисленныхъ мѣстныхъ условий. Нѣкоторые иностранные юристы находятъ англійское судоустройство сложнымъ и запутаннымъ. Но сложность понятіе весьма относительное. То, что кажется сложнымъ для одного, представляется совершенно простымъ для другого. Такъ точно относительны и всѣ вообще понятія о свойствахъ и характерѣ судебныхъ учреждений. Въ области *права* понятія людей разнообразны до безконечности. Математики, химики или астрономы основываютъ свои мнѣнія на положительныхъ данныхъ; ихъ доводы могутъ имѣть всемірную, неопровержимую силу. Не такова доля юриста. Мнѣніе его гадательно, непрочное, одностороннее; оно измѣняется сообразно съ мѣстностью, съ временемъ, съ вѣчнымъ движеніемъ мысли. Отсюда происходитъ та постоянная и упорная борьба въ мнѣніяхъ, которая существуетъ между юристами всѣхъ странъ свѣта со времени Солона и Ликурга. Поле для подобной борьбы разнообразно и безконечно. Бентамъ и Блэкстонъ два знаменитые юриста, равно отличавшіеся и умомъ и образованіемъ, постоянно расходились въ мнѣніяхъ и были въ постоянной борьбѣ между собою. Въ настоящемъ случаѣ весьма можетъ быть, что два юриста, равносильные по образованію и по способностямъ, совершенно разойдутся во взглядѣ на характеръ *англійскихъ* и *шотландскихъ* судебныхъ учреждений; одинъ изъ нихъ будетъ отдавать предпочтеніе *первымъ*, другой — *вторымъ*.

Въ заключеніе настоящей статьи, считаю не лишнимъ привести мнѣніе по этому предмету бывшаго канцлера эдинбургскаго университета, знаменитаго юриста нашего времени лорда Брума. Въ послѣднемъ своемъ сочиненіи «англійская конституція» лордъ Брумъ посвящаетъ особый обширный отдѣлъ *судебнымъ учреждениямъ* Великобританіи. Сравнивая англійскую судебную систему съ шотландскою, онъ приводитъ слѣдующее замѣчаніе: (*) «шотландская судебная си-

(*) The British Constitution by lord Broudam. London 1861, p. 366.

стема существенно отличается отъ английской, будучи въ иныхъ отношеніяхъ лучше, а въ другихъ хуже. Тамъ не существуетъ отдѣленіе *справедливости* (eduity) отъ закона (law), бросающаго пятно на нашу юриспруденцію. Судъ присяжныхъ, недавно только введенный въ гражданскіе дѣлахъ, не столь хорошо организованъ какъ въ Англии, гдѣ общность его для всѣхъ вообще дѣлъ давно установлена. Нетребованіе единогласія въ приговорѣ присяжныхъ, хотя и можетъ казаться при поверхностномъ обсужденіи преимуществомъ, производить на практикѣ поспѣшныя рѣшенія, происходящія отъ нетерпѣливости присяжныхъ; тогда какъ въ Англии обязательное единогласіе заставляетъ всѣхъ присяжныхъ внимательно обсудить каждую часть процесса. Число судей въ Шотландіи быть можетъ слишкомъ велико въ сравненіи съ требуемою отъ нихъ работою и возможностью адвокатуры снабжать суды дѣльными судьями; но 30 лѣтъ тому назадъ вмѣсто 13 ихъ было 20 и это уменьшеніе представляется большимъ улучшеніемъ. Въ прежнее время весьма часто случалось, что одно и то же лицо завѣдывало вмѣстѣ и гражданскою и уголовною частію съ увеличеннымъ, сообразно съ такимъ соединеніемъ, жалованьемъ. Но счастію эта дурная система теперь не существуетъ, судьи въ Шотландіи назначаются не лордомъ канцлеромъ въ качествѣ министра юстиціи, подобно тому какъ это дѣлается въ Англии, но секретаремъ внутреннихъ дѣлъ (Home department) (**). Это большая аномалія, противная всякому принципу, которую слѣдовало бы немедленно отмѣнить. Для этого не было бы нужно никакого новаго закона; зло могло бы быть исправлено съ разу и на всегда самую практикою (*). Юрисдикція шерифовъ графствъ, какъ судей, въ предѣлахъ ихъ уѣздовъ (districts) представляется

(*) Читателямъ извѣстно, что въ Англии 5 государственныхъ секретарей 1) внутреннихъ дѣлъ 2) иностранныхъ дѣлъ; 3) колоній; 4) военныхъ дѣлъ и 5) секретарь Индіи.

(**) Обращаемъ вниманіе читателей на эту особенность, свойственную исключительно Англии.

большимъ преимуществомъ шотландской системы предъ англійскою. Шотландскій шерифъ выбирается обыкновенно изъ хорошихъ юристовъ; онъ упражняется большею частію на скамьяхъ эдинбургской адвокатуры и онъ обязанъ оставаться ежегодно въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ въ своемъ округѣ. Онъ имѣетъ помощника (Sheriff—substitute), дѣйствующаго во время его отсутствія и на котораго допускается аппеляція ему самому. Такимъ образомъ Шотландія имѣетъ систему мѣстныхъ судовъ (Local Courts), которая нуждается лишь въ небольшомъ улучшеніи, въ особенности относительно болѣе долгаго пребыванія судьи въ округѣ, для того, чтобы быть вполне удовлетворительною.

Шотландскіе уголовные законы были во всѣ времена превосходнѣе англійскихъ въ отношеніи администраціи, но не въ самой ихъ организаціи.—Они слишкомъ суровы и такъ какъ по принципу шотландскаго законодательства статуты, по прошествіи извѣстнаго числа лѣтъ, теряютъ свою силу, то Шотландія болѣе нуждается въ кодексѣ чѣмъ Англія, въ видахъ установленія и объявленія закона. Учрежденіе *публичнаго преслѣдователя* (public prosecutor) представляется неопѣненнымъ достоинствомъ шотландской уголовной системы. Наконецъ нельзя не замѣтить, что въ Шотландіи адвокатъ подсудимаго имѣлъ съ незапамятныхъ временъ право обращаться къ присяжнымъ по всѣмъ частямъ процесса,—благодѣтельное преимущество, недавно лишь введенное въ англійскихъ судахъ. Но на рѣшеніе шотландскаго уголовного суда не допускается аппеляціи палатѣ лордовъ и это большой недостатокъ въ тамошней судебной системѣ».

Эти немногія слова знаменитаго юриста проливаютъ не малый свѣтъ на сущность выше очерченнаго нами судоустройства.

М. ЗАРУДНЫЙ.

ОТДѢЛЪ II.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

А. РУССКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ.

*При недоказанности подлога въ надписи на билетахъ со-
хранной казны, право на получение денегъ по симъ билетамъ
принадлежитъ тому лицу, на чье имя сдѣлана передаточ-
ная надпись.*

Помѣщица вышневолоцкаго уѣзда, жена подполковника
Марія Рукина, 20 июля 1817 г. внесла въ сохранную казну
московскаго опекунскаго совѣта 5 т. р. асс. съ такимъ усло-
віемъ, что если ни она, ни мужъ ея, при жизни, не полу-
чатъ вносимой ею суммы и ни въ какое мѣсто оная ими ад-
ресована не будетъ, то по смерти ихъ обоихъ ежегодные

проценты съ капиталной суммы, она, Рукина, просила опе-
кунскій совѣтъ употреблять на дѣла богоугодныя и преи-
мущественно на строеніе святыхъ церквей.

По смерти Рукиной и мужа ея, помѣщица Марья Те-
сницкая 8 декабря 1842 г. обратилась въ вышеупомянутой уѣзд-
ный судъ съ прошеніемъ, при которомъ, представляя билетъ
сохранной казны, выданный на означенную сумму Рукиной
20 іюля 1817 г., просила: сдѣланную на семь билетѣ Ру-
киною въ пользу ея, Тесницкой, и дочерей ея надпись предъ-
явить наслѣдникамъ Рукиной и, буде они не будутъ опровер-
гать подпись руки ея, то вытребовать значащіяся по билету
5 т. р. съ процентами и выдать ей, Тесницкой, съ дочерьми ея.

На представленномъ билетѣ значилась слѣдующая над-
пись: «по сему билету если въ жизни моей и довѣритель мой
«не получить капиталной суммы денегъ, то послѣ смерти
«моей предоставляю получить деньги села Раменья священни-
«ку Михайлѣ Иванову на построеніе каменной церкви съ вѣ-
«дома духовнаго начальства. Подполковница Марія Иванова
«дочь жена Рукина своеручно подписуюсь. На устроеніе Ра-
«менской церкви удѣляя изъ сей суммы на починку Мидор-
«ской церкви вышеупомянутого уѣзда, да двѣ тысячи руб. и
«что слѣдовать будетъ процентовъ со всей суммы за всѣ го-
«ды. Подполковница Марія Иванова дочь жена Рукина свое-
«ручно подписуюсь. Въ селѣ Раменьи мною церковь дострое-
«на, а на иконостасы и позолоту дала я священнику въ три
«тысячи билетѣ, тоже и въ селѣ Шидовичѣ мною церковь
«вычинена, то по сему если при жизни моей я не получу
«оную сумму, то послѣ смерти моей предоставляю получить
«вышеупомянутой помѣщицѣ Марьѣ Титовнѣ Тесницкой и ея
«дочерямъ, равно и проценты за тринадцать лѣтъ мною не
«полученные. Подполковница Марья Иванова вдова Рукина
«подписуюсь».

По предъявленіи означеннаго билета московскому опе-
кунскому совѣту и наслѣдникамъ Рукиной, женѣ капитанъ-
лейтенанта Черкасовой и помѣщицѣ Шипицаревой, опекунскій

совѣтъ отозвался, что сдѣланная Рукиною на билетѣ надпись въ почеркѣ оказалась сходною съ подписью подъ объявленіемъ, при которомъ внесень ею въ сохранную казну капиталъ, а какъ притомъ Рукина предоставила себѣ право на получение внесенной ею суммы, то совѣтъ изъявляетъ согласіе на выдачу денегъ по упомянутому билету согласно учиненной владчицею надписи. Шишмарева же и Черкасова, по обзорѣни сдѣланной на билетѣ въ пользу Тесницкихъ надписи, а равно и подписей, сдѣланныхъ Рукиною на другихъ оставшихся по смерти ея билетахъ, объявили, что подписей сихъ они дѣйствительными признать не могутъ, потому во 1-хъ, что оныя нетолько нигдѣ не явлены при жизни Рукиной, но даже никѣмъ изъ постороннихъ не засвидѣльствованы; во 2-хъ, что послѣ смерти Рукиной было противузаконное расхищеніе имущества ея и изъ производившагося по сему предмету уголовного дѣла видно, что билетъ, подписанный на имя Тесницкой, выданъ ей послѣ смерти Рукиной при самомъ расхищеніи имущества ея, и въ 3-хъ, что надписи на всѣхъ билетахъ имѣютъ разительное несходство между собою и писаны съ явнымъ желаніемъ подражать почерку умершей. По симъ основаніямъ Шишмарева и Черкасова просили уѣздный судъ выдать имъ всѣ оставшіяся послѣ Рукиной билеты для полученія значащагося по онымъ капитала.

Уѣздный судъ, прежде разрѣшенія дѣла сего, призналъ необходимымъ сдѣлать сличеніе подписи Рукиной на оспариваемой въ пользу Тесницкой надписи съ другими подписанными ею бумагами. Производившіе сличеніе это секретари и столоначальники вышневолоцкихъ присутственныхъ мѣстъ нашли подпись Рукиной на оспариваемой надписи совершенно сходною со всѣми другими подписанными ею документами, и по сему признали подпись, сдѣланную на билетѣ въ пользу Тесницкихъ, дѣйствительно писанною и подписанною рукою умершей Рукиной.

Затѣмъ дѣло сіе, совокупно съ дѣломъ о расхищеніи имущества Рукиной, доходило въ уголовномъ порядкѣ до

разсмотрѣнія 5 департамента правительствующаго сената, рѣшеніемъ коего, Высочайше утвержденнымъ 10 декабря 1847 г., Тесницкая, за участіе въ расхищеніи имущества Рукиной принятіемъ отъ двороваго человѣка сей послѣдней въ свою пользу 300 р. сер. и похищеннаго имъ ломбарднаго билета съ надписью на ея имя, приговорена къ лишенію всѣхъ особыхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылке въ вологодскую губернію съ заключеніемъ на три мѣсяца; а о ломбардномъ билетѣ въ 5 т. р., представленномъ Тесницкою съ надписью Рукиной въ ея пользу въ вышневолоцкій уѣздный судъ, правительствующій сенатъ утвердилъ рѣшеніе тверской уголовной палаты, которая нашла, что хотя въ означенной надписи никакого подлога не сдѣлано, ибо надпись сія, при сличеніи оказалась сходною съ почеркомъ Рукиной, и опекунскій совѣтъ, не находя въ томъ сомнѣнія, изъявилъ согласіе на выдачу слѣдующихъ по означенному билету денегъ, но какъ со стороны наслѣдниковъ Рукиной, при предъявленіи имъ билета сего, объявленъ споръ, то для разрѣшенія сего спора, кому долженъ принадлежать билетъ этотъ, предоставить уѣздному суду постановить опредѣленіе гражданскимъ порядкомъ.

Уѣздный судъ, разсмотрѣвъ, вслѣдствіе сего, дѣло это, нашель, что такъ какъ надпись на спорномъ билетѣ, по сличеніи ея съ другими надписями Рукиной, оказалась съ сими послѣдними сходною и удостовѣреній о недѣйствительности, какъ равно и о фальшивомъ составленіи оной, ни отъ кого не имѣется, то къ уничтоженію подписи сей не представляется никакихъ основаній. Посему уѣздный судъ заключилъ: право на полученіе капитала съ процентами по означенному билету утвердить за дочерью Тесницкой.

Рѣшеніе это утверждено тверскою гражданскою палатою и 2 департаментомъ правительствующаго сената, разсматривавшими дѣло это по апелляціямъ Шипмаревой и Черкасовой.

На рѣшеніе правительствующаго сената наслѣдники Рукиной принесли всеподданиѣйшія жалобы, которыя Высочайше повелѣно было разсмотрѣть въ общемъ сената собраніи.

Собразивъ жалобы сіи съ обстоятельствами дѣла, общее собраніе нашло, что споръ наслѣдниковъ Рукиной противу дѣйствительности надписи, сдѣланной въ пользу Тесницкихъ на билетъ сохранной казны отъ 20 іюля 1817 г. въ 5 т. р. асс., заключающій въ существѣ своемъ обвиненіе Тесницкую въ подлогѣ, окончательно разсмотрѣнъ былъ судебными мѣстами въ порядкѣ уголовномъ, и рѣшеніемъ 5 департамента сената, Высочайше утвержденнымъ 10 декабря 1847 г., признано, что въ означенной надписи на билетѣ никакого подлога не сдѣлано, ибо при сличеніи, какъ сказано въ упомянутомъ рѣшеніи, надпись сія оказалась сходною съ почеркомъ Рукиной, и опекунскій совѣтъ, не находя въ томъ сомнѣнія, изъявилъ свое согласіе на выдачу слѣдующихъ по означенному билету денегъ. Но какъ со стороны наслѣдниковъ Рукиной при предъявленіи имъ билета объявленъ споръ, то для разрѣшенія сего спора, кому долженъ принадлежать билетъ этотъ, правительствующій сенатъ предоставилъ уѣздному суду постановить опредѣленіе гражданскимъ порядкомъ. За силою сего рѣшенія, вопросъ о подлинности надписи на билетѣ сохранной казны, представленномъ въ вышневолоцкій уѣздный судъ Тесницкою, разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ болѣе не подлежитъ, а на обязанности сихъ мѣстъ лежало лишь разрѣшеніе вопроса о принадлежности самаго билета, т. е. о томъ, кому долженъ принадлежать билетъ сей, Тесницкимъ-ли, согласно сдѣланной Рукиною на билетъ въ пользу ихъ надписи, наслѣдникамъ ли Рукиной: Шишмаревой и Черкасовой, оспаривающимъ права Тесницкихъ и домогающимся полученія по ломбардному билету капитала съ процентами въ свою пользу, или же наконецъ опекунскому совѣту, на основаніи изъясненныхъ Рукиною при вносѣ капитала въ объявленіи условій. Для правильнаго разрѣшенія сего вопроса необходимо обратиться къ содержанію во 1) объявленія, поданнаго Рукиною при вносѣ въ сохранныю казну капитала и во 2) надписи, сдѣланной впоследствии Рукиною на выданномъ ей на внесенный капиталъ билетѣ. Въ объявленіи, поданномъ Рукиною 20 іюля 1817 г., она изъявила желаніе, чтобы вно-

симый ею капиталъ въ 5 т. р. асс., если оный не будетъ истребованъ или адресованъ въ другое мѣсто ни ею, ни мужемъ ея, при жизни ихъ, то по смерти ихъ оставался бы навсегда въ опекуномъ совѣтѣ съ тѣмъ, чтобы проценты съ сего капитала совѣтъ употреблялъ на дѣла богоугодныя и преимущественно на строеніе святыхъ церквей. А въ надписи на выданномъ ей, Рукиной, на означенный капиталъ билетѣ, она сперва довѣрила полученіе капитальной суммы священнику с. Раменья на построеніе каменной церкви, а затѣмъ упомянувъ, что церковь эта ею уже построена, предоставила капиталъ съ процентами получить, по смерти своей, помѣщицѣ Марьѣ Тесницкой и ея дочерямъ. Такое содержаніе объявленія и надписи очевидно устраняетъ всякія притязанія къ капиталу по упомянутому билету сохранный казны наследниковъ Рукиной, ибо или объявленіе должно оставаться въ своей силѣ и въ такомъ случаѣ право на капиталъ съ процентами по билету остается неоспоримо за опекуномъ совѣтомъ, или же надпись уничтожаетъ условія, изъясненныя въ объявленіи, и тогда право по билету слѣдуетъ признать за Тесницкими. Къ наследникамъ же Рукиной право на означенный капиталъ не можетъ перейти ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ. Лица сіи имѣли полное право оспаривать подлинность сдѣланной въ пользу Тесницкихъ надписи на билетѣ, доказывать ея подложность, но коль скоро окончательнымъ судебнымъ рѣшеніемъ подлинность надписи признана сомнѣнію неподлежащею, то дальнѣйшій споръ о правѣ собственности на означенный билетъ можетъ существовать только между Тесницкими и опекуномъ совѣтомъ. Совѣтъ, сколько изъ дѣла видно, еще при самомъ началѣ сего дѣла, въ отзывѣ отъ 17 августа 1844 г., призналъ подлинность надписи, сдѣланной Рукиною на билетѣ въ пользу Тесницкихъ, и имѣя въ виду, что Рукина предоставила себѣ право на полученіе внесенной ею суммы, изъяснилъ согласіе на выдачу денегъ по упомянутому билету, согласно учиненной вкладчицею надписи. За таковымъ отзывомъ опекунскаго совѣта и рѣшеніемъ 5 департамента сената 1847 г., право Тесницкихъ на полученіе

капитала съ процентами по упоминаемому билету представляет совершенно безспорнымъ, тѣмъ болѣе что дѣйствіе въ семъ случаѣ вопреку какому совѣту вполнѣ согласно съ правилами, изложенными въ ст. 1179, 1196, 1198 и 1199 ст. хI т. уст. кред., за исключеніемъ лишь примѣчанія къ 1179 ст., которое хотя и требуетъ отъ владѣльца при измѣненіи имъ объявленныхъ при владѣ условій соблюденія особаго порядка, но порядокъ сей, будучи установленъ только въ 1842 г., къ настоящему дѣлу, возымѣвшему свое начало со дня смерти Рукиной, послѣдовавшей въ 1840 г., примѣненъ быть не можетъ. Посему общее собраніе положило: согласно съ рѣшеніями по сему дѣлу судебныхъ мѣстъ, право на получение капитала съ процентами по билету сохранной казны, выданному 20 июля 1817 г. на имя Рукиной, утвердить за дочерьми Маріи Тесницкой; принесенныя же на рѣшеніе 2 департамента сената наследниками Рукиной, Шинмаревою и Черкасовымъ, всеподданнѣйшія жалобы оставить безъ уваженія.

II.

Дети имущества и денежные капиталы признаются имуществами благоприобретенными, и на семъ основаніи, при безотомной кончинѣ владѣльца ихъ, поступаютъ къ наследникамъ его по отцу, хотя бы было доказано, что они достались ему отъ матери. — При несуществованіи родственниковъ по отцу, подобныя имущества поступаютъ въ разрядъ вѣнчорокыхъ.

Послѣ смерти прожившаго въ Нахичевани отставнаго штабъ-капитана Григорія Улуканова, послѣдовавшей 16 ян-

варя 1839 года, осталось принадлежавшее ему разное движимое имущество и билетъ московской сохранный казны, выданный ему 18 августа 1838 года, въ 9,280 руб. асс.

Изъ вещей, подверженныхъ тлѣнію, продано съ аукціоннаго торга на 347 руб. 89 коп. ассигн. и, за обращеніемъ въ нахичеванскій сиротскій судъ въ уплату позаимствованныхъ на погребеніе, остальные 25 руб. 26 коп. ассигн., билетъ на вышеозначенную сумму и остальные вещи, за исключеніемъ удержанныхъ хозяиномъ дома, гдѣ квартировалъ Улухановъ, отставнымъ комиссіонеромъ Абрамовымъ, отосланы въ ростовскій уѣздный судъ.

По сдѣланному въ 1839 году вызову, наслѣдниками къ оставшемуся имѣнію объявили себя дяди Улуханова, родные братья его матери, Иванъ и Семень Бейзаде (послѣдній умеръ) и купеческій братъ Архипъ Улухановъ.

Иванъ Бейзаде объявилъ, что капиталъ, заключающійся въ билетѣ, онъ считаетъ наслѣдственнымъ потому, что отецъ штабсъ-капитана Григорія Улуханова, маіоръ Григорій, никакой собственности не имѣлъ, а получилъ капиталъ въ приданое за женою своею, а его, Ивана Бейзаде, родною сестрою Марфою.

О родствѣ Ивана Бейзаде съ матерью умершаго штабсъ-капитана Улуханова, подтвердили два свидѣтеля подъ присягою и завѣрилъ нахичеванскій и бессарабскій архіепископъ Нерсесь; послѣдній пояснилъ, что штабсъ-капитанъ Улухановъ получилъ отъ отца капиталъ, полученный послѣднимъ въ приданое за женою. Дѣйствительные статскіе совѣтники, Иванъ и Христофоръ Лазаревы, по ссылкѣ Бейзаде, подъ присягою отозвались, что послѣ смерти маіора Улуханова осталось въ наслѣдство сыну его, Григорію, наличныхъ денегъ 9,360 руб., которыя находились изъ приращенія процентами у отца ихъ, Лазаревыхъ, съ 1815 года, и съ накопившимися процентами возвращены ими въ разное время штабсъ-капитану Улуханову.

Изъ представленной Бейзаде выписки изъ земскихъ книгъ могилевскаго повѣта видно, что Иванъ и Семень Бейзаде—род-

ные братья матери умершаго Улуханова, отецъ котораго, майоръ Улухановъ, получилъ въ приданое за женою отъ отца, Филиппа Бейзаде, разныхъ вещей и лавку каменную на 323 голландскихъ червонца и наличными деньгами 500 голландскихъ червонцевъ, да послѣ того, по завѣщанію его же, Филиппа Бейзаде, оставлено дѣтямъ майора Улуханова 200 червонцевъ; въ полученіи всего этого представлены къ дѣлу росписки майора Григорія и жены его Марфы Улухановыхъ.

Купеческій братъ Архипъ Улухановъ никакихъ законныхъ доказательствъ родства своего съ умершимъ штабсъ-капитаномъ Улухановымъ не представилъ, кромѣ свидѣтельства моздокскихъ гражданъ.

Ростовскій уѣздный судъ, обще съ городовымъ магистратомъ, рѣшеніемъ, состоявшимся 12 сентября 1850 года, опредѣлилъ: капиталъ въ билетѣ сохранный казны, оставшійся послѣ смерти штабсъ-капитана Улуханова, какъ неблагопріобрѣтенный, а полученный въ приданое матерью его, родною сестрою Бейзаде, за неявкою другихъ родственниковъ, отдать Ивану Бейзаде, равно отдать ему же, какъ 7 руб. 23³/₄ коп., хранящихся въ екатеринославскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія за вырученныя вещи, такъ и все имущество, оставшееся не проданнымъ и удержанное отставнымъ комисіонеромъ Абрамовымъ, такъ какъ послѣдній не представилъ письменнаго договора на квартированіе въ его домъ Улуханова. Впрочемъ предоставить Ивану Бейзаде, если пожелаетъ, учинить съ нимъ расчетъ за квартированіе и пердержанныя на похороны Улуханова деньги. Губернскому регистратору Чайхову въ искѣ 100 руб. асс., предъявленномъ имъ на умершаго Улуханова, отказать. Равно отказать и купеческому брату Архипу Улуханову въ наслѣдованіи имѣнія Улуханова, по непредставленію законныхъ доказательствъ родства съ умершимъ.

Рѣшеніе это, за вызовомъ участвующихъ къ слушанію и протеченіемъ законнаго на то срока, осталось необжало-

ваннымъ. А стряпчій екатеринославской палаты государственныхъ имуществъ, при слуханіи сего рѣшенія, въ рукоприкладствѣ изъявилъ на рѣшеніе неудовольствіе, и доказывая, что Иванъ Бейзаде къ оставшемуся капиталу и имѣнію, по 957 ст. х т. св. зак. гражд. (изд. 1842 г.), не наследникъ, просиль, при рѣшеніи дѣла, поступить по 979 ст. того же тома по ѳі прод.

Екатеринославская палата гражданского суда нашла, что, по смыслу 956 ст. х тома св. зак. гражд. (изд. 1842 г.), при недостаткѣ ближайшихъ наследниковъ, въ боковыхъ линияхъ послѣ бездѣтно-умершаго, право на наследство переходитъ къ роднымъ дядямъ или теткамъ съ ихъ нисходящими; слѣдовательно, Иванъ Бейзаде, родной дядя умершаго Улуханова по матери, за неявою другихъ наследниковъ, имѣетъ исключительное право на наследство послѣ умершаго племянника Улуханова; а хотя стряпчій палаты государственныхъ имуществъ и отвергаетъ права Бейзаде на томъ основаніи, что деньги эти должны поступить въ родъ мужескій, такъ какъ оныя принадлежали отцу Улуханова, но доказательство это не можетъ быть принято въ основаніе, за силою 366 ст. х т., въ которой сказано, что всѣ движимыя имущества и капиталы почитаются благоприобрѣтенными и о родовомъ происхожденіи оныхъ никакой споръ не приемлется. Посему палата 25 августа 1853 года опредѣлила: рѣшеніе общаго присутствія ростовскихъ уѣзднаго суда и городского магистрата оставить въ своей силѣ.

Съ этимъ рѣшеніемъ согласился и начальникъ екатеринославской губерніи, представившій настоящее дѣло на ревизію правительствующаго сената.

За послѣдовавшимъ по настоящему дѣлу разногласіемъ между сенаторами 8 департамента сената, общее собраніе московскихъ департаментовъ, рассмотрѣвъ это дѣло, нашло, что по смыслу 398-й, 1134-й, 1138-й и 1165-й ст. 1-й ч. х т. св. зак. гр., споръ Ивана Бейзаде о родовомъ происхожденіи оставшагося послѣ штабсъ-капитана Григорія Улуханова

ва денежнаго капитала долженъ быть признанъ недействительнымъ, что только родовыя имѣнія переходятъ, отцовское всегда въ родъ отца, материнское въ родъ матери, и что движимое имущество и денежный капиталъ Григорія Улуханова, о коихъ онъ не сдѣлалъ никакого распоряженія, какъ имъ благопріобрѣтенныя, должны быть признаны выморочнымъ имуществомъ, потому что изъ такого рода, къ коему принадлежалъ умершій Улухановъ по отцу, никто не явился къ принятію наслѣдства, въ положенный 1162 ст. 1-й част. х т. срокъ. Посему общее собраніе опредѣлило: признавъ дворянина Бейзаде, роднаго дядю Улуханова по матери, неимѣющимъ никакого права на наслѣдство въ благопріобрѣтенномъ движимомъ имуществѣ и денежномъ капиталѣ, оставшемся по смерти Улуханова, по точной силѣ приведенныхъ законовъ, все означенное имущество и капиталъ обратить, по выморочному праву, въ казну и въ распоряженіе палаты государственныхъ имуществъ, возложивъ на нее и ходатайство объ истребованіи отъ комисіонера Абрамова, неправильно имъ удержанныхъ вещей Улуханова или суммы, какой онъ стоять по оцѣнкѣ.

III.

Главнымъ доказательствомъ законности рожденія признаются метрическія свидѣтельства, но, за невозможностію получить ихъ, принимаются за доказательство законнаго рожденія исповѣдныя росписи, ревизскія сказки, обывательскія книги и т. п.

Послѣ умершаго въ 1849 году мѣшанина Якова Баташева остался въ г. Казани домъ, который со времени кон-

чины Баташева находился во владѣніи его племянника, мѣщанина Степанова, а послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1853 году, поступилъ, по малолѣтству дѣтей Степанова, въ опекуное управленіе.

Въ 1855 году мѣщанка Пелагея Баташева въ прошеніи сиротскому суду, объяснивъ, что она усыновленная дочь Якова Баташева, просила о возстановленіи правъ ея на владѣніе домою.

Сиротскій судъ предоставилъ Баташевой просить о томъ въ судебномъ мѣстѣ; почему она обратилась съ просьбою въ казанскій городской магистратъ о возвращеніи дома въ ея владѣніе, доказывая, что она законная дочь Баташева. Въ подтвержденіе сего Баташева представила слѣдующіе документы:

1., ревизскую сказку 9 народной переписи 1850 года, въ которой она показана дочерью Якова Баташева;

2., копію съ обывательской книги г. Казани, гдѣ мѣщанинъ Яковъ Баташевъ значится 75 лѣтъ, у него дочь Пелагея 35 лѣтъ, — имѣеть каменный одноэтажный домъ;

и 3., свидѣтельство церковно-служителей казанской петровской церкви, о томъ что по духовнымъ росписямъ, хранящимся въ церкви, значится: въ 1815 году мѣщанинъ Яковъ Баташевъ 52 лѣтъ, его жена и дочь ихъ Пелагея 15 лѣтъ; съ 1815 по 1826 г. она не показана при Баташевѣ; съ 1826 по 1836 г. значилась дочерью его 35-ти лѣтъ, бывшею на исповѣди во всѣхъ годахъ; съ 1849 по 1855 г. показана проживавшею въ домѣ Баташева.

На основаніи сихъ доказательствъ, Пелагея Баташева, прося о возвращеніи ей дома, присовокупила, что мѣщанинъ Степановъ вывезъ изъ онаго разной движимости на 218 р. и ходатайствовала о взысканіи съ него собранныхъ съ дома доходовъ, за исключеніемъ денегъ, употребленныхъ на повинности и уплату ссуды.

Противъ иска мѣщанки Баташевой, опекунъ надъ имѣніемъ Степанова, возражая, что домою Якова Баташева, еще при жизни его владѣлъ прямой наслѣдникъ, племянникъ Ба-

ташева Степановъ, мѣщанка же Баташева, въ доказательство происхожденія своего не представила метрическаго свидѣтельства, а ревизскія сказки и другіе документы недостаточны для признанія ея дочерью Якова Баташева, объ усыновленіи же Пелагеи Баташевой утвержденія казенной палаты не было. Присемь опекунъ объяснилъ, что Яковъ Баташевъ умеръ въ крайней бѣдности, и что племянникъ его Степановъ уплатилъ за него казенной недоимки 350 р 65 к., а опека заплатила ссудныхъ денегъ болѣе 100 рублей.

Дѣло это доходило въ апелляціонномъ порядкѣ до разсмотрѣнія 4 департамента правительствующаго сената, который въ 1858 году, согласно съ рѣшеніемъ казанской гражданской палаты, опредѣлилъ: спорный домъ съ дворовымъ мѣстомъ отдать во владѣніе Пелагеи Баташевой и предоставить ей и опекуну надъ имѣніемъ Степанова, во взаимныхъ претензіяхъ, если пожелаютъ, вѣдаться отъ сего дѣла особо.

На это рѣшеніе попечительница надъ дѣтми умершаго мѣщанина Степанова, вдова его Александра Степанова принесла всеподданиѣйшую жалобу, которая, по Высочайшему повелѣнію, внесена была на разсмотрѣніе общаго собранія правительствующаго сената.

По поступленіи дѣла изъ общаго собранія сената въ министерство юстиціи, потребованы были министерствомъ свѣдѣнія о томъ, значилась ли по ревизскимъ сказкамъ 7 и 8 ревизій при семействѣ казанскаго мѣщанина Якова Иванова Баташева дочь Пелагея.

Изъ вытребованныхъ въ слѣдствіе сего, чрезъ посредство казанскаго губернскаго прокурора, отъ казенной палаты копій съ ревизскихъ сказокъ 7-й и 8-й ревизій, лично имъ прокуроромъ съ подлинными свѣренныхъ, видно, что при семействѣ Якова Баташева показана по тѣмъ двумъ ревизіямъ дочь его Пелагея.

По обстоятельствамъ сего дѣла, обращаясь къ разрѣшенію вопроса: достаточно ли доказано происхожденіе Пелагеи Баташевой отъ Якова Баташева, дающее ей право на наслѣдова-

ніе имѣніемъ Баташева, общее собраніе сената нашло, что на основаніи 122 ст. 1 ч. хл. зак. гр., главнымъ преимущественнымъ доказательствомъ законности рожденія признается выданныя духовными властями метрическаго свидѣтельства, но по 123 статьи, за невозможностію получить метрическаго свидѣтельства о рожденіи, могутъ въ доказательство законности рожденія быть принимаемы исповѣдныя росписи, родословныя, городовыя обывательскія книги, формулярные списки и ревизскія сказки.

Целагея Баташева хотя не представила метрическаго свидѣтельства о рожденіи, но этотъ недостатокъ, въ отношеніи ея происхожденія, достаточно замѣняется, соответственно 123 стат. 1 части X тома зак. гр., представленными къ двѣмъ ревизскимъ сказкамъ 7-й, 8-й и 9-й ревизіи, выпискою изъ исповѣдныхъ книгъ и городской обывательской книги, въ которыхъ она значится писанною при Баташевъ его дочери.

Притомъ нельзя не принять во вниманіе объясненія Баташевой въ апелляціонной жалобѣ ея на рѣшеніе городского магистрата, о затруднительности полученія метрическаго свидѣтельства, потому что рожденіе ея, имѣвшей тогда отъ роду 60 лѣтъ, относится къ давнему времени, слѣдовательно когда не существовало столь строгаго, какъ то нынѣ наблюдается, веденія и содержанія еписковъ о родившихъ.

Но изложеннымъ основаніямъ общее собраніе положило рѣшеніе 4 департамента правительствующаго сената, какъ правильное, утвердить, а всеподданнѣйшую жалобу мѣщанки Степановой оставить безъ уваженія.

IV.

Существующее въ законъ (1396, 1450 и 1456 ст. 1 ч. ж т. св. зак. гр.) воспрещеніе раздроблять продажею недвижимыя имущества относится къ такимъ имуществамъ, которыя состоятъ во владѣніи одного лица, но не къ тѣмъ, кои по какому либо случаю состоятъ уже во владѣніи нѣсколькихъ лицъ. На семъ основаніи всякій изъ такихъ владѣльцевъ одной изъ частей недвижимаго имѣнія можетъ продать свою часть другому лицу.

По рѣшенію третейскаго суда, состоявшемуся по совѣсти и безъ права апелляціи 11 марта 1857 г. витебскому мѣщанину Кондратію Федотову Голубову, съ его и другихъ его сонаслѣдниковъ добровольнаго согласія, послѣ смерти отца, достался между прочимъ верхъ каменнаго дома, состоящаго въ г. Витебскѣ, каковою частію предоставлено ему, Голубову, право полного и безпрепятственнаго распоряженія.

На основаніи сего права Кондратій Голубовъ 18 сентября 1859 г. обратился въ могилевскую палату гражданскаго суда съ просьбою, въ коей изясняя, что оное имущество, доставшееся ему по упомянутому рѣшенію третейскаго суда, продалъ женѣ 3 гильдіи купческаго сына, Симѣ Либерманъ за 1,500 руб. сер., и что долгъ, лежащій на имуществѣ отца, а слѣдовательно отчасти и на продаваемомъ имъ имуществѣ, коммерческому банку выплаченъ сполна, просилъ палату совершить на то имущество кунчую крѣпость.

Вслѣдъ за симъ, а именно 21 октября того же 1859 г. Кондратій Голубовъ и Сима Либерманъ, представляя сопер-

пенную между ними запродажную запись, вошли въ могилевскую гражданскую палату съ прошеніемъ, какъ о засвидѣтельствovanіи той записи, такъ и о наложеніи на запроданное имущество запрещенія.

По этой запродажной записи, Голубовъ, доставшюся ему, по изложенному выше рѣшенію третейскаго суда, наслѣдственную часть, въ томъ же объемѣ, въ какомъ она принадлежала и ему, уступилъ Либермановой за 2,600 руб.; въ число каковой суммы онъ разновременно отъ нея, покупщицы, получилъ 1,975 руб., остальные же затѣмъ 625 р. Леберманова обязывалась внести въ палату при самомъ совершеніи купчей.

По разсмотрѣніи сего ходатайства, могилевская гражданская палата нашла, что за силою 394 и 1396 ст. 1 ч. х. т. св. зак. гр., изд. 1857 г., дома и лавки принадлежать къ имуществамъ недѣлимымъ, а посему и основываясь на 1450 и 1456 ст. ч. 1 х т. св. зак. гр. (изд. 1857 г.) по опредѣленію 29 октября 1859 г. заключила: въ просьбѣ Голубова и Либермановой о совершеніи купчей крѣпости и о засвидѣтельствovanіи запродажной записи на часть каменнаго дома и лавку, отказать по изложенной причинѣ.

На это постановленіе палаты Голубовъ и Либерманъ принесли 2 департаменту правительствующаго сената жалобу, въ коей объясняя, что постановленіе то противно смыслу 394 и 1154 ст. ч. 1, 639, 1175, 1176, 1178 и 1179 ст. ч. 2. х т. св. зак. гр., на основаніи коихъ допускается продажа отдѣльныхъ владѣній, а въ составъ нераздѣльныхъ имуществъ не входятъ цѣлые дома, просили рѣшеніе палаты, какъ неправильное, отмѣнить, тѣмъ болѣе, что въ витебской гражданской палатѣ въ 1857 г. была совершена подобная же купчая однимъ изъ братьевъ просителя Василюемъ Голубовымъ.

За послѣдовавшимъ во 2-мъ департаментѣ сената разногласіемъ, общее сената собраніе, разсмотрѣвъ настоящее дѣло, находило: 1, что наслѣдники Федота Голубова раздѣлили доставшійся имъ по наслѣдству домъ, на основаніи третейскаго рѣшенія, никѣмъ не обжалованнаго; 2, что одинъ изъ сыновей

Еедота, Кондратій Голубовъ введенъ во владѣніе доставшеюся ему частію того дома, и Э, что ни противъ раздѣла, ни противъ ввода никто по сіе время спора не предъявлялъ. Слѣдовательно, въ настоящее время ни вопросъ о томъ, правильно ли и согласно ли съ существующими законами постановлено означенное третейское рѣшеніе о раздѣлѣ наслѣдниками дома, ни вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ обязательенъ тотъ раздѣлъ для лицъ, участвовавшихъ въ ономъ, разсмотрѣнію правительствующаго сената не подлежитъ. По существу же принесенной сенату со стороны Кондратія Голубова и Либерманъ жалобы, подлежитъ нынѣ обсужденію сената правильность опредѣленія могилевской гражданской палаты, отказавшей въ совершеніи купчей крѣпости и въ засвидѣтельствованіи запродажной записи на переходъ означенной наслѣдственной части Кондратія Голубова, отъ сего послѣдняго къ Либерманъ. Отказъ этотъ гражданская палата основала на 1396 ст. х. т. 1 ч. (изд. 1857 г.). Эту статью запрещается продажею раздроблять недѣлимья имѣнія, къ каковымъ безспорно, по смыслу существующихъ на сей предметъ правилъ, должны быть отнесены и дома. Но статья эта, по буквальному ея смыслу, относится къ такимъ нераздѣльнымъ имуществамъ, которыя состоятъ во владѣніи одного лица, т. е. за силою этого закона лицо, владѣющее цѣлымъ домомъ, не имѣетъ права продавать часть онаго другому лицу. Но если имѣніе по какому либо случаю уже состоитъ во владѣніи нѣсколькихъ лицъ, и если правильность таковаго владѣнія не подлежитъ обсужденію суда, то тогда, приведенная выше 1396 ст. не можетъ уже имѣть примѣненія, и вопросъ о правѣ каждаго изъ соучастниковъ въ таковомъ владѣніи отчуждать свою часть, долженъ быть разрѣшенъ на основаніи 555 ст. х. т. 1 ч., изд. 1857 г., относящейся до имѣній, состоящихъ въ общемъ владѣніи, и по силѣ которой каждый соучастникъ можетъ продать то, что на часть его изъ общаго причитается (свой жребій,) съ тѣмъ однако же, что прочимъ соучастникамъ, если не захотятъ они допустить до выдѣла той части, предоставляется со-

хранить оную за собою, заплатя за нее деньгами по оцѣнкѣ. Слѣдовательно, такъ какъ, по смыслу этой послѣдней статьи, никому не запрещается продавать своей собственности, хотя бы эта собственность состояла и изъ части имущества, находящагося въ общемъ владѣннн нѣсколькихъ лицъ, и такъ какъ въ этой статьѣ не сдѣлано никакого различія между имуществами раздробляемыми и нераздробляемыми, то посему, при настоящемъ положеннн дѣла, 1396 ст. х. т. 1 ч., изд. 1857 г., не можетъ, служить основаннемъ къ отказу Голубову и Либерманъ въ ходатайствѣ ихъ о передачѣ первымъ послѣдней права на владѣннн частно дома и лавки, причитающейя Голубову по третейскому рѣшеннн 11 марта 1857 г., если прочне соучастники на таковую уступку согласятся, и съ тѣмъ разумвется, что новый владѣлецъ въ отношеннн владѣннн и распоряженнн эту частно можетъ прнобрѣсти эту покупкою только тѣ права, какія имѣлъ его предшественникъ по владѣннн. Такимъ образомъ съ одной стороны не будетъ стѣнено право каждаго распоряжаться тѣмъ, что ему принадлежитъ, а съ другой въ этомъ случаѣ не произойдетъ никакой перемѣны во владѣннн, а только перемѣна въ лицахъ владѣющихъ, т. е. на мѣсто Кондратн Голубова, преемникомъ во владѣннн упомянутымъ имѣннемъ будетъ Либерманъ, но съ тѣми же самыми какъ и Кондратн Голубовъ правами и обязанностями, какъ въ отношеннн прочихъ соучастниковъ въ томъ имѣннн, такъ и въ отношеннн правъ на свое имѣннн. По всѣмъ симъ основанннмъ общее собраннн положило: дозволнть Голубову совершнть законнымъ порядкомъ актъ передачи, на вышеупомянутыхъ условняхъ, права его на владѣннн частно, доставшеюся ему по упомянутому третейскому рѣшеннн, если впрочемъ гражданская палата не встрѣтитъ къ тому другихъ, кромѣ изложенныхъ въ опредѣленнн ея, по сему дѣлу состоявшемся, законныхъ препятствнн.

V.

Дѣйствиѣ росписки о задаточныхъ деньгахъ ограничивает- ся шестинедѣльнымъ со дня ея выдачи срокомъ. Посему ли- цо, пропустившее шестинедѣльный срокъ для истребованія дан- ного имъ задатка, вовсе лишается этого права.

Купецъ Ефимовъ, запредавъ принадлежащій ему въ г. Москвѣ домъ купцу Лыжину, выдалъ послѣднему, въ полу- ченіи отъ него задатка, росписку слѣдующаго содержанія: «Москва 1856 года мая 30 дня, я, нижеподписавшійся, про- далъ домъ московскому купцу Ивану Тимофееву Лыжину за двадцать три тысячи рублей серебромъ, купчая на счетъ мой продавца; жить мнѣ, Ефимову, въ томъ домѣ два мѣсяца, а мебель я, Ефимовъ, взять долженъ въ свою собственность; по- лучено въ задатокъ тысяча рублей серебромъ, московскій 2-й гильдіи купецъ Гаврила Семеновъ Ефимовъ».

6-го Сентября 1856 года Лыжинъ, представивъ озна- ченную росписку при прошеніи въ московскую управу бла- гочинія, и объясняя, что Ефимовъ уклоняется отъ соверше- нія купчей, а на домъ числятся такія запрещенія, что оный ни въ какомъ случаѣ проданъ быть не могъ, просилъ истре- бовать отъ Ефимова задаточныя деньги и оныя выдать ему, просителю, по принадлежности.

Противъ этого Ефимовъ объяснилъ, что онъ отъ про- дажи дома Лыжину не только никогда не уклонялся, а на- противъ еще неоднократно просилъ Лыжина приступить къ совершенію акта; а запрещенія, на которыя указываетъ Лы- жинъ, препятствіемъ къ совершенію акта быть не могли, до-

казательствомъ чему служить то, что онъ, Ефимовъ, совершаетъ во 2-мъ департаментѣ московской гражданской палаты купчую. Посему и не считая себя обязаннымъ возвращать задатокъ, Ефимовъ просилъ управу благочинія отъ взысканія его освободить, тѣмъ болѣе, что отъ уклоненія Лыжина отъ совершенія акта, онъ, Ефимовъ, потерялъ много выгодныхъ покупателей.

На это Лыжинъ возразилъ, что если бы Ефимовъ хотѣлъ приступить къ совершенію акта, то онъ могъ бы приступить къ тому и безъ приглашенія его, Лыжина, потому что издержки по совершенію купчей приняты были имъ, Ефимовымъ, на себя.

Управа благочинія, основываясь на томъ, что росписка, по коей домъ проданъ Лыжину, не есть формальный актъ, и притомъ предъявлена ко взысканію со времени выдачи ея, т. е. 30 мая 1856 г., по истеченіи шести-недѣльнаго срока, 15 марта 1857 г., въ ходатайствѣ Лыжину отказала.

Жалуясь на сіе заключеніе управы благочинія, повѣренный Лыжина, коллежскій секретарь Старковъ, въ прошеніи 2 департаменту московскаго городского магистрата 24 мая 1857 года, между прочимъ, объяснилъ, что по смыслу росписки, купчая должна быть совершена по истеченіи двухъ мѣсяцевъ, въ которые Ефимовъ могъ жить въ домѣ, т. е. 30-го іюня 1856 года, почему довѣритель его Лыжинъ, подавъ прошеніе въ управу благочинія о возвращеніи задатка 6-го сентября 1856 года, упомянутого выше шести-недѣльнаго срока не пропустилъ.

Противъ этого Ефимовъ объяснилъ магистрату, что срока на совершеніе акта, какъ видно изъ самой росписки, никакого назначено не было.

Затѣмъ 2-й департаментъ московской гражданской палаты на представленіе магистрата далъ знать, что 26-го марта 1857 года совершена купчая крѣпость на проданный Ефимовымъ купцу Иванову упомянутый выше домъ, что оказавшіяся на Ефимовѣ запрещенія, а въ томъ числѣ и по взы-

сканію съ него Лыжинымъ задаточныхъ денегъ, устранены удержаніемъ у Ефимова денегъ на пополненіе числящихся на немъ взысканій; причемъ у него, Ефимова, удержанъ полученный имъ съ Лыжина задатокъ вдвойнѣ, и чтобы купецъ Ефимовъ приступилъ къ совершенію купчей на означенный домъ Лыжину, того изъ дѣла и алфавита палаты не видно.

Принявъ на видъ, что росписка составлена несогласно съ 1418 ст. х т. свода зак. гражд., изд. 1842 года (по хіх продолж.) и что со стороны Ефимова нѣтъ отрицанія отъ полученія задатка, магистратъ 28-го сентября 1858 года заключилъ: изъ удержанныхъ у Ефимова гражданскою палатою при совершеніи купчей крѣпости на его домъ двухъ тысячъ рублей серебромъ, отчислить на удовлетвореніе Лыжина тысячу рублей серебромъ съ процентами на нихъ съ 30 мая 1856 года по день удовлетворенія.

По апелляціонной жалобѣ Ефимова, рассмотрѣвъ вышеизложенное, 1-й департаментъ московской гражданской палаты, принявъ на видъ, что росписка Ефимова заключаетъ въ себѣ всѣ требуемыя закономъ, для задаточныхъ росписокъ, условія, что задаточная росписка должна быть предъявлена ко взысканію, со дня написанія оной въ теченіи шести-недѣльнаго срока. А какъ Лыжинъ предъявилъ росписку по истеченіи означеннаго выше срока, то магистратъ, опредѣливъ взыскать съ Ефимова задаточныя деньги, поступилъ неправильно. Посему палата 21-го августа 1858 года, отмѣнивъ рѣшеніе магистрата, Ефимова отъ взысканія освободила.

Опровергая это рѣшеніе палаты, купецъ Лыжинъ, въ апелляціонной жалобѣ правительствующему сенату, 20-го октября 1859 года, между прочимъ, объяснилъ, что Ефимовъ въ такомъ только случаѣ могъ бы не возвращать ему, аппелятору, задаточныхъ денегъ, полученія коихъ онъ и не отвергаетъ, когда бы онъ, Ефимовъ, заявилъ въ гражданской палатѣ о готовности своей совершить на домъ купчую, какъ это положительно требуется закономъ, свода 1857 г. т. х час. 1-й зак. гражд., ст. 1687.

Разсмотрѣвъ вышеизложенное, общее сената собраніе нашло, что по выдачѣ купцомъ Ефимовымъ 30-го мая 1856 года росписки въ запродажѣ имъ своего дома купцу Лыжину за 23,000 рублей серебромъ, съ получениемъ въ задатокъ 1,000 руб. сереб., ни Ефимовъ, принявшій совершение купчей на свой счетъ, ни Лыжинъ, въ теченіи болѣе трехъ мѣсяцевъ не только не приступили къ совершенію формальнаго акта, т. е. купчей крѣпости или запродажной записи, но и не заявляли полицейскому или судебному мѣсту о какихъ-либо къ тому препятствіяхъ, до представленія Лыжинымъ 6-го сентября того года задаточной росписки ко взысканію, а какъ на основаніи дѣйствующихъ законовъ, объ обезпеченіи задаткомъ предварительныхъ условій о продажѣ недвижимыхъ имѣній (свода 1857 года тома X части 1-й зак. гражд. ст. 1685—1689), дѣйствіе росписки о задаткѣ ограничивается шести-недѣльнымъ со дня ея выдачи срокомъ, до истечения коего надлежитъ совершить формальный актъ, или по крайней мѣрѣ заявить о препятствующихъ тому причинахъ, то засимъ не могутъ быть приняты ни въ какое уваженіе взаимныя обвиненія тяжущимися другъ друга въ несовершеніи формальнаго акта, который оказывается несовершеннымъ по винѣ обѣихъ сторонъ. Вслѣдствіе сего, за силою существующаго въ тѣхъ же законахъ постановленія, что если формальный актъ не будетъ совершенъ по винѣ обѣихъ сторонъ, то условіе ихъ уничтожается простымъ возвращеніемъ задатка, но и въ семъ случаѣ требованіе о возвращеніи задатка должно быть предъявлено въ шести-недѣльный отъ выдачи росписки срокъ, нельзя не признать, что требованіе истцомъ Лыжинымъ возврата даннаго имъ задатка не имѣетъ законнаго основанія, какъ предъявленное по истеченіи установленнаго на то срока. Поэтому, признавая рѣшеніе гражданской палаты, отказавшей купцу Лыжину въ искѣ, правильнымъ, общее собраніе положило: апелляціонную его жалобу оставить со штрафомъ.

VI.

Законъ, определяя годовой срокъ для предъявленія завѣщаній въ гражданскую палату, не требуетъ, чтобы въ этотъ срокъ послѣдовало и самое засвидѣтельствованіе. Посему если бы по какимъ либо причинамъ, предъявленное завѣщаніе оставалось въ палатѣ не засвидѣствованнымъ въ теченіе болѣе года, то это одно обстоятельство не лишаетъ завѣщанія его законной силы и не препятствуетъ его утвержденію въ порядкѣ нотаріальномъ.

Титулярный совѣтникъ Алексѣй Нероновъ, домашнимъ духовнымъ завѣщаніемъ, писаннымъ 4 іюля 1848 года, все свое родовое и благопріобрѣтенное движимое имѣніе и домъ въ г. Самарѣ предоставилъ женѣ своей, Елисаветѣ Нероновой, завѣщавъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы она одна назначена была опекуншею къ малолѣтней дочери ихъ, Надеждѣ, до вступленія ея «въ совершеннолѣтіе и до принятія во владѣніе родового имѣнія, которому она законная и единственная наследница».

Послѣ смерти Неронова, послѣдовавшей 22 іюля 1853 года, вдова его, Елисавета, при прошеніи 2 декабря того же года, представила это завѣщаніе для утвержденія въ самарскую гражданскую палату, которая потребовала предварительнo отъ нея, Нероновой, чрезъ самарскую градскую полицію, свидѣніе: въ чемъ именно заключается родовое имѣніе, о которомъ упомянуто въ завѣщаніи, и гдѣ учреждена опека надъ ихъ дочерью?

На это Неронова, въ поданномъ въ полицію 14-го мая 1856 года объясненіи, показавъ родовое имѣніе въ сызран-

скомъ уѣздѣ, симбирской губерніи, между прочимъ, отозвалась, «что она не только родоваго, но и благопріобрѣтеннаго имѣнія послѣ покойнаго мужа нисколько получить не желаетъ, предоставляя все единственной дочери ихъ, Надеждѣ, имѣющей въ настоящее время 17 лѣтъ, а потому и не ищетъ утверждѣнія духовнаго завѣщанія, покойнымъ мужемъ ея составленнаго».

Въ слѣдствіе сего самарская гражданская палата 18 іюня 1856 года постановила: духовное завѣщаніе Неронова, согласно отзыва жены его, оставить безъ утверждѣнія о чемъ и объявлено Нероновой чрезъ самарскую полицію 13 марта 1857 года.

Послѣ того, 2-го января 1859 года, вдова Елисавета Неронова обратилась въ гражданскую палату съ просьбою, въ которой объяснивъ, что передача завѣщаннаго ей имѣнія дочери по одному вышеупомянутому объясненію, по ея мнѣнію, не можетъ быть законною, — ходатайствовала вновь о засвидѣтельствваніи означеннаго завѣщанія ея мужа.

Гражданская палата, признавъ возможнымъ удовлетворить таковое ходатайство Нероновой, 12 того же января положила: завѣщаніе мужа ея, относительно предоставленія ей благопріобрѣтеннаго имѣнія его, утвердить; но какъ симъ отмѣнялось постановленіе 18 іюня 1856 года, объ оставленіи завѣщанія безъ засвидѣтельствванія, то палата и вошла въ правительствующій сенатъ 22 января съ представленіемъ, испрашивая разрѣшенія на приведеніе сего заключенія въ исполненіе.

Между тѣмъ, того же 22-го января, повѣренный жены своей, коллежскій регистраторъ Бачмановъ подалъ въ гражданскую палату прошеніе, коимъ объяснивъ, что выше помянутая дочь Нероновыхъ, Надежда, по мужу княгиня Урусова, умерла 20 декабря 1858 года, что наслѣдницею послѣ нея состоитъ жена его Евгенія Бачманова, что она начала уже въ симбирской гражданской палатѣ дѣло объ утверждѣніи ея наслѣдницею къ оставшемуся послѣ княгини Урусовой имѣнію, а также, что просьба Нероновой объ утверждѣніи завѣщанія не уважительна, — просилъ гражданскую па-

палату, просьбу ту оставить безъ послѣдствій, а самое производство препроводить въ симбирскую гражданскую палату, для присоединенія къ означенному дѣлу о правахъ жены его на наслѣдство послѣ княгини Урусовой.

Гражданская палата, принявъ на видъ, что заключеніе ея 12 января въ исполненіе еще не приведено, положила: не приводя оное въ исполненіе, дѣло о завѣщаніи, по объявленному Бачмановымъ спору, передать на разсмотрѣніе въ симбирскую гражданскую палату, на что также, рапортомъ отъ 29 января, испрашивала разрѣшенія правительствующаго сената.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Бачмановъ обратился съ просьбою въ правительствующій сенатъ, при чемъ доказывая неосновательность прошенія Нероновой, объ утвержденіи завѣщанія, и неправильность заключенія гражданской палаты 12 января, просилъ рапортъ ея отъ 22 января оставить безъ уваженія.

Правительствующій сенатъ, признавъ, что за силою ст. 487 тома х част. 2-й зак. о суд. гражд., представленія самарской гражданской палаты не подлежатъ разсмотрѣнію, а равно и жалоба Бачманова, какъ принесенная не на заключеніе, а только на предположеніе палаты, также не требуетъ разрѣшенія, по опредѣленію 12 марта 1859 года, оставилъ, какъ упомянутыя представленія палаты, такъ и жалобу Бачманова безъ послѣдствій.

Послѣ сего Неронова, въ поданномъ въ самарскую гражданскую палату прошеніи, объясняя, что формальнаго, законнаго отреченія отъ наслѣдства послѣ мужа она не дѣлала, объясненіе же, данное ею самарской полиціи о томъ, что она не ищетъ утвержденія завѣщанія, не можетъ быть признано дѣйствительнымъ, такъ какъ въ то время она имѣла намѣреніе наградить дочь свою приданымъ по особой записи, но ни записи этой, ни утвержденія дочери ея въ правахъ наслѣдства, не состоялось, а потому Неронова просила сдѣлать распоряженіе объ окончательномъ утвержденіи завѣщанія ея мужа и вводить ея во владѣніе его имуществомъ.

По выслушаніи сего прошенія, палата 10 августа 1859

года постановила: духовное завѣщаніе титулярнаго совѣтника Неронова, въ отношеніи благопріобрѣтеннаго его имѣнія, какъ составленное въ законномъ порядкѣ, утвердить, чѣмъ постановленіе палаты 18 іюня 1856 года не отмѣняется, ибо тѣмъ постановленіемъ завѣщаніе не уничтожено, а только оставлено безъ засвидѣтельствованія; а прошеніе Бачманова оставить безъ уваженія, такъ какъ, за производящимся уже въ симбирской гражданской палатѣ дѣломъ о правахъ наслѣдства Бачмановой, прошеніе это не относится до разсмотрѣнія самарской палаты.

По жалобѣ Бачманова правительствующій сенатъ (по 8-му департаменту), опредѣленіемъ 17 декабря 1859 года, уничтожилъ заключеніе самарской палаты о засвидѣтельствованіи духовнаго завѣщанія Неронова, предоставивъ вдовѣ его, если желаетъ и имѣетъ законныя доказательства, начать дѣло, гдѣ слѣдуетъ, судебнымъ порядкомъ о томъ, что актъ сей, не смотря на данный ею полиціи въ 1856 году отзывъ, долженъ сохранить силу, въ отношеніи завѣщаннаго ей имѣнія, послѣ смерти ея дочери, въ пользу которой она отъ того имѣнія отказывалась.

На это опредѣленіе вдова Неронова принесла всеподданнѣйшую жалобу, которая, по Высочайшему повелѣнію, внесена была на разсмотрѣніе общаго сената собранія.

За послѣдовавшимъ въ общемъ сенатѣ собраніи разногласіемъ, управлявшій министерствомъ юстиціи, разсмотрѣвъ настоящее дѣло, находилъ, что по закону срокъ для явки завѣщанія полагается для пребывающихъ въ Россіи—годовой, а для находящихся за границею—двухгодичный, считая отъ дня кончины завѣщателя (ст. 1063 т. X ч. 1-й св. законъ гражд. изд. 1857 года), что по истеченіи сего срока завѣщанія къ явкѣ не приемятся, и остаются ничтожными (ст. 1065 тамъ же), но что ежели наслѣдникъ по завѣщанію можетъ представить неопровержимыя доказательства, что срокъ для явки пропущенъ имъ по неизвѣстности о существованіи завѣщанія или по другой законной причинѣ, въ такомъ слу-

чаѣ оставляется ему право иска до истеченія общей земской давности, считая оную также со дня смерти завѣщателя (ст. 1066 тамъ же).

Соображеніе сихъ законовъ съ обстоятельствами настоящаго дѣла показываетъ, что завѣщаніе Неронова, умершаго 22 іюля 1853 года, хотя и было представлено вдовою его въ установленный срокъ, для засвидѣтельствованія, въ самарскую гражданскую палату, но, согласно отзыва ея же самой, объявившей, что она не желаетъ утвержденія этого завѣщанія, оно, по постановленію палаты 18 іюня 1856 года, объявленному Нероновой 13 марта 1857 года, оставлено безъ утвержденія. За таковымъ постановленіемъ, прекратившимъ все производство палаты о духовномъ завѣщаніи Неронова, завѣщаніе это, какъ бы вовсе не предъявленное палатѣ, осталось не засвидѣтельствованнымъ.

Послѣ этого Неронова возобновила ходатайство объ утвержденіи завѣщанія, но первое прошеніе ея объ этомъ поступило въ палату лишь 2-го января 1859 г., т. е. не только по пропусченіи установленнаго приведенною статьею 1063 годичнаго срока со дня кончины завѣщателя, но даже по истеченіи почти двухъ лѣтъ со времени объявленія ей постановленія палаты объ оставленіи завѣщанія безъ утвержденія.

Посему нельзя не признать, что по смыслу ст. 1063 и 1065 т. х ч. 1-й зак. гражд. завѣщаніе Неронова, умершаго въ 1853 году, за пропусченіемъ годоваго срока, не могло уже быть принято палатою къ явкѣ въ нотаріальномъ порядкѣ; но если вдова Неронова считаетъ, что оно и засимъ не утратило своей силы, то можетъ, согласно ст. 1066 того же тома, права свои на завѣщанное ей имѣніе доказывать установленнымъ судебнымъ порядкомъ въ теченіе общаго срока земской давности.

По симъ основаніямъ управлявшій министерствомъ юстиціи полагалъ опредѣленіе 8-го департамента правительствующаго сената объ отмынѣ постановленія самарской граждан-

ской палаты относительно засвидѣтельствованія духовнаго завѣщанія Неронова и о предоставленіи Нероновой предъявить искъ о завѣщанномъ ей имѣніи въ подлежащемъ судебномъ мѣстѣ, — какъ правильное, оставить въ своей силѣ, а во всеподданнѣйшей жалобѣ вдовы Нероновой отказать.

По несоставленію большинства голосовъ сенаторовъ, согласныхъ съ симъ мнѣніемъ, дѣло о завѣщаніи Неронова дошло до разсмотрѣнія государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, разсмотрѣвъ настоящее дѣло, находилъ, что для представленія духовнаго завѣщанія къ явкѣ, законъ (х т. ч. 1. ст. 1063) назначаетъ годовой срокъ, считая отъ дня кончины завѣщателя. Вдова титулярнаго совѣтника Неронова представила завѣщаніе своего мужа къ явкѣ въ палату 2 декабря 1853 г., черезъ пять съ половиною мѣсяцевъ послѣ его смерти. Симъ дѣйствіемъ Неронова исполнила все, чего требуетъ законъ отъ лица, въ рукахъ котораго находится завѣщаніе, и затѣмъ нѣтъ повода считать срокъ для явки пропущеннымъ, основываясь на томъ, что въ слѣдствіе отзыва Нероновой о желаніи ея предоставить все имѣніе своей дочери, производство о завѣщаніи было приостановлено въ 1856, и возобновлено только въ 1859 году. Опредѣляя годовой срокъ для предъявленія завѣщаній въ гражданскую палату, законъ не требуетъ, чтобы въ этотъ срокъ послѣдовало и самое засвидѣтельствованіе завѣщанія. По сему самарская гражданская палата, удостовѣрясь въ правильномъ составленіи завѣщанія, предъявленнаго ей въ 1853 г., и не имѣя въ виду спора ни противъ подлинности, ни противъ формальности его, была въ правѣ утвердить это завѣщаніе въ нотаріальномъ порядкѣ. Что же касается объясненій Бачмановой, въ которыхъ она, ссылаясь на отзывъ Нероновой отъ 14 мая 1856 г. о нежеланіи Нероновой получить завѣщанное ей имѣніе и о предоставленіи сего имѣнія дочери, опровергаетъ права Нероновой на завѣщанное ей имѣніе и значеніе завѣщанія, какъ акта укрѣпленія правъ на имущество, то ни объясненія сіи, ни вопросъ о значеніи отзыва

Нероновой не подлежат нынѣ, при производствѣ дѣла нотаріальнымъ порядкомъ, никакому разсмотрѣнію, а должны быть обсуждены порядкомъ судебнымъ (св. зак. 1857 г. т. х ч. 1 ст. 1042 и ч. 2 ст. 656). Посему всякое по симъ предметамъ сужденіе государственнаго совѣта было бы предрѣшеніемъ тяжебнаго дѣла о правахъ на наслѣдство послѣ титулярнаго совѣтника Неронова и его дочери.

Вмѣстѣ съ симъ государственный совѣтъ принялъ на видѣ, что сроки на обжалованіе частныхъ опредѣленій, упоминаемые въ 494 ст. х т. ч. 2 (св. зак. 1857 г.), не могутъ быть примѣняемы къ настоящему дѣлу, за силою прим. къ 496 ст. того же тома, въ которомъ объяснено, что 494 ст. не относится къ дѣламъ судебного управленія, о совершеніи и засвидѣтельствovanіи актовъ; за симъ нельзя и признать, что Неронова, пропускомъ срока, въ 496 ст. означеннаго, лишилась права просить о засвидѣтельствovanіи завѣщанія. Притомъ въ 1856 г. Нероновой не было повода жаловаться на заключеніе самарской гражданской палаты о приостановленіи засвидѣтельствovanія завѣщанія, такъ какъ это заключеніе было сдѣлано согласно съ ея собственнымъ желаніемъ.

На основаніи сихъ соображеній государственный совѣтъ *мнѣніемъ положилъ*: постановленіе самарской гражданской палаты о засвидѣтельствovanіи духовнаго завѣщанія титулярнаго совѣтника Неронова относительно благопріобрѣтеннаго имѣнія утвердить, а изложенныя въ томъ постановленіи соображенія палаты о значеніи отзыва вдовы Неронова отъ 14 мая 1856 г., какъ преждевременныя, признать не дѣйствительными и объявить Бачмановой, опровергающей завѣщаніе титулярнаго совѣтника Неронова, что засвидѣтельствованіе сего завѣщанія, по ст. 1042 т. х ч. 1 зак. гражд. изд. 1857 г., не препятствуетъ ей, буде желаетъ и считаетъ себя въ правѣ, предъявить споръ, на точномъ основаніи 656 ст. х т. ч. 2 зак. гражд. судопр., судебнымъ порядкомъ.

Это мнѣніе государственнаго совѣта удостоено Высочайшаго утвержденія 20 ноября 1861 года.

ВІІ.

Къ обязанности земскаго суда, по дѣламъ судебнаго от- домства, отнесенъ ввводъ во владѣніе недвижимымы имѣніемъ. Исполненіе сего возлагается на временное отдѣленіе земскаго суда, имѣющее всѣ права и власть самаго суда. Недовольному распоряженіями земскаго суда по дѣлу, если оно при- надлежитъ къ числу судебно-полицейскихъ, предоставляется право жаловаться уѣздному суду.

Коллежскій ассесоръ Александръ Хлоповъ совершилъ, въ сентябрѣ 1859 г., во 2-мъ департаментѣ московской граждан- ской палаты полюбовный раздѣлъ съ дѣтьми своими въ об- щемъ ихъ имѣніи, по которому на часть сына его, поручи- ка Владиміра Хлопова, досталось тамбовской губерніи борисог- лѣбскаго уѣзда 2 т. десятъ земли, населенной 250 крестья- нами.

Поручикъ Владиміръ Хлоповъ, представляя полюбовный раздѣлъ въ борисоглѣбскій уѣздный судъ, просилъ ввести во владѣніе доставшимся ему, Хлопову, по полюбовному раз- дѣлу, имѣніемъ; въ слѣдствіе чего уѣздный судъ предписалъ земскому суду ввести Владиміра Хлопова во владѣніе имѣні- емъ, согласно полюбовному раздѣлу.

Временное отдѣленіе борисоглѣбскаго земскаго суда ввело Владиміра Хлопова во владѣніе вмѣстѣ съ недвижимымы и частью движимаго имѣнія.

На дѣйствія временнаго отдѣленія земскаго суда, Алек- сандръ Хлоповъ жаловался тамбовскому губернскому правленію, которое объявило Александру Хлопову, чтобы онъ обратился съ жалобою на дѣйствія временнаго отдѣленія, на основ. 2704

ст. г. и св. учреж. губ. и 22 ст. г. х ч. 2 св. зак. гр. изд. 1857 г. въ судъ 1-й степени.

На заключеніе тамбовскаго губернскаго правленія Александръ Хлоповъ принесъ жалобу правительствующему сенату (по 8-му деп). По разсмотрѣніи настоящаго дѣла, въ правительствующемъ сенатѣ произошло разногласіе; почему дѣло это было перенесено на разсмотрѣніе общаго собранія московскихъ департаментовъ сената.

Общее собраніе сената большинствомъ голосовъ постановило слѣдующее опредѣленіе.

Въ настоящемъ дѣлѣ представляется къ разрѣшенію правительствующаго сената вопросъ: заслуживаетъ ли уваженія просьба Александра Хлопова? По 2539 ст. св. зак. общ. учр. земск. пол. (изд. 1857 г.), къ обязанности земскаго суда, по дѣламъ судебного вѣдомства, исчисленнымъ въ III §, отнесенъ ввѣдъ во владѣніе недвижимымъ имѣніемъ. Исполненіе сего (2574 ст. того же тома) возлагается на временное отдѣленіе земскаго суда, имѣющее, по 2575 ст. всѣ права и власть самаго суда. 2650 ст. того же тома предоставлено недовольному распоряженіямъ земскаго суда по дѣлу, если оно принадлежитъ къ числу судебнo-полицейскихъ, означенныхъ въ III § приведенной 2539 ст., по объявленіи неудовольствія (ст. 2718), жаловаться уѣздному суду. Примѣненіе вышеприведенныхъ законовъ къ настоящему дѣлу показываетъ, что тамбовское губернское правленіе совершенно правильно отказалось отъ разсмотрѣнія жалобы коллежскаго ассесора Хлопова, такъ какъ она касалась самаго существа постановленія временнаго отдѣленія, а по 26 ст. 2 ч. г. х губернскому правленію приносятся жалобы лишь на медленность, проволочки и неправильныя распоряженія полиціи. Почему общее собраніе сената положило: заключеніе губернскаго правленія, какъ правильное, оставить въ силѣ, а жалобу коллежскаго ассесора Хлопова признать незаслуживающею уваженія.

Кромѣ приведеннаго мнѣнія большинства, въ общемъ собраніи было заявлено слѣдующее мнѣніе:

Три сенатора находили: что временное отдѣленіе борисоглѣбскаго земскаго суда, исполняя указъ тамошняго уѣзднаго суда о ввѣдѣ во владѣніе поручика Владиміра Хлопова недвижимымъ имѣніемъ по раздѣльному акту между нимъ, отцомъ его и другими наслѣдниками, вмѣсто прямого исполненія указа, какъ требуетъ того 929 ст. ч. 1 т. х., произвольно, съ превышеніемъ власти, приняло на себя сужденіе о принадлежности и раздѣлѣ находящагося въ имѣніи движимаго имущества, скотныхъ заводовъ свиннаго и овчарнаго и сблало о томъ постановленіе съ предоставленіемъ недовольной сторонѣ жаловаться судебному мѣсту. Такое дѣйствіе временнаго отдѣленія земскаго суда, по смыслу 26 и 27 ст. ч. т. х. и 740 ст. ч. т. п., должно подлежать разсмотрѣнію губернскаго правленія, а потому тамбовское губернское правленіе неправомерно отказало коллежскому ассесору Хлопову войти въ разсмотрѣніе жалобы его на дѣйствія временнаго отдѣленія при ввѣдѣ во владѣніе имѣніемъ Хлопова. Вслѣдствіе сего сенаторы полагаютъ: предписать тамбовскому губернскому правленію на основаніи вышеприведенныхъ статей закона, принять къ своему разсмотрѣнію жалобу коллежскаго ассесора Хлопова на дѣйствія временнаго отдѣленія по вводу во владѣніе имѣніемъ сына его, поручика Хлопова.

Дѣло о вольномъ злобопачицѣ Ефимѣ Войтенковѣ и мп-щанинѣ Василіи Дудниковѣ, сужденныхъ за воровство.

Черниговскій мѣщанинъ Василій Дудниковъ, находясь на службѣ у ковенскаго купца Панкратьева, вознамѣрился возвратиться на родину къ отцу, но былъ угрозами остановленъ Панкратьевымъ; въ слѣдствіе этого, сговорясь съ батракомъ Ефимомъ Войтенковымъ, онъ рѣшился бѣжать. 4 іюля 1850 года, въ отсутствіе хозяина, онъ вынулъ окошко въ чуланѣ, влѣзъ туда и выбросилъ Ефиму, который по предварительному между ними условію, стоялъ на дворѣ, вещи Панкратьева: тулупъ, двѣ шубы, двѣ молитвенныя книги, зеркальцо, четыре платка и одну серебрянную ложку. Съ этими вещами они выѣхали изъ деревни на взятыхъ съ пастбища лошадяхъ жителей той деревни Анкудиновыхъ. Проѣхавъ верхомъ три мили, они оставили лошадей и пошли пѣшкомъ; ложку и тифтиковый платокъ продали за 12 злотыхъ въ корчмѣ Медники, гдѣ и были застигнуты Панкратьевымъ и взяты съ оставшимися при нихъ вещами. При уводѣ съ пастбища лошадей, Дудниковъ и Войтенковъ стащили еще со спавшаго при лошадяхъ мальчика Анкудинова сапоги.

Покраденныя у Панкратьева вещи оцѣнены въ 11 руб. 10 коп. сер., а лошади въ 30 руб. сер., сапоги въ 1 р. 50 к. с. и возвращены по принадлежности. Затѣмъ, во время содержанія подъ стражею при 4 станціи ковенскаго уѣзда, ночью съ 26 на 27 іюня Дудниковъ и Войтенковъ бѣжали, разломавъ желѣзный пруть у рѣшетки окна въ сѣзжемъ дворѣ, но 30 числа добровольно явились въ стантовую квартиру.

На допросахъ Дудниковъ и Войтенковъ чистосердечно сознались въ совершенныхъ ими преступленіяхъ; на повальномъ обыскѣ оба въ поведеніи одобрены; въ 1850 г. первому изъ нихъ было 15, послѣдному 19 лѣтъ.

При разсмотрѣніи настоящаго дѣла въ правительствующемъ сенатѣ были заявлены слѣдующія два мнѣнія:

1, Войтенковъ, при совершеннолѣтіи, подлежалъ бы: за самовольную отлучку отъ мѣста жительства, по 1184 ст. улож. о наказ. изд. 1845 г. ⁽¹⁾, употребленію въ общественныя работы на время отъ 6 дней до 3 недѣль, или наказанію розгами отъ 5 до 10 ударовъ; за кражу вещей у купца Панкратьева по предварительному соглашенію, ночью, со взломомъ окна чулана, на основаніи 2149, 2158 и 2166 ст. улож. ⁽²⁾, лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію ему присвоенныхъ, наказанію розгами по 2 степ. 35 ст. девяносто ударами и отлачъ въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на восемь лѣтъ; за кражу ночью лошадей хлѣبوبашцевъ Анкудиновыхъ, цѣною въ 30 р. сер., по ст. 2159 и 2166 улож. ⁽³⁾, лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію ему присвоенныхъ, наказанію розгами по 3 степ. 35 ст. отъ 70 до 80 ударовъ и отлачъ въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства отъ 4 до 6 лѣтъ; за снятіе ночью сапоговъ со спавшаго мальчика, который при

(1) 1224 ст. улож. о нак. изд. 1837 г.

(2) 2228, 2237 и 2245 ст. тамъ же.

(3) 2238 и 2246 ст. изд. 1837 г.

этомъ не проснулся, каковое снятіе съ челоуѣка спящаго вещей, какъ тайное похищеніе по смыслу 2146 ст. улож. (1), составляетъ воровство, по 2159 и 2166 ст. улож. лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію ему присвоенныхъ и вмѣсто отдачи въ рабочій домъ, наказанію розгами отъ 50 до 60 ударовъ; за побѣгъ изъ сѣзжаго двора съ разломаніемъ рѣшетки отъ окна, но безъ употребленія насилія противу стражи, по ст. 336 улож. (2), лишенію всѣхъ правъ состоянія, наказанію плетью черезъ палача по 1 степ. 22 ст. отъ 20 до 30 ударовъ и ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири. Затѣмъ, на основ. 156 ст. улож. (3), Войтенковъ долженъ быть приговоренъ къ тягчайшему изъ вышеописанныхъ наказаній и въ самой высшей онаго мѣрѣ, т. е. къ лишенію всѣхъ правъ состоянія, наказанію плетью черезъ палачей 30 ударами и ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири. Но какъ Войтенковъ учинилъ эти преступленія прежде достиженія 21 года, то, по силѣ 145 ст. улож. (4), тѣлесное наказаніе должно быть совершено надъ нимъ не черезъ палачей, а чрезъ полицейскихъ служителей и не плетью, а розгами. Обращаясь за симъ къ другому преступнику Дудникову и принимая въ соображеніе: 1) что кромѣ самовольной отлучки съ мѣста жительства и побѣга изъ сѣзжаго дома, за что онъ подлежитъ одинаковымъ съ Войтенковымъ наказаніямъ, онъ учинилъ еще кражу у своего хозяина, со взломомъ и съ наведеннымъ сообщникомъ, что подходитъ прямо подъ дѣйствіе 1 п. 2151 ст. улож. (5), и 2) что опредѣленное въ сей статьѣ наказаніе должно быть возвышено на основаніи 2166 ст. улож., двумя степенями, по случаю учиненія кражи въ ночное время, слѣдуетъ признать Дудникова подлежащимъ

(1) 2225 ст. изд. 1857 г.

(2) 349 ст. изд. 1857 г.

(3) 165 ст. изд. 1857 г.

(4) 151 ст. тамъ же.

(5) 2230 ст. изд. 1857 г.

наказанію по 6 степени 21 ст. улож., именно лишенію всѣхъ правъ состоянія, наказанію при полиціи чрезъ ея служителей розгами 45 ударами и ссылкой въ каторжную работу на заводахъ на 4½ года.

II, Имѣя въ виду, что въ 2151 ст. ул. опредѣляется наказаніе за кражу съ *наведенными людьми*, Дудниковъ же совершилъ кражу вещей у купца Панкратьева по предварительному соглашенію съ *однимъ* Войтенковымъ, онъ по 2149 и 2166 ст. улож. подлежитъ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію ему присвоенныхъ, наказанію розгами по 2 степ. 35 ст. девяносто ударами и отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на восемь лѣтъ; но какъ эта кража совершена имъ у хозяина, то наказаніе это должно быть возвышено ему одною степенью, по 2 пун. 2151 ст. улож. и въ слѣдствіе сего, онъ долженъ подлежать лишенію поименованныхъ выше правъ, наказанію розгами отъ 90 до 100 ударовъ и отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на время отъ 8 до 10 лѣтъ, а, по совокупности преступленій, лишенію всѣхъ правъ состоянія, наказанію чрезъ полицейскихъ служителей тридцатью ударами розгами и ссылкой на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.

По несогласію г. министра юстиціи съ послѣднимъ мнѣніемъ, которое было принято большинствомъ г.г. сенаторовъ, настоящее дѣло было внесено на разсмотрѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, раздѣляя заключеніе правительствующаго сената о присужденіи Войтенкова къ лишенію всѣхъ правъ состоянія, наказанію, чрезъ полицейскихъ служителей, розгами 30-ю ударами и ссылкой на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири, перешелъ засимъ къ вопросу о мѣрѣ наказанія Дудникова.

Въ семь отношеніи государственный совѣтъ нашелъ, что уложеніе о наказаніяхъ опредѣляетъ взысканія за воровство-кражу вообще по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ совер-

шеніе сего преступленія и болѣе или менѣе увеличивающимъ вину подсудимаго; только при отсутствіи сихъ обстоятельствъ назначено въ 2159 ст. (*) помянутаго уложенія наказаніе за простую кражу; соотвѣтственно цѣль похищеннаго и смотря по тому, въ который разъ учинено виновнымъ похищеніе. На семь основаніи и за кражу работникомъ у своего хозяина опредѣлено въ уложеніи особое наказаніе главному виновнику, когда онъ совершить кражу съ наведенными для сего людьми. Цѣль сего закона очевидна: она заключается въ огражденіи, подъ страхомъ высшаго наказанія, собственности отъ преступныхъ умысловъ людей, живущихъ въ домѣ и знающихъ потому всѣ пути къ достиженію своихъ намѣреній; изъ чего и слѣдуетъ, что *участіе одного, а не двухъ или болѣе сообщниковъ, не измѣняетъ дѣйствія закона и, слѣдовательно, 1-й пунктъ 2151 ст. улож. не только можетъ, но и долженъ быть примѣненъ къ настоящему дѣлу, съ возвышеніемъ опредѣленнаго въ томъ пунктѣ наказанія двумя степенями за совершеніе кражи ночью, по силѣ 2166 ст. пункта 1-го.*

Принимая все сіе въ соображеніе и имѣя сверхъ того въ виду, что Войтенковъ былъ вовлеченъ въ преступленіе Дудниковымъ, почему послѣдній, какъ главный виновный, не долженъ быть подвергнутъ одинакому съ первымъ наказанію, государственный совѣтъ *мнѣніемъ положилъ:* Дудникова, согласно съ заключеніемъ министра юстиціи и сенаторовъ, принявшихъ его предложеніе, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, наказать при полиціи, чрезъ нижнихъ ея служителей, розгами 45-ю ударами и сослать въ каторжную работу на заводахъ на 4 года и 6 мѣсяцевъ.

Сіе мнѣніе 7 іюля 1852 г. удостоилось Высочайшаго утвержденія.

(*) 2238 ст. ул. о нар. изд. 1837 г.

II.

Дѣло объ отставномъ подпрапорщикѣ Селивановѣ, сужденномъ за кражу.

Островскій помѣщикъ Петръ Селивановъ 22 января 1850 года объявилъ островскому земскому суду, что братъ его отставной подпрапорщикъ Василій Селивановъ, проживавшій временно въ принадлежащемъ ему имѣннн, сельцѣ Угодинѣ, 29 декабря отлучился, неизвестно куда, похитивъ изъ запертаго комода 900 руб. серіями.

Въ слѣдствіе этого объявленія островскій земскій судъ сдѣлалъ распоряженіе о розысканіи Василя Селиванова, который и былъ задержанъ въ лугскомъ уѣздѣ.

При слѣдствіи Василій Селивановъ сознался въ похищеніи у брата своего 900 руб. серіями и объяснилъ, что онъ сдѣлалъ эту кражу, во время отсутствія брата изъ сельца Угодина, отперевъ комодъ посредствомъ подобраннаго ключа, найденнаго имъ въ комнатѣ, гдѣ находился комодъ.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, лугскій уѣздный судъ полагалъ: отставнаго подпрапорщика Василя Селиванова, на точномъ основаніи 2159 ст. ул. о нак. изд. 1845 года (*), лишить всѣхъ особенно лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ и сослать на житье въ тобольскую губернію, съ заключеніемъ подъ стражу на два года (высшая мѣра 4 степ. 35 ст. уложенія).

(*) 2238 ст. улож. о нак. изд. 1857 г., опредѣляющая наказаніе за простую кражу безъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ.

С. Петербургская палата уголовного суда опредѣлила: Василя Селиванова, на основаніи 2249 и 2250 ст. улож. о нак. изд. 1845 года (*), по лишеніи всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, сослать на житье въ томскую губернію съ заключеніемъ на два года (высшая мѣра 4 степ. 35 ст. ст. уложенія).

Правительствующій сенатъ опредѣлил: Василя Селиванова, на основаніи 2 п. 140, 2 ч. 2149, 2150 и 2 ч. 2151 стат. улож. о нак. изд. 1845 года (**), лишить всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, сослать на житье въ томскую губернію, съ заключеніемъ на два года (нижняя мѣра 4 степени 35 статьи улож.).

Сіе опредѣленіе было признано правильнымъ г. министромъ юстиціи и по Высочайше утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта приведено въ исполненіе.

Въ 1849 году государственный совѣтъ, разсуждая о пресупленіи дворянина Маркевича, сужденнаго за кражу изъ шкафа, посредствомъ похищенныхъ ключей, въ домъ того лица, у котораго онъ былъ въ услуженіи, находилъ, что при составленіи уложенія о наказаніяхъ принято было правиломъ для ограниченія числа степеней въ каждомъ родѣ наказаній, сравнивать виды однородныхъ преступленій по сходству усилій къ приведенію въ дѣйствіе злаго умысла. На семь основаній похищеніе посредствомъ украденныхъ ключей сравнено въ 2150 ст. уложенія (***) съ кражею со взломомъ втораго рода, т. е. когда взломъ ограничивался разбитіемъ или

(*) 2228 и 2230 ст. улож. о нак. изд. 1837 г., опредѣляющая наказаніе за кражу со взломомъ по роду и важности учиненнаго взлома.

(**) Уложенія о нак. изд. 1857 г. 146 ст. объ уменьшеніи наказанія въ мѣрѣ въ случаѣ добровольнаго сознанія въ преступленіи на одномъ изъ первыхъ допросовъ, 2228 и 2229 о кражѣ со взломомъ и 2230 о кражѣ, учиненной слугами, работниками и прочими живущими въ домѣ или помѣщеніи обокраденнаго лица.

(***) 2229 ст. ул. о нак. изд. 1857 года.

поврежденіемъ шкафовъ, сундуковъ или иныхъ помѣщеній, въ коихъ хранились похищенные вещи.

Засимъ хотя во 2 п. 2151 ст. (*), опредѣляющемъ высшую мѣру наказанія за кражу со взломомъ, учиненную слугами, работниками и прочими живущими въ домѣ и не упоминается собственно о томъ видѣ кражи, который предусматривъ въ 2150 статьѣ, но очевидно, что и въ семъ случаѣ похищеніе посредствомъ такихъ ключей должно быть отнесено ко взлому втораго рода, опредѣленному въ ст. 2150. Иное толкованіе сихъ постановленій закона не только было бы противно духу, но не согласовалось бы даже съ точнымъ смысломъ онаго, ибо судья, для уразумѣнія закона, не можетъ не сличать между собою разныхъ статей его, дополняющихъ и поясняющихъ одна другую.

На семъ основаніи государственный совѣтъ мнѣніемъ своимъ, удостоеннымъ 29 іюня Высочайшаго утвержденія, положилъ: подвергнуть Маркевича наказанію, во 2 п. 2151 ст. опредѣленному.

Василій Селивановъ виновенъ въ кражѣ посредствомъ подобраннаго ключа денегъ у брата своего, въ имѣніи котораго онъ проживалъ временно.

Правительствующій сенатъ, примѣняя къ Селиванову 2149, 2150 и 2 пунктъ 2151 ст. уложенія, приговорилъ его къ меньшей мѣрѣ слѣдующаго по симъ статьямъ наказанія.

У насъ существуетъ правило, что законы должны быть исполняемы по точному и *буквальному* ихъ смыслу, но существованіе такого правила не должно препятствовать изъясненію и произвольному толкованію закона по общему смыслу его, заключающемуся въ вѣдѣнней формѣ изложенія. Дабы извлечь и представить сей смыслъ въ настоящемъ его свѣтѣ нужно прибѣгать къ сравнительному соображенію статей закона, находящихся между собою въ связи.

(*) 2 п. 2230 ст. улож. о нак. изд. 1857 года.

Рѣшеніе дѣла о Селивановѣ несогласно съ букввальнымъ смысломъ закона, 2 п. 2151 ст. (2 п. 2230 ст.), въ которомъ не упомянуто о видѣ кражи, предусмотрѣнномъ въ 2150 ст. (2229), но признаніе учиненнаго подсудимымъ преступленія равносильнымъ взлому соответствуетъ требованію закона, выраженному въ 2149 и 2150 ст. (2228 и 2230), посему совершенно правильно и не допускаетъ никакихъ возраженій.

При разсмотрѣніи настоящаго дѣла, нельзя не остановиться еще на примѣненіи къ Селиванову 2151 ст. уложенія, о кражѣ лицами, живущими въ домѣ или помещеніи того лица, коего имущество украдено.

Хотя въ дѣлѣ нѣтъ положительныхъ свѣдѣній о томъ, жилъ-ли подсудимый Селивановъ въ самомъ домѣ или только въ имѣніи брата, но за всѣмъ тѣмъ нельзя не согласиться съ заключеніемъ сената о примѣненіи къ дѣлу 2151 ст. уложенія, какъ потому, что въ статьѣ этой употреблено общее выраженіе (помѣщеніе того, чьи вещи украдены), такъ и потому, что живя даже въ особомъ домѣ, но въ самомъ имѣніи брата, подсудимый конечно имѣлъ свободный входъ къ брату и употребилъ во зло довѣренность къ нему; — обстоятельство, въ слѣдствіе котораго сопровождавшая имъ кража и составляетъ въ уложеніи о наказаніяхъ особенный видъ сего рода преступленій.

III.

*Дѣло о дворянинѣ **Иоакимѣ Корицкомъ**, осужденномъ за кражу и выдачу фальшивой росписки.*

У жителей староконстантиновскаго уѣзда, слободы Кушнеревецкой, Франца Водняковскаго и Юсіа Гоевскаго, укра-

дены были съ 11 на 12 мая 1846 года, бричка и пара лошадей, оцѣненные въ 26 рублей серебромъ.

При производствѣ слѣдствія, означенныя бричка и лошади были найдены у евреевъ Штутмана и Ефика, которые, въ удостовѣреніе принадлежности имъ этой брички и лошадей, представили росписку о продажѣ ихъ имъ, подписанную дворяниномъ Фабіаномъ Корицкимъ.

При спросѣ Фабіана Корицкаго, онъ показалъ, что предъявленная ему росписка выдана безъ его вѣдома сыномъ его, Іоахимомъ Корицкимъ, рукою котораго она писана.

Въ совершеніи кражи и выдачи росписки Іоахимъ Корицкій при производствѣ слѣдствія чистосердечно сознался.

Во время содержанія подъ стражею Корицкій представилъ въ уѣздный судъ докладную записку, подписанную именемъ содержавшагося въ одномъ съ нимъ острогѣ однодворца Жожулевскаго.

На очныхъ ставкахъ, данныхъ Корицкому съ Жожулевскимъ, Корицкій объяснилъ, что подавалъ докладную записку въ уѣздный судъ и подписалъ на ней имя Жожулевскаго безъ его согласія, полагая, что онъ, будучи подъ стражею по одному и тому же дѣлу съ своими товарищами, можетъ подписывать ихъ имена.

Правительствующій сенатъ, разсмотрѣвъ обстоятельства сего дѣла, нашель, что подсудимый дворянинъ Іоахимъ Корицкій, собственнымъ сознаниемъ, согласнымъ съ обстоятельствами произведеннаго изслѣдованія, изобличается въ воровствѣ въ первый разъ, ночью, брички и двухъ лошадей на сумму, не превышающую 30 руб. сер., и въ составленіи отъ имени отца своего росписки и написаніи докладной записки отъ имени однодворца Маріана Жожулевскаго. За преступленія сіи онъ подлежитъ: за воровство по 2159 ст. 1 пункт. улож.; изд. 1845 г. (1) лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ

(1) 2238 ст. изд. 1857 г.

на житье въ одну изъ отдаленныхъ губерній, кромѣ сибирскихъ, по совершенію же кражи ночью, наказаніе это должно быть, по силѣ 2166 ст. (1), возвышено двумя степенями, т. е. подсудимый долженъ быть приговоренъ, сверхъ того къ заключенію на время отъ 6-ти мѣсяцевъ до одного года; за составленіе росписки отъ имени отца и подложное написаніе отъ имени другого лица докладной записки въ уздний судъ, Іоакимъ Корицкій подлежитъ, по 2022 ст. (2), лишенію нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ одного года до двухъ лѣтъ. Засимъ, на основаніи 156 ст. ул. (3), правительствующій сенатъ призналъ Корицкаго подлежащимъ первому изъ упомянутыхъ наказаній въ высшей онаго мѣрѣ.

Имѣя въ виду, что подложное написаніе отъ чужаго имени росписки при продажѣ лошадей не можетъ быть сравниваемо съ предусмотрѣнною въ 2022 ст. ул. поддѣлкою письма или иной бумаги отъ имени другого лица для какихъ либо, *хотя и не корыстныхъ*, видовъ, и что засимъ поступокъ подсудимаго ближе подходитъ подъ дѣйствіе 2204 ст. улож. (*), опредѣляющей наказаніе за поддѣлку домашнихъ актовъ, принимаемыхъ по закону въ доказательство права на имущество, министръ юстиціи, по соглашенію со п отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи, предложилъ правительствующему сенату, на основаніи сей послѣдней и 156 ст. ул., приговорить Корицкаго къ лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ томскую губернію.

Сие мнѣніе, принятое правительствующимъ сенатомъ и государственнымъ совѣтомъ, удостоилось 31 октября 1851 г. Высочайшаго утвержденія.

(1) 2245 ст. тамъ же.

(2) 2100 ст. изд. 1857 г.

(3) 165 ст. тамъ же.

(*) 2284 ст. ул. изд. 1857 г.

IV

Дело объ отставномъ прапорщикъ Паскинъ, сужденномъ за составленіе фальшиваго свидѣтельства крестьянину Захарову.

Коллежскій ассесоръ Скороходовъ 19 апрѣля 1846 г. при объявленіи въ псковскую градскую полицію представилъ пойманнаго имъ въ городѣ Псковѣ крестьянина жены его, Максима Захарова, бывшаго въ бѣгахъ, съ найденнымъ у него фальшивымъ свидѣтельствомъ, и просилъ поступить по законамъ.

Крестьянинъ Максимъ Захаровъ на допросѣ показалъ, что, будучи отпущенъ помѣщицею на 3 мѣсяца безъ оброка для собственнаго своего пропитанія, онъ съ Рождества Христова находился у мѣшанина Плюшкина въ городѣ Псковѣ и занимался столярною работою, а около 20 числа марта по подговору кучера помѣщика Черкесова, Никифора Евстифѣева, уприсилъ отставнаго прапорщика Паскина написать ему свидѣтельство, съ которымъ отправился въ Ригу съ тѣмъ, чтобы тамъ какимъ либо случаемъ записаться и жить, но по приходѣ въ городъ, не нашелъ себѣ мѣста на теченіи трехъ сутокъ и пошелъ опять въ Псковъ, гдѣ былъ взятъ мужемъ помѣщика коллежскимъ ассесоромъ Скороходовымъ и представленъ въ полицію.

Отставной прапорщикъ Паскинъ въ написаніи свидѣтельства Захарову на допросѣ сознался, объясняя, что онъ рѣшился на этотъ поступокъ по крайне бѣдному своему положенію.

Свидѣтельство, выданное Паскинымъ Захарову, слѣдующаго содержанія: «предъявитель сего тверской губерніи и уѣзда «онаго помѣщика поручика Паскина, дано сіе дворовому моему

«человѣку, писанному за мною по послѣдней 8 народной переписи; Максиму Захарову, за усердное его служеніе на волю; примѣтами оный: росту 2-хъ аршинъ 4½ вершковъ, волосы на головѣ темнорусые, а на бородѣ рыжеватые, лицомъ круглолицъ, примѣтъ особыхъ не имѣеть, а потому и благоволять гг. команду имѣющіе чинить ему безпрепятственное прожитіе, гдѣ онъ пожелаетъ и свободный пропускъ, внутри, въ чемъ и удостовѣряю подписомъ моимъ и приложеніемъ печати, марта 15 дня 1846 г. Помѣщикъ отставной поручикъ Иванъ Петровъ Паскинъ».

Правительствующій сенатъ, по выслушаніи сего дѣла на основаніи 1213 ст. ул. (1), въ которой назначается наказаніе за выдачу изъ корыстныхъ или иныхъ видовъ паспорта, билета, пропуска или другаго вида на жительство, опредѣлилъ: отставнаго прапорщика Ивана Петрова Паскина, лишивъ всѣхъ особенныхъ какъ лично, такъ и по состоянію, присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, сослать на житье въ томскую губернію съ заключеніемъ на одинъ годъ.

Усматривая изъ дѣла, что подсудимый Паскинъ, въ данномъ крестьянину Захарову свидѣтельствѣ удостовѣряетъ между прочимъ объ отпускѣ его на волю изъ крѣпостнаго состоянія, г. министръ юстиціи нашель, что свидѣтельство это дано какъ бы въ замѣнъ домашней отпускной, акта, который долженъ быть явленъ у крѣпостныхъ дѣлъ, и потому Паскина, на основаніи 2022 ст. ул. (?), надлежитъ подвергнуть лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе.

По несогласію гг. сенаторовъ съ мнѣніемъ г. министра юстиціи, настоящее дѣло было внесено на разсмотрѣніе государственнаго совѣта.

При разсмотрѣніи сего дѣла государственный совѣтъ нашель, что въ случаѣ участія въ одномъ и томъ же преступленіи нѣсколькихъ лицъ, различіе въ виновности ихъ можетъ

(1) 1267 ст. ул. изд. 1857 г.

(2) 2282 ст. ул. изд. 1857 г.

относиться только въ мѣрѣ принятаго ими участія, а не къ свойству преступленія; самое же свойство преступленія опредѣляется вообще по преступному умыслу, а не по послѣдствіямъ противозаконнаго дѣянія, всегда болѣе или менѣе случайнымъ.

Въ настоящемъ дѣлѣ крестьянинъ Захаровъ признался, что онъ упросилъ Паскина написать ему свидѣтельство и отправился съ онымъ въ Ригу, съ намѣреніемъ записаться тамъ и жить. Показаніе это ясно обнаруживаетъ, что выдача Паскинымъ свидѣтельства имѣла цѣлью доставить Захарову возможность къ поступленію въ свободное состояніе, а не снабдить его только пропускомъ, или временнымъ видомъ на жительство. Намѣреніе сіе обнаруживается не только въ словахъ свидѣтельства «дано сіе дворовому моему человѣку за усердное его служеніе на волю», но и въ означеніи, что онъ состоялъ за Паскинымъ по послѣдней 8 народной переписи, чего не прописывается въ обыкновенныхъ видахъ, или паспортахъ.

По симъ обстоятельствамъ дѣла, всѣ судебныя инстанціи, разсматривавшія поступокъ крестьянина Захарова, признали его виновнымъ въ приобрѣтеніи подложной отпускнуой и присудили къ наказанію, определенному за сіе преступленіе, но какъ бы въ явное противорѣчіе съ симъ рѣшеніемъ составителя подложнаго свидѣтельства, Паскина, подвели подъ дѣйствіе ст. 1213 о выдачѣ подложныхъ на жительство видовъ, чему послѣдовалъ и правительствующій сенатъ, оставивъ въ своей силѣ приговоръ о Захаровѣ.

Засимъ съ принятіемъ на видъ того: во 1-хъ что 2202 ст. опредѣляетъ наказаніе не только за подложное означеніе на фальшивыхъ актахъ явки оныхъ, но и вообще за подложное составленіе такихъ актовъ, которые *должны быть* совершаемы, или являемы у крѣпостныхъ дѣлъ или у нотаріусовъ и маклеровъ, и во 2-хъ того, что домашнія отпускныя подлежатъ явкѣ у крѣпостныхъ дѣлъ, не возможно освободить подсудимаго отъ слѣдующаго ему по закону наказанія потому только, что онъ въ упомянутомъ выше свидѣ-

тельствѣ по явному безграмотству своему не соблюлъ нѣкоторыхъ условій, установленныхъ для домашнихъ отпускныхъ, между тѣмъ какъ изъ дѣла видно, что цѣль выдачи того свидѣтельства была именно подложное освобожденіе помѣщичьяго крестьянина отъ крѣпостнаго состоянія. Соответственно сему, состоялось мнѣніе государственнаго совѣта, согласное съ мнѣніемъ г. министра юстиціи и удостоенъ Высочайшаго подписанія указъ правительствующему сенату.

Разсматривая сіе мнѣніе государственнаго совѣта, нельзя не замѣтить что подсудимый Паскинъ, какъ показаніемъ крестьянина Захарова, такъ и содержаніемъ подложнаго свидѣтельства, вполне изобличается въ составленіи такой подложной бумаги, которая выдана была, какъ бы въ замѣнъ домашней отпускной въ намѣреніи доставить Захарову возможность поступить изъ крѣпостнаго въ свободное состояніе. При такой виновности подсудимаго, несоблюденіе имъ въ подложной бумагѣ всѣхъ требуемыхъ закономъ условій для составленія отпускныхъ не должно освобождать его отъ наказанія, опредѣленнаго за составленіе подложныхъ актовъ этого рода, ибо по закону (ул. ст. 2282) наказаніе это полагается какъ за подложное составленіе сихъ актовъ, такъ и за подложное означеніе учиненной будто бы явки оныхъ, слѣдовательно подъ дѣйствіе сего закона подходит подложное составленіе не только явленнаго будто бы у крѣпостныхъ дѣлъ акта, но и такого, на которомъ явки сей не означено, не смотря на то, что подобный актъ не признается въ полной мѣрѣ дѣйствительнымъ. Впрочемъ иначе и быть не можетъ, ибо въ большей части подложныхъ бумагъ, по необразованности и малограмотности лицъ, занимающихся составленіемъ оныхъ, не достаесть нѣкоторыхъ условій въ содержаніи или формѣ, но само собою разумѣется, что подобныхъ лицъ нельзя освобождать по этой единственно причинѣ отъ наказанія за преступленія, ими обдуманнаго и приведеннаго въ дѣйствіе по крайнему ихъ разумѣнію. Сверхъ того не должно упускать изъ виду, съ одной стороны, что законъ опредѣляетъ наказаніе собственно за составленіе подложныхъ ак-

говь, независимо отъ того, будутъ ли они употреблены для предположенной пѣли или нѣтъ, давая тѣмъ знать, что въ преступленіяхъ сего рода даже приготовительныя дѣйствія къ достиженію обмана не могутъ быть оставлены безъ наказанія, и что вредныя послѣдствія подлога заключаются въ самой возможности оныхъ, а съ другой, что въ настоящемъ положеніи у насъ дѣла, какъ судебная практика доказываетъ, нѣтъ въ содержаніи или формѣ подложныхъ бумагъ такихъ недостатковъ, которые лишали бы предъявителей сихъ бумагъ всякой возможности къ обманамъ и изворотамъ, допускаемымъ часто по невѣдѣнію и недоразумѣнію, а часто и съ злымъ умысломъ. Посему общественное спокойствіе необходимо требуетъ, чтобы за всякій подлогъ ясно обнаруженный, хотя и не облеченный во всѣ формы, виновные преступаемы были по всей строгости законовъ, ибо въ противномъ случаѣ большая часть преступленій сего рода остались бы безнаказанными и подложнымъ дѣйствіемъ, предпринимаемымъ для обмана невѣжественныхъ простолудиновъ, не было бы конца.

По этимъ соображеніямъ нельзя не согласиться вполнѣ съ основаніями, принятыми государственнымъ совѣтомъ къ разрѣшенію настоящаго дѣла.

В. ИНОСТРАННАЯ.

Судебная ошибка: мнимое убійство дввицы Эрнестины Горстъ.

Въ одной изъ рейнскихъ провинцій, на самой французской границѣ, находилась мельница Эльтень, принадлежавшая богатому мельнику Горсту. Обѣ дочери мельника, Генриетта и Эрнестина, были помолвлены: первая за молодаго французскаго лѣсничаго, а вторая за доктора философіи Гартмана.

Обстоятельства сопровождавшія знакомство Эрнестины Горстъ съ Гартманомъ, были весьма странны и не остались безъ вліянія на послѣдующій ходъ событій.

Гартманъ былъ сынъ бѣднаго поденщика и лишь цѣною большихъ усилій могъ окончить курсъ наукъ въ сѣдномъ университетѣ. Его блестящіе успѣхи обратили на него вниманіе не только профессоровъ, но даже правительства, и по достиженіи имъ высшей ученой степени, онъ получилъ вспомошествованіе отъ казны для годичнаго путешествія по востоку съ цѣлью усовершенствованія въ восточныхъ языкахъ. Передъ отъѣздомъ, Гартманъ, случайно проѣзжая черезъ Эльтень, зашелъ навѣстить своего школьнаго

товарица Голля, который велъ тамъ мелочную торговлю. Посѣщеніе это пришлось какъ нельзя болѣе кстати: Голль уже нѣсколько дней лежалъ въ лихорадкѣ и, не имѣя помощника, долженъ былъ прекратить свою торговлю и нести значительный убытокъ. Желая помочь больному пріятелю, Гартманъ остался на нѣкоторое время въ Эльтенѣ и замѣнялъ хозяина въ лавкѣ. Присутствіе незнакомаго лица въ домѣ Голля, разумѣется, возбудило общее любопытство въ деревнѣ и многіе нарочно ходили въ лавку, чтобъ посмотрѣть на новаго продавца; въ числѣ этихъ посѣтителей была молодая дѣвушка, дочь сосѣдей Голля, за которой ухаживалъ нѣкто Яковъ Шаде, человекъ весьма грубый, пользовавшійся въ околоткѣ самою дурною репутаціею. Замѣтивъ, что невѣста его посѣщаетъ лавку Голля, онъ сталъ ревновать еѣ къ Гартману и чтобъ отмстить ему, подстергъ его въ уединенномъ мѣстѣ около мельницы, гдѣ вооруженный дубиною напалъ на него и нанесъ ему сильные побои. Шумъ драки привлекъ вниманіе жителей мельницы и Гартманъ былъ найденъ ими безъ чувствъ. По необходимости онъ былъ перенесенъ въ домъ мельника Горста, гдѣ и долженъ былъ пролежать нѣсколько недѣль. Это долговременное пребываніе въ одномъ домѣ сблизило Эрнестину Горстъ и больного; они полюбили другъ друга и по выздоровленіи своемъ Гартманъ былъ объявленъ женихомъ Эрнестины. Нельзя сказать, чтобъ старый мельникъ очень охотно далъ свое согласіе на этотъ бракъ: какъ человекъ богатый и тщеславный, онъ прочилъ свою дочь не за бѣднаго, ученаго. Но дѣло было сдѣлано и Гартманъ уѣхалъ на востокъ, уже обрученный съ Эрнестиною. Между тѣмъ Шаде, за нанесеніе ранъ Гартману, былъ приговоренъ къ заключенію въ рабочемъ домѣ на одинъ годъ.

Разлука не ослабила любви Эрнестины; первые полгода она аккуратно получала письма отъ своего жениха; но вдругъ письма прекратились. Выше было сказано, что старый мельникъ неохотно согласился на бракъ дочери съ Гартманомъ; продолжительное молчаніе послѣдняго подало поводъ

Горсту взять назадъ свое слово и, не смотря на просьбы Эрнестины, онъ помолвилъ её съ прокуроромъ мѣстнаго суда барономъ Баумгартомъ. День свадьбы былъ уже назначенъ. Опасаясь сопротивленія Эрнестины и подозрѣвая, что сестра ея Генриетта поддерживаетъ её въ этомъ сопротивленіи, Горстъ отправилъ Генриетту предъ самымъ прїѣздомъ жениха къ одной родственницѣ, жившей недалеко отъ Эльтена.

По прїѣздѣ нотариуса и барона Баумгарта, мельникъ пошелъ за дочерью; она просила его дать ей нѣсколько минутъ, чтобъ собраться съ силами. Онъ согласился и возвратился въ комнату гдѣ были собраны гости, въ полной увѣренности, что Эрнестина не замедлитъ придти. Между тѣмъ время проходило и, къ крайнему смущенію Горста, дочь его не являлась; онъ пошелъ за нею, но ни въ комнатахъ, ни около дома, ея не было. Это возбудило общее безпокойство, которое было увеличено появленіемъ кучера, отвозившаго старшую дочь; онъ объявилъ, что Генриетта на полъ-дорогѣ вышла изъ экипажа и скрылась въ близъ лежавшемъ лѣсу, приказавъ кучеру возвратиться домой.—Между тѣмъ поиски въ окрестностяхъ продолжались и въ серединѣ ночи было найдено въ лѣсу мертвое тѣло женщины страшно избитое. Горстъ, прислуга и жители деревни тотчасъ признали Эрнестины Горсть, хотя лицо было совершенно обезображено, а на обнаженномъ тѣлѣ не было даже найдено слѣдовъ платья.

Прокуроръ баронъ Баумгартъ немедленно приступилъ къ осмотру мѣстности; онъ пришелъ къ тому заключенію, что жертва преступленія не сопротивлялась; убійство было совершено внезапно. Слѣды шаговъ убійцы были открыты, но такъ какъ земля была покрыта мохомъ, то невозможно было съ точностью измѣрить величину и форму слѣдовъ. По тщательномъ розысканіи было найдено и орудіе, послужившее къ совершенію убійства: это былъ толстый дубовый колъ до половины покрытый кровью и въ одномъ мѣстѣ припекшимися волосами. Работники мельницы показали, что колъ

этотъ похищенъ былъ изъ заготовленнаго въ мельницѣ стро-
еваго лѣса, лишь день тому назадъ выложеннаго изъ запер-
таго сарая.

Такимъ образомъ были обнаружены всѣ слѣды престу-
пленія; фактъ насильственнаго убійства становился несо-
мнѣннымъ; но съ какою цѣлью оно было совершено? Всѣ
предшествовавшія обстоятельства наводили на мысль, что обѣ
сестры заранѣе обдумали планъ бѣгства и для выполнения
его, конечно, запаслись деньгами; убійство вѣроятно имѣло
цѣлью похищеніе этихъ денегъ, что доказывалось и отсут-
ствіемъ платья и всѣхъ женскихъ золотыхъ украшеній. Но,
допустивъ такое предположеніе, невозможно было объяснить
страшные удары, нанесенные жертвѣ преступленія; обычно-
войному грабителю не было никакой надобности прибѣгать
къ такимъ звѣрскимъ проступкамъ, объяснимымъ лишь со-
стояніемъ иступленія. Слѣдователи были въ совершенномъ не-
доумѣніи, какъ вдругъ незначительное обстоятельство дало
новый оборотъ дѣлу.

Одинъ изъ людей находившихся въ услуженія при мель-
ницѣ показалъ, что въ этотъ вечеръ, въ то время, когда го-
сти были уже собраны въ гостиной, онъ былъ посланъ стар-
рымъ Горстомъ за Эрнестиною; подходя къ комнатѣ, онъ
услышалъ мужской голосъ, очень походившій на голосъ док-
тора Гартмана. — Дверь комнаты была заперта внутреннимъ
замкомъ и когда Эрнестина отперла ее, то въ комнатѣ уже
не было никого.

Это показаніе человѣка, давно уже жившаго въ домѣ
мельника и вполнѣ надежнаго, не могло остаться безъ влі-
янія на слѣдователей. Время возвращенія давно уже насту-
пило для Гартмана. Казалось очень вѣроятнымъ, что пер-
вымъ его дѣломъ было посѣтить свою невѣсту; узнавъ ея
невѣрность, онъ конечно упрекалъ ее въ томъ и легко могъ
склонить молодую дѣвицу къ бѣгству, тѣмъ болѣе, что она
сама неохотно согласилась на бракъ съ барономъ Баумгар-
томъ. Они вмѣстѣ бѣжали; въ лѣсу Эрнестина пожалѣла мо-

жетъ быть о своемъ поступкѣ и хотѣла возвратиться домой; Гартманъ, приведенный въ бышенство ея сопротивленіемъ, совершилъ убійство.

Эти соображенія казались столь основательными, что немедленно было рѣшено сдѣлать обыскъ въ домъ торговца Голля. Его дружескія отношенія къ Гартману были извѣстны; надѣялись узнать отъ него подробности о таинственномъ посѣщеніи мельницы послѣднимъ.

Расчетъ оказался вѣрнымъ, Гартманъ былъ найденъ въ домѣ Голля; лица, посланные за ними, застали ихъ еще одѣтыми и разговаривающими, они казались удивленными, но не испуганными; оба были приведены къ мѣсту совершенія преступленія.

Видъ обезображеннаго тѣла глубоко поразилъ Гартмана, въ первыя минуты онъ, казалось, не сомнѣвался въ тождествѣ убитой съ Эрнестиной. Но придя въ себя и внимательно осмотрѣвъ трупъ, онъ сталъ спокойно утверждать, что былъ введенъ въ заблужденіе необыкновеннымъ сходствомъ, теперь же при ближайшемъ разсмотрѣніи, онъ видитъ свою ошибку: убитая не Эрнестина Горстъ и кто-то, она, — ему неизвѣстно. Онъ остался при этомъ мнѣніи не смотря на убѣжденія слѣдователя, указывавшаго ему на то, что даже старый Горстъ призналъ въ этомъ тѣлѣ свою дочь; тоже самое показали прислуга мельницы и окрестные жители. Улики противъ Гартмана были такъ сильны, что арестованіе его было признано необходимымъ.

Гартманъ былъ преданъ суду. Выше было сказано, что все дѣло происходило въ одной изъ рейнскихъ провинцій, гдѣ дѣйствуетъ со времени Наполеона французскій кодексъ уголовного судопроизводства и гдѣ слѣдовательно существовалъ судъ присяжныхъ. Но вмѣстѣ съ этимъ прекраснымъ институтомъ французскаго законодательства, къ мѣстной магистратурѣ перешли и все приемы французскаго паркета. Государственный обвинитель (*) заранѣе видѣлъ въ обви-

(*) Баумгартъ отвелъ себя отъ участія въ проц. сѣ.

ненномъ преступника, къ осужденію котораго онъ долженъ употребить всѣ свои усилія. Въ этомъ духѣ былъ составленъ обвинительный актъ противъ Гартмана. Мы передаемъ его въ извлеченіи.

Послѣ краткаго изложенія предшествовавшихъ убійству обстоятельствъ, въ актѣ было описано мѣсто преступленія, положеніе тѣла, орудіе убійства и первоначальныя показанія Гартмана. Онъ отрицалъ тождество убитой съ Эрнестиной Горстъ; правда, что лицо отъ сильныхъ ударовъ было совершенно неузнаваемо, но всѣ другіе признаки ясно указывали на справедливость перваго предположенія. Къ тому же, не только старикъ Горстъ, но прислуга мельницы и окрестные жители признали въ этомъ тѣлѣ Эрнестину.

Съ другой стороны, ни въ деревнѣ Эльтенъ, ни въ другіхъ окрестныхъ селахъ, не было недочета въ постоянныхъ жителяхъ, а чужихъ лицъ не было замѣчено около этого времени.

Далѣе упоминалось о странномъ исчезновеніи старшей дочери Горста—Генриетты. Она была отправлена къ теткѣ въ самый вечеръ преступленія; но, не доѣзжая до мѣста назначенія, вышла изъ экипажа и скрылась въ лѣсу около того мѣста, гдѣ позже былъ найденъ трупъ. Съ тѣхъ поръ о ней ничего не было слышно; всѣ розысканія были тщетны, даже слѣды ея не были найдены. Конечно, это послѣднее обстоятельство весьма странно, если допустить предположеніе, что обѣ сестры условились бѣжать вмѣстѣ. Но съ одной стороны, нѣтъ никакихъ доказательствъ ихъ встрѣчи въ лѣсу, а съ другой, очень можетъ быть, что и Генриетту постигла участь сестры и тѣло ея, искусно спрятанное убійцею, не могло быть отыскано. Во всякомъ случаѣ, неизвѣстность судьбы старшей сестры, нисколько не измѣняетъ ясно доказаннаго факта убійства младшей.

Съ какою же цѣлью было совершено преступленіе? Вопросъ этотъ разрѣшается опредѣленіемъ личности подозреваемаго виновника преступленія. Гартманъ не сознается ни

въ чемъ. Но его система защиты, основанная на отрицаніи, вопреки самой поразительной очевидности тождества найденнаго трупа съ Эрнестиной Горетъ, служить косвеннымъ, но непреложнымъ доказательствомъ его виновности.

Въ подкрѣпленіе этого. . . разсматривается вся предшествовавшая жизнь обвиненнаго. Обвинительный актъ группируетъ всѣ факты, пользуется самыми ничтожными обстоятельствами, чтобы выставить Гартмана какъ человѣка заносчиваго, честолюбиваго и корыстнаго. Понятно, что измѣна Эрнестины, разрушившая всѣ его планы, лишившая его богатой невѣсты и слѣдовательно упроченнаго положенія въ свѣтѣ, должна была вывести его изъ себя и побудить на страшное преступленіе.

Онъ неожиданно предсталъ предъ Эрнестиною; пользуясь своимъ вліяніемъ на нее, онъ вѣроятно склонилъ её къ бѣгству. Можетъ быть въ лѣсу она раскаялась и хотѣла вернуться. Гартманъ, выведенный изъ себя, подстрекаемый своимъ бѣшеннымъ характеромъ, убилъ ее и, чтобы по возможности скрыть свое преступленіе, обезобразилъ ея лицо.

Но, могутъ возразить, какимъ образомъ досталъ Гартманъ орудіе убійства—деревянный колъ, который, какъ было доказано, лежалъ около мельницы. Обвинительный актъ объясняетъ это тѣмъ, что Эрнестина вѣроятно тотчасъ по выходѣ изъ дома начала жалѣть о своемъ поступкѣ; колъ былъ взятъ Гартманомъ сначала для угрозы, а позже въ лѣсу послужилъ для убійства.

Въ заключеніе обвинительный актъ разсматривалъ всѣ возраженія обвиненнаго. Гартманъ утверждаетъ, что убитая не Эрнестина. Но кто же она? Можетъ ли онъ указать на когонибудь? Можетъ ли онъ заявить на когонибудь подозрѣніе въ совершеніи убійства? Напротивъ все говоритъ, что убійца есть онъ. Доказано, что по характеру, по наклонностямъ своимъ, онъ способенъ къ этому. Побужденіе его къ совершенію убійства—ясно. Далѣе, его таинственное присутствіе въ мѣстѣ совершенія преступленія; орудіе убійства, взя-

тое изъ такого мѣста, гдѣ онъ незадолго передъ тѣмъ былъ; совершеніе преступленія способомъ совершенно согласнымъ и съ личными свойствами его и съ побужденіемъ имъ руководившимъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ Гартманъ обвинялся въ предумышленномъ убійствѣ дѣвицы Эрнестины Горстъ.

По прочтеніи обвинительнаго акта, приступлено было къ допросу обвиненнаго. Гартманъ не сознавался ни въ чемъ. Онъ показалъ, что по возвращеніи изъ своего путешествія по востоку, онъ посѣщилъ къ своей матери и отъ нея узналъ о помолвкѣ Эрнестины съ барономъ Баумгартомъ. Это побудило его поскорѣе отправиться въ Эльтень, куда онъ прибылъ къ вечеру, когда уже начинало смеркаться. Мѣстность была ему хорошо знакома, онъ зашелъ свѣтъ въ комнату Эрнестины и пошелъ туда открыто, не скрываясь, но на дорогѣ никого не встрѣтилъ. Онъ засталъ Эрнестины одну, она сообщила ему о предстоящемъ обрученіи ея, но увѣряла, что любитъ его по прежнему и выходитъ за Баумгарта по принужденію. Онъ просилъ ее дозволить ему переговорить съ отцемъ и напомнить о данномъ ему словѣ. Въ это время пришелъ лакей звать Эрнестины, вельдѣ за тѣмъ явился и старый Горстъ. Гартманъ хотѣлъ тутъ же переговорить съ нимъ, но, уступая просьбамъ Эрнестины, согласился спрятаться и обождать. Эрнестины ушла и онъ остался въ комнатѣ одинъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ услышалъ шаги въ саду и въ окно увидѣлъ ее. Онъ пошелъ въ садъ, но не догналъ ее, видѣлъ только, какъ она удалилась по направленію къ тѣсу. Онъ былъ въ большомъ недоумѣніи и рѣшился ждать ея возвращенія въ окрестности мельницы. Онъ видѣлъ, какъ искали Эрнестины и возвратились безъ нея; тутъ онъ пошелъ къ Голлю и черезъ часъ былъ арестованъ у него въ домѣ.

Далѣе Гартманъ продолжалъ утверждать, что трупъ, къ которому онъ былъ приведенъ, не былъ трупъ его невесты; этимъ показаніемъ кончился его допросъ, приступлено было къ выслушанію свидѣтелей.

Прежде всего выслушаны были врачи, свидѣтельствовавшіе тѣло; тождество его съ Эрнестиной было подтверждено какъ самимъ отцемъ, такъ и прислугою мельницы. Старый Горсть разсказалъ уже извѣстныя подробности объ обрученіи его дочери съ Гартманомъ. Одинъ изъ работников мельницы показалъ, что въ сумерки того дня видѣлъ, какъ около дома шель человекъ, котораго, не смотря на темноту, призналъ за Гартмана. Работникъ видѣлъ его около кучи заготовленныхъ колевъ, но не видѣлъ, чтобы онъ взялъ одинъ изъ нихъ и вообще не слышалъ шуму отъ передвиженія ихъ, можетъ быть потому, что стоялъ около вертящагося колеса мельницы. По показанію двухъ другихъ работниковъ, колъ, послужавшій къ убійству, именно принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые въ утро того дня были сложены ими около пруда.

Иосифъ Голль показалъ, что пріятель его Гартманъ пришелъ къ нему въ тотъ вечеръ и передалъ ему о свиданіи своемъ съ Эрнестиной и о внезапномъ ея бѣгствѣ. Гартманъ былъ печаленъ, но не взволнованъ; платье его было въ порядкѣ и на немъ не было ни малѣйшихъ слѣдовъ крови.

Жандармы, арестовавшіе Гартмана, нашли его очень спокойнымъ и вовсе не встревоженнымъ. По показанію ихъ, при видѣ тѣла, онъ сначала очень испугался, но потомъ вдругъ, какъ бы овладѣлъ собой и возвратился къ своему прежнему хладнокровію.

Были прочитаны свидѣтельства начальства тѣхъ заведеній, гдѣ онъ воспитывался, всѣ они удостовѣрили о его отличныхъ способностяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и о его гордомъ, честолюбивомъ и заносчивомъ нравѣ. Въ университетѣ онъ имѣлъ нѣсколько друзей.

Всѣ вышеприведенныя показанія отстраняли возможность подозрѣвать кого либо кромѣ Гартмана въ убійствѣ дѣвicy Горсть. Противъ него говорило еще то, что въ теченіе времени отъ восьми до десяти часовъ, т. е. именно тогда, когда убійство было совершено, его никто не видѣлъ, а данное

имъ объясненіе въ употребленіи этого промежутка времени ничѣмъ и никѣмъ не подтверждалось. Еще не благоприятне для обвиненнаго было показаніе его матери. На вопросъ президента о томъ, какъ узналъ ея сынъ о предположенномъ замужествѣ Эрнестины, она отвѣчала, что Гартманъ пріѣхалъ къ ней вечеромъ. Однимъ изъ первыхъ вопросовъ его былъ вопросъ объ Эрнестинѣ. Извѣстіе о ея предполагаемомъ замужествѣ сильно потрясло и взволновало его; онъ страшно поблѣднѣлъ и нѣсколько минутъ не могъ ничего сказать. Потомъ потребовалъ лошадей и, не смотря на позднее время, немедленно уѣхалъ, не говоря матери, куда ѣдетъ.

Этимъ окончился допросъ свидѣтелей. Откровенный рассказъ матери обвиненнаго очевидно произвелъ глубокое впечатлѣніе на присяжныхъ и конечно не въ пользу обвиненнаго.

Государственный обвинитель въ рѣчи своей преимущественно указывалъ на несомнѣнное тождество найденнаго тѣла съ Эрнестиной Горстъ. Далѣе онъ выставилъ на видъ всѣ уже извѣстныя обстоятельства этого дѣла, клонившіяся къ обвиненію Гартмана: его тайное вечернее посѣщеніе дома мельника, убѣжденія его Эрнестину не исполнять воли отца, наконецъ неопредѣлительныя объясненія его о томъ, гдѣ онъ былъ во время совершенія преступленія. Вся эта совокупность уликъ громко говоритъ, что убійцею не могъ быть никто кромѣ обвиненнаго. Государственный обвинитель, слѣдуя примѣру французскихъ прокуроровъ, окончилъ свою рѣчь обращеніемъ къ присяжнымъ и въ сильныхъ выраженіяхъ заклиналъ ихъ не колебаться признать Гартмана виновнымъ.

Защитникъ обвиненнаго опровергалъ рѣчь своего предшественника со стороны формальной. Онъ указалъ на нѣкоторыя противорѣчія, заключавшіяся въ ней, придирался къ мелочамъ и старался обратить вниманіе присяжныхъ на то, что если Гартманъ и совершилъ убійство, то совершилъ находясь въ состояніи сильного раздраженія и отчаянія. Речь

его произвела мало впечатлѣнія послѣ страстной филиппики обвинителя.

Президентъ суда резюмировалъ все дѣло; онъ сдѣлалъ это довольно безпристрастно, но тѣмъ не менѣе замѣтно было, что и онъ вѣритъ въ виновность Гартмана.

Предъ уходомъ присяжныхъ изъ залы суда для совѣщаній, Гартманъ обратился къ нимъ и спросилъ ихъ, что они сдѣлаютъ, если вдругъ чрезъ нѣсколько дней обѣ сестры возвратятся живыми; какое будетъ ихъ положеніе если, это случится послѣ его казни.

Присяжные возвратились скоро; они признали Гартмана виновнымъ; приговоръ ихъ былъ прочитанъ предъ судомъ и получилъ слѣдовательно законную, ничѣмъ не нарушимую силу. Тотчасъ послѣ того въ залѣ суда произошло смятеніе; старый Горсть, тутъ же находившійся, получилъ письмо, извѣщавшее его, что обѣ его дочери возвратились на мельницу. Письмо это было передано президенту, который по прочтеніи его и въ виду общаго недоумѣнія сказалъ слѣдующее.

Отецъ той, которую всѣ считали умершею получилъ, извѣщеніе, что обѣ его дочери живы. Онѣ скрывались все это время во Франціи въ уединенномъ домѣ въ Арденскихъ горахъ и только недавно узнали, что ихъ считаютъ умершими. Это неожиданное обстоятельство не должно смущать присяжныхъ; они дѣйствовали по совѣсти. Судъ и обвинитель исполнили свой долгъ. Можетъ быть слѣдовало бы уничтожить ихъ приговоръ. Но отмѣна приговора по закону можетъ быть допущена лишь до объявленія его обвиненному, наконецъ ошибка произошла лишь въ званіи убитой; самый же фактъ убійства существуетъ и теперь. Слѣдовательно приговоръ присяжныхъ долженъ имѣть свою силу и процессъ долженъ быть продолжаемъ. Обвиненный можетъ требовать установленнымъ порядкомъ пересмотра дѣла, который по закону допускается въ тѣхъ случаяхъ, когда лицо, предполагавшееся убитымъ, окажется живымъ.

Затѣмъ обычнымъ порядкомъ судъ, руководствуясь приговоромъ присяжныхъ, присудилъ Гартмана, по точному смыслу закона, къ смертной казни.

Публика встрѣтила этотъ приговоръ ропотомъ неудовольствія и громкими насмѣшками; но президентъ не воспользовался своимъ правомъ очистить залу суда отъ постороннихъ зрителей.

Черезъ нѣсколько недѣль въ томъ же судѣ вновь разсматривалось это дѣло; но обвиненныхъ было два: докторъ Гартманъ и Яковъ Шаде, тотъ самый Шаде, который нѣсколько времени тому назадъ былъ приговоренъ къ заключенію въ рабочемъ домѣ за нанесеніе побоевъ Гартману. Какимъ же образомъ пало подозрѣніе на Шаде?

Обвинительный актъ содержалъ въ себѣ историю этого дѣла. Въ немъ изложено было ходъ дѣла противъ Гартмана, его осужденіе и внезапное возвращеніе обѣихъ сестеръ Горстъ. Полиція должна была вновь начать свои розысканія, которыя скоро привели къ открытію настоящаго преступника.

Близъ деревни Ольтенъ, на нѣсколько въ сторонѣ и въ недалекомъ разстояніи отъ граничащаго съ Франціей лѣса, находился старый почти развалившійся домъ. Въ немъ жили супруги Бендлеръ, прежде достаточные крестьяне, а теперь совершенно раззорившіеся, вельдствие безпорядочной жизни. У нихъ была дочь красавица собой, и она, по примѣру родителей, была далеко небезукоризненной нравственности.

Жена Бендлера познакомилась нѣсколько времени тому назадъ съ каретнымъ подмастерьемъ Яковомъ Шаде, человѣкомъ грубымъ и развратнымъ. Вскорѣ онъ переселился въ домъ Бендлеровъ и вступилъ въ связь съ ихъ дочерью Анною.

Шаде, какъ уже извѣстно было приговоренъ къ годичному заключенію въ рабочемъ домѣ. По истеченіи этого срока, онъ вновь поселился у Бендлеровъ; но не засталъ тамъ Анны, которая, какъ они говорили, въ самый день его возвращенія ушла къ одной родственницѣ ихъ. Сосѣди же ду-

малы, что Анна была удалена изъ дому по ревности матери ея къ Шаде. Въ этотъ же день былъ найденъ трупъ, но такъ какъ тогда никто не сомнѣвался, что убитая была Эрнестина Горсть, то на исчезновеніе Анны Бендлеръ не было обращено вниманія.

Появленіе Эрнестины Горсть, придало дѣлу другой оборотъ. Въ домъ Бендлеровъ былъ сдѣланъ обыскъ и найденъ женскій платокъ, носившій слѣды крови и серебрянное кольцо съ буквами А. Б.; осмотръ трупа обнаружилъ, что съ руки было снято кольцо; найденное же кольцо совершенно приходилось по рукѣ трупа.

При допросѣ супруги Бендлеръ и Яковъ Шаде показывали сначала, что Анна отправилась во Францію къ родственницѣ. Но потомъ Бендлеръ признался, что хотя жена ему и говорила объ отъѣздѣ Анны къ родственницѣ, онъ однако не очень этому вѣрилъ, тѣмъ болѣе, что послѣднее время не разъ замѣчалъ таинственные переговоры между женой и Шаде, въ которыхъ шла рѣчь объ Аннѣ. Опираясь на это показаніе, слѣдователю удалось добиться отъ жены Бендлера полнаго признанія. Она сказала, что давно уже ревновала свою дочь къ Шаде, и потому, ожидая скорого его возвращенія изъ рабочаго дома, уговаривала Анну пойти къ родственницѣ. Шаде внезапно возвратился; онъ сдѣлался еще грубѣе и порочнѣе. Дѣвушка съ отвращеніемъ отвернулась отъ него и сама желала уйти изъ дому. Это привело Шаде въ ярость; пользуясь своимъ вліяніемъ на жену Бендлеръ, онъ потребовалъ отъ нея, чтобы она доставила ему возможность видѣться съ ея дочерью въ лѣсу. Анна была завлечена въ лѣсъ подъ пустымъ предлогомъ и Шаде возвратился ночью въ домъ Бендлеровъ одинъ. На вопросы матери, что сдѣлалось съ ея дочерью, онъ не отвѣчалъ ничего. Въ тотъ же самый вечеръ сдѣлалось известнымъ, что въ лѣсу найдено мертвое тѣло, но тогда всѣ говорили, что убитая была дочь мельника. Правда Бендлеръ приходило въ голову, что это могла быть ея дочь, но къ полному убѣжденію она при-

шла лишь позже, когда нашла въ вещахъ Шаде окровавленный платокъ и серебряное кольцо. Узнавъ объ этой находкѣ, онъ грозилъ убить ее, если она не будетъ молчать.

Слѣдователь былъ менѣе счастливъ при допросѣ Якова Шаде. Закоренчылый преступникъ не сознался ни въ чемъ; но улики противъ него были очень сильны. Кромѣ вышеизложеннаго показанія жены Бендлеръ, противъ него было еще свидѣтельство обѣихъ сестеръ Горстъ, которыя показали, что въ день убійства видѣли, какъ Шаде вынулъ колъ изъ кучи дровъ, сложенныхъ у мельницы.

Такимъ образомъ началось новое дѣло противъ жены Бендлеръ и Шаде. Но какую же роль игралъ въ немъ докторъ Гартманъ, въ невинности котораго не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія?

Въ самомъ дѣлѣ, что могло бы побудить его къ убійству дѣвушки, которую онъ никогда не видѣлъ? Судьи конечно сами были убѣждены въ невозможности такого предположенія. Но по закону Гартманъ могъ быть освобожденъ отъ всякаго дальнѣйшаго преслѣдованія лишь въ двухъ случаяхъ. Кассационный судъ долженъ былъ признать, что лицо, за убійство котораго былъ осужденъ Гартманъ, находится въ живыхъ—признать *l'existence de la personne, dont la mort supposée aurait donné lieu à la condamnation*; или другое лицо должно было быть признано виновнымъ въ томъ самомъ убійствѣ, за которое былъ осужденъ Гартманъ. Въ послѣднемъ случаѣ кассационный судъ уничтожилъ бы оба приговора и представилъ бы обоимъ осужденнымъ суду новыхъ присяжныхъ, отъ которыхъ и зависѣло бы постановленіе окончательнаго приговора надъ тѣмъ или другимъ изъ нихъ.

Казалось, что настоящее дѣло совершенно подходитъ подъ первый изъ названныхъ случаевъ. Но этого не допустило буквальное толкованіе закона. Въ законѣ говорится о лицѣ, которое предполагалось убитымъ и въ послѣдствіи оказалось живымъ. Въ настоящемъ случаѣ поводомъ къ обвине-

нію Гартмана послужило открытіе мертвого тѣла, которое такъ и осталось мертвымъ тѣломъ. Слѣдовательно *убитое лицо* не оказалось живымъ; *фактъ убійства* продолжалъ существовать въ полной силѣ. Правда сначала думали, что убитая была Эрнестина Горсть. Но вопросъ о томъ, былъ ли это трупъ дочери мельника или Анны Бендлеръ, имѣлъ значеніе лишь для присяжныхъ. Убѣжденіе, что убійство было совершено надъ Эрнестиной, можетъ быть побудило присяжныхъ произнести обвинительный приговоръ противъ Гартмана; но доискиваться причинъ, которыми руководятся присяжные въ произнесеніи своихъ вердиктовъ, не дозволено закономъ. Поэтому было признано, что вышеприведенный законъ не относится къ настоящему дѣлу, что онъ могъ бы быть примѣненъ только въ томъ случаѣ, если бы вовсе не было самаго факта убійства. За тѣмъ къ оправданію Гартмана, могло повести только осужденіе Шаде. Тогда явились бы два лица, приговоренныя за одно и то же преступленіе. Кассационный судъ, какъ уже выше сказано, уничтожилъ бы оба приговора и отослалъ бы дѣло на судъ новыхъ присяжныхъ, которые безъ сомнѣнія оправдали бы Гартмана.

Обвинительный актъ противъ Шаде заключалъ въ себѣ краткое изложеніе процесса противъ Гартмана. Были указаны тѣ ошибки, въ которыя невольно впали первые слѣдователи и выставлены всѣ обстоятельства, несомнѣнно доказывающія, что убитая была Анна Бендлеръ. Далѣе собраны были улики, заставлявшія подозрѣвать Шаде въ совершеніи убійства, при пособничествѣ или по крайней мѣрѣ попустительствѣ со стороны Бендлеръ. Шаде не представилъ ни одного дѣльнаго оправданія, ограничиваясь лишь упорнымъ заперательствомъ. Въ виду всѣхъ этихъ уликъ и отсутствія всякихъ противъ нихъ опроверженій, Шаде обвинялся въ убійствѣ Анны Бендлеръ. О матери послѣдней не было упомянуто въ обвинительномъ актѣ, такъ какъ она умерла до открытія судебныхъ преній.

Допросъ Якова Шаде не способствовалъ къ раскрытію

истины. Онъ отрицалъ всякое участіе въ преступленіи. По его показанію, онъ провелъ весь этотъ день въ домѣ Бендлеровъ; никуда не отлучаясь, и отдыхалъ послѣ возвращенія своего изъ рабочаго дома. Въ окрестностяхъ мельницы онъ вовсе и не былъ и не бралъ оттуда никакого кола. Об участіи Анны Бендлеръ онъ ничего не знаетъ, а только слышалъ отъ матери ея, что она отправилась за границу. Окровавленный платокъ и окольцо не суть улики противъ него; они были найдены въ домѣ Бендлеровъ и лично ему никогда не принадлежали.

Изъ свидѣтельскихъ показаній въ особенности было замѣчательно показаніе сестеръ Горстъ. Въ день убійства онѣ видѣли, какъ обвиненный вооружился коломъ и пошелъ въ лѣсъ.

Отецъ убитой могъ только сказать, что послѣднее время замѣчалъ частые тайные переговоры жены съ Шаде, при чемъ упоминалось имя Анны.

Государственный обвинитель въ рѣчи своей кратко передалъ всѣ обстоятельства настоящаго дѣла. Обращаясь къ присяжнымъ, онъ сказалъ только, что имъ принадлежитъ теперь ближайшая оцѣнка имѣющихъ противъ Шаде уликъ; понятіе которое они себѣ составятъ о степени достовѣрности падающихъ на него подозрѣній и о вѣроятности побужденій, руководившихъ имъ при совершеніи убійства, должно послужить основаніемъ къ произнесенію обвинительнаго приговора противъ Шаде или къ его оправданію.

Защитникомъ Шаде былъ молодой и очень ловкій адвокатъ. Онъ старался опровергнуть тождество найденнаго тѣла съ Анной Бендлеръ, опираясь въ особенности на ту ошибку, въ которую впали при осужденіи Гартмана. Побужденія, которыми обвиненный могъ руководиться въ совершеніи убійства, казались ему также весьма сомнительными. Если Шаде былъ въ преступной связи съ матерью и дочерью, то представлялось мало вѣроятнымъ, чтобы онъ принесъ по-

свидѣнію въ жертву ревности первой. Показаніе умершей Бендлеръ не можетъ быть принято несомнѣннымъ доказательствомъ противъ него; въ судебной практикѣ безпрестанно встрѣчаются случаи, что одинъ изъ обвиненныхъ старается свалить всю вину на своего сообщника. Въ заключеніе защитникъ выразилъ полную увѣренность въ безпристрастіи присяжныхъ, но онъ просилъ ихъ серьезно обдумать свое рѣшеніе и постоянно имѣть передъ глазами приговоръ тѣхъ присяжныхъ, которые осудили Гартмана. Зablужденіе, въ которое они были введены, было причиною несправедливаго приговора; только непредвидѣнный случай спасъ ихъ отъ ужаснаго несчастія быть виновниками казни невиннаго. Но въ дѣлѣ Гартмана, по видимому, представлялось гораздо болѣе куликъ противъ обвиненнаго чѣмъ въ настоящемъ. Эти обстоятельства вполне убѣждаютъ въ необходимости большей осмотрительности при произнесеніи приговора.

Присяжные оправдали Шаде, испуганные первымъ несправедливымъ приговоромъ, сбитые съ толку странными обстоятельствами дѣла; они предпочли оправдать виновнаго, чѣмъ еще разъ впасть въ страшную ошибку. Но они забыли, что это рѣшеніе оставляло въ полной силѣ приговоръ противъ Гартмана, который въ глазахъ закона все еще былъ убійца. Дѣло не могло остаться въ такомъ положеніи. По окончаніи судебныхъ преній, сдѣлано было представленіе правительству о странной участи Гартмана, приговореннаго къ смертной казни, хотя невинность его была очевидна для всѣхъ. Онъ былъ помилованъ, но въ актѣ помилованія было именно сказано, что это не есть прощеніе преступника, а напротивъ признаніе невинности несправедливо обвиненнаго. Несовѣршенство законовъ не давало никакихъ другихъ способовъ къ освобожденію сего отъ послѣдствій неправильнаго приговора.

Сборникъ, изъ котораго заимствованъ настоящій процессъ (Deutsche Criminalgeschichte) сообщаетъ свѣдѣнія о дальнейшей судьбѣ героя всей этой исторіи Гартманъ, какъ можно

было ожидать, женился на Эрнестинѣ Горстѣ. Онъ оставилъ ученые занятія и поселился въ домъ своего тестя, а послѣ смерти его принялъ завѣдываніе мельницей. Баумгартъ достигъ высокихъ степеней въ служебной іерархіи. Настоящее дѣло вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, ясно обнаруживавшими недостатки французской системы уголовного судопроизводства, послужило поводомъ къ сильной реакціи противъ этой системы, не только въ литературѣ, но даже и въ официальныхъ сферахъ. Движеніе это было приостановлено событіями 1848 года. Германскія правительства нашли для себя выгоднымъ удержать законы, начертанные предусмотрительнымъ деспотизмомъ Наполеона.

Приведенный нами процессъ представляетъ замѣчательный и рѣдкій примѣръ судебной ошибки, начавшейся неправильнымъ опредѣленіемъ предмета преступленія и окончившейся присужденіемъ невиннаго къ смертной казни. Но какъ ни поразительна эта ошибка, какъ ни романтичны подробности дѣла, юридическая сторона его заслуживаетъ еще большаго вниманія, нежели фактическая. Всего интереснѣе опредѣлить обстоятельства, сдѣлавшія исходъ дѣла столь неблагоприятнымъ для Гартмана и воспрепятствовавшія судебному, формальному оправданію его.

Точкою отправленія слѣдствія по настоящему дѣлу было признаніе тождества трупа, найденнаго въ эльтенскомъ лѣсу съ Эрнестиною Горстѣ. Отсюда возникло подозрѣніе противъ Гартмана, состоявшаго въ особыхъ отношеніяхъ къ Эрнестинѣ и найденнаго недалеко отъ мѣста совершенія преступленія. Но въ обоихъ фазисахъ слѣдствія въ розысканіи жертвы преступленія и въ розысканіи преступника одинаково замѣтна торопливость, заранѣе составленное предубѣжденіе увлеченіе случайными, чисто внѣшними признаками, пренебреженіе нѣкоторыхъ существенныхъ обстоятельствъ дѣла. Мельникъ Горстѣ, его слуги, его сосѣди признали въ убитой Эрнестину Горстѣ, но при страшномъ обезображеніи

труппа, при отсутствіи на немъ всякихъ слѣдовъ платья, это признаніе не должно было имѣть для слѣдователей силу полнаго, окончательнаго доказательства. Странное, непонятное исчезновеніе Генриетты Горстъ должно было возбудить въ нихъ сомнѣніе и относительно участи Эрнестины. Предположеніе, что обѣ сестры бѣжали за границу и скрылись тамъ отъ поисковъ отца, предположеніе, оправдавшееся потомъ на самомъ дѣлѣ, естественно должно было возникнуть въ умѣ каждаго, знавшаго предшествовавшія обстоятельства дѣла, а эти обстоятельства были вполне извѣстны слѣдователямъ. Генриетта могла конечно быть убита вмѣстѣ съ Эрестиной, но въ такомъ случаѣ, гдѣ же остался трупъ ея? Изъ дѣла не видно даже, были ли сдѣланы все нужные розыски для открытія втораго трупа. Чтобы допустить тождество трупа съ Эрестиной, необходимо было убѣдиться въ томъ, что послѣ преступленія не пропало въ окрестностяхъ Эльтена никого кромѣ дочерей Горста; слѣдователи пренебрегли разъясненіемъ этого обстоятельства; доказательствомъ тому служить не раскрытое ими исчезновеніе, въ самый день убійства, молодой Бендлеръ, близкой сосѣдки эльтенской мельницы. Столь же неполною представляется и другая категорія фактовъ, собранныхъ слѣдствіемъ. Въ чемъ заключались улики противъ Гартмана? Его голосъ слышали въ домѣ мельника; его видѣли въ окрестностяхъ мельницы, но не въ этихъ мѣстахъ было совершено преступленіе: при томъ самъ Гартманъ не отвергалъ бытность свою въ домѣ Горста. Положительныхъ уликъ противъ него не было больше никакихъ. Въ дѣсу его не видѣли; на платьѣ его не оказалось ни крови, ни другихъ слѣдовъ борьбы; арестовавшіе его полицейскіе служители нашли его въ домѣ Голя совершенно спокойнымъ, онъ имѣлъ время бѣжать, и не воспользовался этимъ временемъ. Оставалась простая вѣроятность, основанная на любви Гартмана къ Эрнестинѣ, но та же любовь могла удержать его отъ совершенія надъ нею ужаснаго преступленія, по его вспыльчивости, какъ будто бы вспыльчивостью можно объ-

яснить предумышленное убійство. При томъ, вѣроятнымъ, болѣе или менѣе, могло быть признано только существованіе Эр-нестины: предполагаемое убійство Генриетты оставалось несо-вершенно не разъясненнымъ, а нельзя же было думать, что обѣ сестры были убиты въ одно и тоже время двумя раз-личными лицами. Какъ объяснить неполноту и неудовлетво-рительность слѣдствія, какъ объяснить въ особенности, что такое слѣдствіе было признано присяжными достаточнымъ для произнесенія обвинительнаго приговора, послѣдствіемъ котораго должна была быть смертная казнь? наши отъѣзжа-ливы Предварительное слѣдствіе было произведено государ-ственнымъ прокуроромъ. По французскимъ законамъ, прокуроръ имѣетъ право и обязанность приступать къ слѣдствію, хотя бы и безъ участія слѣдственнаго судьи, каждый разъ когда онъ застаётъ преступленіе совершающимся или только что совер-шившимся (flagrant délit), а также и въ нѣкоторыхъ другихъ — определенныхъ закономъ случаяхъ (Code d'instr. crim. art. 32—41, 46). Въ настоящемъ случаѣ прокуроръ прибылъ на мѣсто — преступленія чрезъ нѣсколько часовъ послѣ совершенія того, и потому имѣлъ право приступить къ осмотру трупа и рас-просу подозрѣваемаго и свидѣтелей. Мы уже видѣли, что подозрѣніе противъ Гартмана возникло именно во время предварительныхъ слѣдственныхъ дѣйствій. Это обстоятель-ство не могло остаться безъ вліянія на дальнѣйшій образъ дѣйствій публичнаго министерства. Убѣдившись, съ самага — начала слѣдствія, въ виновности обвиняемаго, оно должно — было преслѣдовать его съ особеннымъ усердіемъ съ особен-ною силою. Государственный обвинитель первый привлекъ Гартмана къ дѣлу, первый обратилъ на него подозрѣніе въ преступленіи; онъ далъ направленіе слѣдствію, указавъ ему какъ бы цѣль, къ которой оно должно было стремиться — до-стиженіе этой цѣли, т. е. осужденіе Гартмана, должно было — быть двойнымъ торжествомъ для публичнаго министерства. Правда, обвинителемъ Гартмана въ судѣ былъ не баронъ Баумгартъ, а другой представитель прокуратуры; но между

членами паркета существуетъ такая солидарность, которая дѣлаетъ успѣхъ одного изъ нихъ общимъ успѣхомъ, поражение общимъ поражениемъ. Баумгарту не трудно было передать своему преемнику убѣжденіе, или лучше сказать предубѣжденіе свое противъ Гартмана. Отсюда построеніе обвинительнаго акта на неполныхъ данныхъ, на догадкахъ и предположеніяхъ, отсюда возмутительный разборъ прежней жизни Гартмана и обращеніе противъ него самыхъ незначительныхъ проступковъ его юности, даже его дѣтства; отсюда краснорѣчивое воззваніе къ присяжнымъ, съ заклинаніемъ осудить Гартмана. Все дѣйствія публичнаго министерства внушены были страстью, а не хладнокровнымъ желаніемъ открыть истину. Увлеченіе обвинителя перешло и къ слушателямъ, къ судьямъ, къ присяжнымъ. Адвокатъ Гартмана не сумѣлъ или не могъ противопоставить этому увлеченію другое, столь же сильное; рѣчь его была холодна; по всей вѣроятности, подчиняясь общему предубѣжденію противъ Гартмана, онъ не былъ вполне увѣренъ въ его невинности.

Президентъ, въ своемъ *résumé*, замѣтно склонялся противъ Гартмана. При такомъ положеніи дѣла, приговоръ присяжныхъ становится совершенно понятнымъ. Они имѣли передъ собою факты не полные, искаженные пристрастіемъ одной изъ сторонъ. Они были убѣждены, что слѣдователи приняли всѣ возможныя мѣры къ раскрытію того, не исчезли ли послѣ преступленія еще кто-нибудь изъ жителей Эльтена или другихъ окрестныхъ мѣстъ. Въ тождествѣ трупа съ Эрнестиною Горстъ они не сомнѣвались; на отсутствіе Генриетты они обратили также мало вниманія, какъ и слѣдователи и публичное министерство. Они считали Гартмана человѣкомъ способнымъ на преступленіе и имѣвшимъ причину совершить его. Затѣмъ, съ помощью немногихъ уликъ, дѣйствительно говорившихъ противъ Гартмана, нетрудно уже было дойти до полнаго внутренняго убѣжденія въ его виновности и до произнесенія обвинительнаго приговора.

Изъ всего вышеизложеннаго нельзя не вывести того заключенія, что главная причина неправильнаго осужденія Гартмана—ненормальное устройство публичнаго министерства, въ томъ видѣ, въ какомъ это учрежденіе развивалось при дѣйствіи французскихъ законовъ. Не говоря уже о тѣхъ недостаткахъ его, которые не отразились въ настоящемъ дѣлѣ, объ отсутствіи частныхъ обвинителей, о чрезвычайныхъ правахъ, которыми прокуроры облечены въ отношеніи къ допросу свидѣтелей, о преимуществѣ, которое они имѣютъ надъ защитниками, остановимся только на томъ, что даетъ намъ процессъ Гартмана. Прежде всего насъ поражаетъ соединеніе въ одномъ лицѣ несомвѣстимыхъ обязанностей слѣдователя и обвинителя. Слѣдователь, розыскивая преступленіе и преступника, почти всегда получаетъ убѣжденіе въ виновности того или другаго изъ подозрѣваемыхъ лицъ, и слишкомъ часто направляетъ слѣдствіе сообразно съ этимъ убѣжденіемъ, обращаетъ особенное вниманіе на одну сторону дѣла, упускаетъ изъ виду другія. Это неудобство почти неотвратимое: но при раздѣленіи обязанностей слѣдователя и обвинителя, оно уравновѣшивается въ нѣкоторой степени тѣмъ, что обвинитель можетъ остаться свободнымъ отъ предубѣжденія слѣдователя, можетъ потребовать дополненія слѣдствія въ отношеніи къ прочимъ обвиненнымъ, можетъ наконецъ совершенно отказаться отъ преслѣдованія, если не убѣдится въ виновности подозрѣваемаго лица. При соединеніи въ одномъ лицѣ обязанностей слѣдователя и обвинителя, вышеозначенное неудобство проявляется въ полной силѣ: предубѣжденіе, составленное слѣдователемъ, прямо и непосредственно переходитъ въ обвиненіе и часто обусловливаетъ собою весь ходъ процесса. Обвинитель, производившій слѣдствіе по дѣлу, не можетъ уже имѣть не обходимаго безпристрастія; онъ считаетъ себя прямо заинтересованнымъ въ дѣлѣ, въ обвиненіи подсудимаго онъ готовъ видѣть одобреніе, въ оправданіи его осужденіе своихъ собственныхъ дѣйствій. Эта опасность была въ виду составителей французскаго кодекса уголовного судопроизводства: нѣкоторые

изъ нихъ, въ томъ числѣ Камбасересъ, сильно возставали противъ предоставленія прокурору права участвовать въ производствѣ слѣдствія по основною мѣслью Наполеона было усиленіе власти публичнаго министерства, и мысль эта одержала верхъ надъ всеми другими соображеніями. Участіе прокуроровъ въ производствѣ слѣдствій допущено и многими германскими законодательствами: но противоположная система, приобретающая все болѣе и болѣе защитниковъ, проведена уже въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ уставахъ судопроизводства, напирѣмъ, виртембергскомъ и нассаускомъ, изданныхъ въ 1849 году.

Второй недостатокъ французской прокуратуры заключается не столько въ законномъ устройствѣ, сколько въ обычаяхъ и преданіяхъ ея. На этихъ обычаяхъ основана та страстность, съ которою публичное министерство поддерживаетъ обвиненіе, тѣ усилія, съ которыми оно добивается осужденія обвиненнаго. Обязанность обвинителя заключается въ спокойномъ и безпристрастномъ изложеніи фактовъ, говорящихъ противъ обвиненнаго: французскіе прокуроры присоединяютъ къ фактамъ свои догадки, предположенія; они стараются доказать не столько то, что обвиняемый совершилъ преступленіе, сколько то, что онъ способенъ совершить его; они разоблачаютъ передъ присяжными всю прежнюю жизнь обвиняемаго, стараются очернить его характеръ, перетолковать его поступки, отыскавъ въ его дѣтскихъ шалостяхъ и юношескихъ увлеченіяхъ зародыши тѣхъ чувствъ, которыя могли привести его къ преступленію. Для достиженія этой цѣли, они призываютъ огромное число свидѣтелей, не разбирая того, въ какой степени послѣдніе могли знать обвиняемаго, въ какой степени могли судить о его дѣйствіяхъ, тѣмъ болѣе о его чувствахъ. Конечно, адвокатъ можетъ противопоставить обвинителю исторію обвиняемаго, изложенную въ другомъ смыслѣ: но въ жизни людей легче найти дурныя стороны, нежели хорошія и притомъ адвокатъ гораздо болѣе, нежели обвинитель, съ наслажденіемъ въ вызовѣ и допросѣ свидѣтелей. Наконецъ, не велѣ

кій подсудимый позволить своему защитнику произнести въ присутствіи суда похвальное о немъ слово.—Изъ того же источника проистекаетъ обращеніе обвинителя къ присяжнымъ, заклинаніе ихъ во имя того или другаго чувства—преимущественно во имя того чувства, которое составляетъ слабую сторону присяжныхъ, во имя семейной нравственности, если они отцы семейства, во имя общественнаго кредита, если они люди торговые, во имя общественнаго спокойствія, если они люди преклонныхъ лѣтъ, любящіе тишину и порядокъ. Припомнимъ, какъ въ процессѣ Шаля (Журн. Мин. Юст. 1860 г. № 2) одинъ государственный обвинитель призвалъ даже Бога въ свидѣтели виновности подсудимаго.—Въ Англии, при здоровомъ устройствѣ обвинительнаго процесса, при полномъ, строгомъ раздѣленіи обязанностей слѣдователя и обвинителя, при той умѣренности, которою и законъ, и практика обязываютъ обвинителя, процессъ Гартмана по всей вѣроятности привелъ бы къ совершенно другому результату. Присяжные, руководимые безпристрастнымъ судьей, взвѣсили бы силу уликъ, представленныхъ противъ Гартмана, и не увлекаясь догадками, не обращая вниманія на вспыльчивый характеръ Гартмана, не опредѣляя, въ какой степени онъ способенъ совершить преступленіе, оправдали бы его за отсутствіемъ достаточно сильныхъ доказательствъ.

Остается сказать нѣсколько словъ о причинахъ, по которымъ Гартманъ не былъ оправданъ судебнымъ порядкомъ, такъ что для освобожденія его отъ наказанія пришлось прибѣгнуть къ помилованію. Шаде не былъ признанъ виновнымъ присяжными, и потому къ Гартману не могла быть примѣнена ст. 443-я кодекса, предусматривающая случай осужденія двухъ различныхъ лицъ за одно и тоже преступленіе. Оставалась ст. 444-ая, относящаяся къ тому случаю, когда окажется въ живыхъ лицо, предполагавшееся убитымъ. Эта статья не была примѣнена къ Гартману потому, что самый фактъ убійства продолжалъ быть несомнѣннымъ; измѣнилось

только лицо, которое считалось убитымъ. Мы не можемъ согласиться съ такимъ толкованіемъ ст. 444-ой. Конечно, статья эта отличается чрезвычайною неполнотою; она допускаетъ одинъ только способъ доказательства невинности осужденнаго, и упускаетъ изъ виду всѣ остальные; но примѣненіе, данное ей по дѣлу Гартмана, еще тѣснѣе, нежели буквальный смыслъ ея. Поводомъ къ пересмотру дѣла выставляется въ ней l'existence de la personne, dont la mort supposée avait donné lieu à la condamnation—существованіе лица, предполагавшаяся смерть котораго послужила поводомъ къ произнесенію обвинительнаго приговора. Очевидно, что здѣсь говорится о существованіи того самаго лица, въ убійствѣ котораго обвинялся осужденный, т. е. о томъ случаѣ, когда *известное, определенное лицо*, считавшееся убитымъ, въ послѣдствіи времени окажется въ живыхъ. Если бы статья 444-ая имѣла въ виду ошибку въ самомъ corpus delicti, предположеніе убійства тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ его вовсе не было, то редакция ея конечно была бы совершенно другая. Въ настоящемъ случаѣ Гартманъ обвинялся не въ убійствѣ неопредѣленнаго, неизвѣстнаго лица, найденнаго мертвымъ въ эльтенскомъ лѣсу, а прямо и непосредственно *въ убійствѣ Эрнестины Горстъ*. Слѣдовательно, предполагавшаяся смерть Эрнестины Горстъ была поводомъ къ осужденію Гартмана: слѣдовательно, когда Эрнестина оказалась въ живыхъ, приговоръ, постановленный противъ Гартмана, подлежалъ пересмотру на точномъ основаніи ст. 444-ой. Лицо убитой не было безразлично для присяжныхъ; тождество трупа съ Эрнестиной Горстъ было не только однимъ изъ доводовъ, съ помощью которыхъ они могли составить себѣ убѣжденіе по дѣлу: оно было главнымъ основаніемъ приговора, главнымъ условіемъ обвиненія Гартмана. Если бы присяжные признали, что убитая—не Эрнестина Горстъ, то они не могли бы судить Гартмана, потому что онъ обвинялся *именно и исключительно* въ убійствѣ Эрнестины. Затѣмъ, когда главное основаніе приговора оказалось невѣрнымъ, приговоръ очевидно не могъ и не долженъ былъ

оставаться въ силѣ. Оправданію Гартмана воспрепятствовало не только несовершенство закона, но и узкій взглядъ магистратуры.

Законы о пересмотрѣ окончательныхъ рѣшеній только тогда могутъ быть признаны совершенно удовлетворительными, когда они даютъ широкой просторъ собственному усмотрѣнію суда и когда они не стремятся къ невозможному и непрактичному исчисленію всѣхъ случаевъ пересмотра. Въ такомъ именно смыслѣ, сколько намъ извѣстно, составлена глава о переверженіи приговоровъ въ проектѣ нашего новаго устава уголовного судопроизводства.

ОТДѢЛЪ IV.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И СМѢСЬ.

О срокѣ объявленія неудовольствія на судебное рѣшеніе. Въ ноябрьской книжкѣ журнала министерства юстиціи за 1861 годъ помѣщена статья о срокѣ для объявленія неудовольствія на судебное рѣшеніе. Авторъ этой статьи Г. Рѣпинскій вывелъ въ ней три положенія, изъ коихъ третіе состоитъ въ томъ, что *срокъ этотъ неправильно называется семидневнымъ, но долженъ именоваться и есть на самомъ дѣлѣ осмидневный.*

Положеніе это г. Рѣпинскій выводитъ: 1, изъ указа 30 іюля 1762 года; 2, изъ указа 7 ноября 1775 года; 3, изъ Высочайшей резолюціи 1778 года; 4 изъ ордера 21 іюня 1781 г., гдѣ сказано: «по прошествіи недѣли первый, или со дня объявленія приговора восьмой день есть время срочное въ разсужденіи аппеляціи»; 5, изъ именнаго указа 3 января 1806 года.

Изъ всѣхъ этихъ узаконеній видно, что для объявленія неудовольствія дается сроку семь дней и, какъ разъяснено въ

указъ 3 января 1806 г., не считая день объявленія рѣшенія, потому что это объявленіе дѣлается предъ самымъ выходомъ изъ суда присутствующихъ, слѣдовательно въ день объявленія нѣтъ уже возможности подать отзыва и началомъ семи дней считать его нельзя.

Слѣдуетъ ли отсюда называть срокъ осмидневымъ? Г. Рѣпинскаго ввело въ недоумѣніе объясненіе, сдѣланное въ 505 ст. II ч. X. т. о томъ, когда должно считать *окончаніе срока*, именно осмой день, начиная счетъ тѣмъ, въ который объявлено рѣшеніе; если срокъ кончается въ осмой день со дня объявленія, то этотъ срокъ въ семь дней опять таки не будетъ осмидневымъ, а только недѣльный.

Жалоба Петровыхъ, которую г. Рѣпинскій приводитъ въ примѣръ, основана именно на неправильномъ толкованіи начала законнаго срока, такъ что 28 августа день объявленія они считаютъ началомъ срока; это обстоятельство не обратило вниманія автора; онъ занялся исключительно окончаніемъ срока, а потому то и нашелъ противорѣчіе въ 505 ст.; именно, по его словамъ, въ началѣ говорится одно, а чрезъ строку совѣмъ другое.

Оно такъ и есть въ дѣйствительности: въ началѣ одно, а чрезъ строку другое, въ началѣ назначено время, въ теченіи котораго можно объявлять неудовольствіе, а чрезъ строку опредѣлено, когда это время кончается; говорится о разномъ— какъ же можно видѣть противорѣчіе?

Допустить противорѣчіе можно при понятіи о словѣ *срокъ*, какъ объ окончаніи только какого либо періода времени; законъ же, да и всѣ вообще принимаютъ слово *срокъ* за самый періодъ.

Допустимъ, что названіе семидневный измѣнится въ осмидневный,—будетъ ли тогда менѣ возможности для повторенія жалобъ, подобныхъ поданной Петровыми.

Не будетъ ли явнаго противорѣчія: законъ назначить срокъ семидневный послѣ дня объявленія рѣшенія, и тотъ же законъ назоветъ его осмидневымъ.

Не найдутся ли тогда такіе простодушные изъ тяжущихся, которые на основаніи названія подадутъ возраженіе въ осмый день считая *отъ*, а не *со* дня объявленія рѣшенія? Разумѣется, ихъ искъ будетъ потерянь, а вѣдь онъ можетъ быть гораздо значительнѣе иска Петровыхъ. Тогда кого обвинять потерявшіе все, можетъ быть, свое состояніе? Предложенный г. Рѣпинскимъ способъ исправленія закона не отстранитъ противорѣчія, тѣмъ болѣе, что причина этому противорѣчію, кроется въ самомъ законѣ; а именно въ томъ, что законъ, опредѣливъ конецъ срока, не сдѣлалъ надлежащаго разъясненія о его началѣ.

Дѣло Петровыхъ указываетъ эту необходимость опредѣлить начало срока, а потому вмѣсто перемѣны названія семидневнаго, какъ предполагаетъ г. Рѣпинскій, въ осмидневный, слѣдовало бы въ 505 ст. читать *отъ того дня* взамѣнъ *съ того дня*, такъ какъ слова *съ того дня* необходимо заставляютъ включать въ счетъ и день объявленія, а касательно окончанія срока слова *со времени объявленія* замѣнить словами: *начиная со дня объявленія*; тогда 505 ст. представлялась бы въ слѣдующемъ видѣ: «неудовольствіе должно быть объявлено въ теченіе недѣли *отъ* того дня, въ который выслушано рѣшеніе и дана въ томъ подписка. Право переноса теряется въ случаѣ просрочки; окончаніемъ срока считается, *начиная со дня* объявленія рѣшенія, осмой день» и такъ далѣе.

Смѣемъ думать, что при такой редакціи нѣтъ возможности впасть въ ошибку относительно окончанія срока.

ГР. ЕПИФАНОВЪ.

Пятидесятилѣтній юбилей Беррье. 14 Декабря минувшаго года исполнилось ровно пятьдесятъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ нынѣшній ветеранъ парижскихъ адвокатовъ Беррье впервые выступилъ на адвокатскомъ поприщѣ. Этотъ день собратья Беррье по адвокатурѣ избрали для принесенія ему поздравленій съ минованіемъ полулѣтка его почетной дѣ-

ятельности и для выраженія тѣхъ чувствъ любви и уваженія, которыми Беррье постоянно пользуется и въ судебномъ сословіи и въ публикѣ. Предѣлъъ человеческой жизни слишкомъ ограниченъ; для людей мысли онъ еще короче. Посвятите всю жизнь свою трудному адвокатскому поприщу; боретесь съ нуждами и неудачами, неизбежными спутниками всякаго ретупающаго на это поприще; навлекъ на себя несправедливыя гоненія сильныхъ; выйти изъ этой борьбы чистымъ и незапятнаннымъ, и наконецъ достигъ пятидесятилѣтія своей благородной дѣятельности, и, оглянувшись въ прошедшее, видѣть его безупречнымъ, — это подвигъ, который выпадаетъ на долю весьма немногихъ избранныхъ.

Беррье началъ свое адвокатское поприще въ 1811 году. 14 декабря того года онъ былъ внесенъ въ списокъ адвокатовъ. Отецъ его былъ также адвокатъ, въ свое время извѣстный, который болѣе пятидесяти лѣтъ съ достоинствомъ являлся на трибунѣ. Нѣкоторое время онъ былъ даже деканомъ адвокатскаго сословія, что служило уже ручательствомъ того довѣрія, которымъ онъ пользовался въ кругу своихъ собратій. Молодой Беррье началъ свои занятія по юриспруденціи подъ непосредственнымъ руководствомъ отца; подъ этимъ же руководствомъ начались и первые опыты его на адвокатскомъ поприщѣ. Знаніе законовъ и судебныхъ преданій, удивительная быстрота соображеній и увлекательный даръ слова скоро обратили на него вниманіе и судебного сословія, и общества; он доставилъ ему почетное званіе старшиннѣ сословія (bâtonnier). Особенно важныя процессы были поручаемы его защитѣ; участіе его въ этихъ процессахъ всегда привлекало многочисленную публику въ залу суда. Последняя, если не ошибаемся, защита принята была имъ на себя въ знаменитомъ процессѣ Петерсонъ противъ фамиліи Бонапартъ, процессѣ, который въ прошедшемъ году обращалъ на себя общее вниманіе всей Европы. Среди успѣховъ, которые, конечно, не могли не льстить Беррье, на долю его иногда выпадали и тяжкія минуты, когда онъ за свои убѣжденія подвергался нападкама съ стороны администраціи. Наконецъ 14

декабря 1861 года исполнилось пятидесятилетие его адвокатской деятельности.

Мысль о праздновании этого дня возникла задолго до праздника и была принята всеми адвокатами съ увлечением. Кроме парижских адвокатов, участие въ праздникъ приняли все бывшие старшины парижскаго адвокатскаго сословия, все нынѣшніе старшины адвокатовъ при провинціальныхъ судахъ, а равно первый президентъ парижскаго императорскаго суда Девеннъ и президентъ суда департамента Сены Бенуа-Шампи, какъ постоянные свидѣтели успѣховъ Барро на адвокатскомъ поприщѣ.

Празднество происходило въ весьма обширной залѣ, известной въ Парижѣ подъ названіемъ Salon des Arts. Зала эта, великолѣпно освѣщенная, была украшена картинами и цвѣтами. Обѣденный столъ болѣе чѣмъ на двѣсти пятьдесятъ человекъ былъ расположенъ въ видѣ подковы.

Въ шесть съ половиною часовъ явился Барро, а въ семь часовъ начался обѣдъ. На немъ присутствовали все знаменитости адвокатуры. Тутъ можно было видѣть и Жюля Фавра (нынѣшній старшина парижскихъ адвокатовъ), и Мари (извѣстнаго записчика въ процессѣ к. Воронцова съ княземъ Долгоруковымъ), Дюпена, Емиля Леру, Шедестанжа, Кремье, Бароша, Одиллонъ Барро.

Въ концѣ обѣда начались обычныя рѣчи. Говорили Жюль Фавръ, Барро, Мари, Первенкьеръ. Мы не будемъ передавать содержаніе ихъ рѣчей; въ нихъ нѣтъ ничего особенно блистательнаго, но все онѣ отличаются теплотою и искренностью, которая и составляютъ главное ихъ достоинство.

Открытие всеминистерскихъ судовъ (изъ путевого записки). Процессія открытія высшихъ судовъ чрезвычайно интересна и оригинальна. Я пришелъ въ всеминистерскую залу въ 10 часовъ утра того дня, въ который назначена была эта торжественная процессія. Но тамъ я узналъ, что судьи приѣ-

дуть въ Вестминстеръ не ранѣе 2 часовъ по полудни. Не желая возвращаться домой, и, не имѣя никакихъ особенныхъ занятій, я рѣшился посвятить нѣсколько часовъ на осмотръ вестминстерскаго аббатства, въ которомъ былъ и прежде того нѣсколько разъ. Впрочемъ, не смотря на частыя посѣщенія, я не могу сказать, чтобы я вполне изучилъ всѣ замѣчательности вестминстерскаго аббатства. Оно заключаетъ въ себѣ столько разнообразнаго интереса, что человекъ, основательно изучившій всѣ достопримѣчательности аббатства, можетъ смѣло сказать, что онъ изучилъ всю исторію Англии. Аббатство основано было саксонскимъ королемъ Себертомъ въ 616 году, но возобновлено было въ послѣдствіи Генрихомъ III и Эдуардомъ I (въ XIII стол.) Здѣсь коронованы были всѣ англійскіе короли и королевы, начиная отъ Эдуарда Исповѣдника (1041 г.) до королевы Викторіи (1837 г.) и большая часть изъ нихъ погребена въ стѣнахъ аббатства. Внѣшняя сторона зданія поражаетъ своею древностію и разнообразіемъ архитектуры. Она представляетъ смѣсь древней британской, греческой и готической архитектуры. Стѣны древнѣйшей части зданія совершенно почернѣли отъ времени. Эта часть зданія находится прямо противъ парламента, представляющаго образецъ новѣйшаго стили и вкуса. Такая противоположность между древнимъ и новымъ зданіемъ производитъ весьма странное впечатлѣніе. Нѣкоторые находятъ, что древняя и почернѣвшая часть зданія аббатства вредитъ эффекту, производимому парламентомъ; напротивъ того, другіе полагаютъ, что новое зданіе вредитъ эффекту, производимому стариннымъ зданіемъ. Я нахожу, что эти два зданія вовсе не вредятъ одно другому, и что напротивъ того сочетаніе старины съ новизною придаетъ самый величественный эффектъ вестминстерской площади. Аббатство представляется въ видѣ почтеннаго сѣдаго старца, съ любовью смотрящаго на юное потомство. Аббатство бываетъ открыто для публики между 11 часами утра и 3 по полудни, кромѣ воскресныхъ дней, такъ какъ въ эти дни съ утра до ночи бываетъ церковное служеніе. Посѣтители впускаются въ южный притворъ храма, извѣстный подъ названіемъ

Угла поэтовъ (Poet's Corner). Здѣсь посѣтителей встрѣчаетъ обыкновенно господинъ въ черной рясѣ и провожаетъ ихъ въ капеллы (Chapels). При этомъ надо взять билетъ за умѣренную плату 6 пенсовъ.

Въ аббатствѣ 9 главныхъ капеллъ, въ которыхъ находятся гробницы и памятники всѣхъ королей и королевъ Англіи. Осмотръ капеллъ требуетъ по крайней мѣрѣ 3 часовъ времени, но желающій осмотрѣть ихъ основательно долженъ непременно посѣтить аббатство лишнихъ два или три раза. По выходѣ изъ послѣдней, т. е. 9 капеллы провожатый оставляетъ посѣтителей, которые могутъ продолжать осмотръ открытыхъ частей храма безъ посредства проводника. Въ свое послѣднее посѣщеніе аббатства, я не заходилъ въ капеллы, и потому не буду ихъ описывать, тѣмъ болѣе, что самый краткій очеркъ ихъ потребовалъ бы очень много времени. Скажу только нѣсколько словъ объ открытой части аббатства. По выходѣ изъ Излипской капеллы посѣтитель входитъ въ сѣверный притворъ храма, гдѣ вниманіе его прежде всего привлекается могилами Питта и Фокса.—На камнѣ, покрывающемъ могилы эти двухъ великихъ государственныхъ дѣятелей и соперниковъ, начерченъ знаменитый стихъ Вальтеръ—Скотта:

«The mighty Chiefs sleep Side by side;
Drop upon Fox's grave the tear,
Twill trickle to his rival's bier.»

Загѣмъ слѣдуютъ памятники Граттана (Grattan), Каннинга (Canning) и Кастлери (Castlereagh), герцога и герцогини Ньюкастельскихъ и великолѣпный памятникъ Уаррена (Warren), сдѣланный Рубильякомъ и изображающій аллегорическую фигуру *Насианн*. Въ числѣ прочихъ памятниковъ сѣвернаго прихода слѣдуетъ обратить также особенное вниманіе на монументъ адмирала Вернона и на произведеніе художника Бекона, воздвигнутое Парламентомъ и королемъ въ честь лорда Чатама (Lord Chatham). На этомъ монументѣ, стоившемъ 6 тысячъ фунтовъ, начерчена надпись:

«Bacon there
Gives more then female beauty to a stone,
And Chatham's eloquence to marble lips».

Въ сѣверномъ притворѣ находятся также монументы Ньютона и лорда Мансфильда, бывшаго генеральнаго солиситера и атторнея. Ученый юристъ изображенъ между аллегорическими фигурами двухъ женщинъ, изъ которыхъ одна представляетъ мудрость, а другая, держащая въ рукахъ вѣсы правосудія, — юстицію. Въ одномъ изъ отдѣленій того же притвора нельзя оставить безъ вниманія памятникъ друга человѣчества Вильберфорса, на которомъ начерчена надпись, выражающая благодарность африканскихъ невольниковъ своему безкорыстному покровителю. Вообще, каждый изъ вестминстерскихъ памятниковъ вызываетъ на размышленіе и заслуживать бы подробнаго и specialнаго описанія. Возвращаясь въ южную сторону аббатства, я зашелъ въ притворъ, въ которомъ погребенъ Маколей. Мѣсто погребенія великаго историка, по моему мнѣнію, выбрано неудачно. Могила устроена между лавками, на которыхъ сидятъ во время службы и не на солнечной сторонѣ. Смотри на камень, покрывающій тѣло этого историка поэта, я невольно пожалѣлъ, что онъ не погребенъ подъ сводами неба и подъ сѣнію пушистыхъ деревьевъ, которыми такъ богаты всѣ вообще кладбища Англій.

Осмотрѣвъ вестминстерское аббатство, что заняло нѣсколько часовъ я возвратился снова въ вестминстерскую залу, которая была наполнена огромною публикою. Адвокаты въ полной своей формѣ и клерки огромными толпами стеклись въ залу. Въ ожиданіи судей, публика раздѣлилась на группы. Съ одной стороны залы стояли мужчины, а съ другой большею частію дамы и дѣти. Возлѣ меня стояли три весьма бѣдно одѣтые англичанина и вели весьма интересный для меня разговоръ о судьяхъ и адвокатахъ. Изъ судей они въ особенности хвалили Мартина и Брамвеля. Изъ адвокатовъ болѣе другихъ заслуживалъ ихъ одобренія Чемберзъ, практикующійся въ судахъ справедливости (Equity). На во-

прось мой, считают ли они въ числѣ хорошихъ адвокатовъ Эдвина Джемса, одинъ изъ нихъ отвѣчалъ мнѣ: «помилюте, да Эдвинъ Джемсъ, не болѣе юристъ, чѣмъ мы съ вами, онъ адвокатъ суда Ольдъ-Белей и болѣе ничего. Два другіе англичанина также отозвались объ Эдвинѣ Джемсѣ съ видимымъ презрѣніемъ. О высшихъ судьяхъ: Кокборнѣ, Пологѣ и Эролѣ они отозвались съ величайшимъ уваженіемъ. Я нарочно упоминаю объ этомъ разговорѣ, чтобы показать до какой степени масса народа въ Англии интересуется всѣмъ, что относится до судебныхъ учреждений. Въ отзывахъ этихъ трехъ бѣдныхъ людей среднего класса о судьяхъ и адвокатахъ было чрезвычайно много справедливаго. Я слышала отъ людей, заслуживающихъ полного довѣрія, что Эдвинъ Джемсъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ юристъ первой степени. Онъ обладаетъ даромъ слова, которое придаетъ ему большое значеніе въ уголовномъ процессѣ, но какъ юристъ онъ несравненно ниже весьма многихъ другихъ, менѣе его извѣстныхъ публикѣ, англійскихъ адвокатовъ. Притомъ Эдвинъ Джемсъ не пользуется репутаціею вполне нравственнаго человѣка и обремененъ долгами. Въ слѣдствіе этого общественное мнѣніе никогда не допуститъ его до судейскаго кресла (*). Общественное мнѣніе въ Англии требуетъ отъ судьи не только глубокаго юридическаго образованія, но и вполне безукоризненной репутаціи. Замѣчаніе моихъ вестминстерскихъ знакомцевъ о томъ, что Эдвинъ Джемсъ «не болѣе какъ адвокатъ суда Ольдъ-Белей», имѣетъ тотъ смыслъ, что въ англійской адвокатурѣ *уголовная* часть считается вообще на низшей степени, чѣмъ *гражданская*. Извѣстнѣйшіе изъ англійскихъ адвокатовъ рѣдко берутъ на себя защиту подсудимаго въ уголовномъ судѣ. Въ этомъ не можетъ не убѣдиться всякій, кто имѣетъ обыкновеніе просматривать Times и другіе англій-

(*). Въ сентябрьской книгѣ «Revue Britanique» объявлено, что Эдвинъ Джемсъ бѣжалъ изъ Англии, оставивъ болѣе 6 милліоновъ долговъ; онъ признанъ банкротомъ и имя вычеркнуто изъ списка адвокатовъ.

скіе журналы. Такъ, между прочимъ, въ истекшемъ лѣтнемъ сезонѣ въ округахъ Англіи ни одинъ изъ извѣстныхъ адвокатовъ не явился въ судѣ ассизовъ, не смотря на то, что между уголовными дѣлами, разрѣшенными этимъ судомъ, было множество дѣлъ капитальной важности. Обстоятельство это давно уже возбудило мое вниманіе и я употребилъ все свое стараніе, чтобы узнать его причину. Я думалъ сперва, что причина отчужденія извѣстнѣйшихъ изъ англійскихъ адвокатовъ отъ уголовныхъ дѣлъ заключается въ томъ, что гражданскія тяжбы дѣла приносятъ имъ гораздо болѣе выгоды. Но изъ дальнѣйшихъ изслѣдованій я пришелъ къ тому, болѣе или менѣе вѣроятному заключенію, что при англійской системѣ слѣдствія о гарантіяхъ, предоставляемыхъ личной свободѣ каждаго гражданина, заключеніе большого жури (grand jury) *объ основательности обвиненія* бываетъ болѣею частію вполне справедливо. Поэтому извѣстные адвокаты стараются избѣгать участія въ такомъ дѣлѣ, которое по ихъ мнѣнію имѣетъ не совсѣмъ чистое основаніе и представляетъ весьма мало шансовъ къ успѣху. Они берутъ на себя защиту подсудимаго болѣею частію въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиненіе имѣетъ болѣе политическій, чѣмъ уголовный характеръ, или когда они убѣждены въ невиновности обвиняемаго. Такъ между прочимъ, Эдвинъ Джемсъ взялъ на себя защиту Бернара, которой онъ и обязанъ своею настоящею славою. Независимо отъ этого, уголовная часть не требуетъ такихъ спеціальныхъ юридическихъ познаній, какъ гражданская и составляетъ по тому самому удѣлъ менѣе извѣстныхъ и даровитыхъ адвокатовъ. Адвокатура въ судахъ справедливости стоитъ на равной степени съ адвокатурою въ судахъ общаго закона по *гражданскимъ* дѣламъ, но требуетъ особаго спеціального приготовленія. Юристъ, приготавлиющій себя къ адвокатурѣ въ судахъ Equity, долженъ непременно получить особое спеціальное для того образованіе. Поэтому адвокатъ судовъ общаго закона не можетъ заниматься адвокатурою въ судахъ справедливости, и обратно адвокатъ суда Equity не можетъ являться въ судахъ перваго рода.

И такъ, возвращаясь къ описанію открытія вестминстерскихъ судовъ, прежде всего замѣчу, что судьи стали съѣзжаться позже 2-хъ часовъ по полудни. Прежде всѣхъ приѣхалъ въ великолѣпной позолоченой каретѣ, запряженной четверкою превосходныхъ вороныхъ лошадей, лордъ канцлеръ Кемпбель (Campbell) (*). Онъ былъ одѣтъ въ черную рясу, вышитую золотомъ, съ длиннымъ шлейфомъ, поддерживаемымъ двумя пажамъ, и имѣлъ на головѣ парикъ временъ Людовика XIV. Впереди лорда канцлера шли два напудренные камерлакея (bearers); одинъ изъ нихъ несъ великолѣпный канцлерскій жезлъ, украшенный брилліантами и изумрудами, а другой несъ канцлерскій кошелекъ. Жезлъ (mace) и кошелекъ (purse) составляютъ внѣшніе атрибуты званія лорда канцлера. Въ этомъ кошелькѣ хранится, или по крайней мѣрѣ предполагаютъ, что въ немъ хранится государственная печать (Great Seal), такъ какъ лордъ канцлеръ есть, какъ извѣстно, главный ея хранитель. Въ случаѣ присутствія королевы въ парламентѣ лордъ канцлеръ держитъ кошелекъ въ своей рукѣ, какъ эмблему своего званія. Кромѣ жезла и кошелька лордъ канцлеръ имѣетъ и другія внѣшнія привилегіи. Такъ между прочимъ лордъ канцлеръ пользуется правомъ сидѣть и не снимать шляпы во время процессіи принятія присяги принцемъ валлійскимъ (т. е. наслѣдникомъ престола) и другими членами королевской фамилии, также, какъ и во время принятія присяги перами. Когда лордъ меръ является 9-го ноября въ высшій судъ справедливости и приглашаетъ лорда канцлера на обѣдъ въ Гильдголь, то лордъ канцлеръ остается съ покрытою головою и не даетъ на это приглашеніе никакого отвѣта.

Вслѣдъ за Кемпбелемъ шель предсѣдатель суда королевской скамьи лордъ Кокборнъ. На немъ была черная ряса съ бѣлыми мѣховыми обшлагами и огромный напудренный парикъ. Пажъ поддерживалъ его шлейфъ; ученый судья, видя

(*) Нынѣ умершій.

димо тяготившийся всѣмъ этимъ парадомъ, старался пройти черезъ залу какъ можно скорѣе.

Вслѣдъ за Кокборномъ шелъ предсѣдатель суда тяжбы Эрль въ томъ же костюмѣ, но предсѣдатель суда казначейства лордъ баронъ Поллокъ по неизвѣстной намъ причинѣ не присутствовалъ при открытіи вестминстерскихъ судовъ.

Затѣмъ шли Master of the Rolls и вице канцлеры судовъ справедливости въ черныхъ позолоченныхъ мантияхъ. За ними шли судьи 3-хъ высшихъ судовъ общаго закона, а именно члены суда *Queen's Bench*: Уайтменъ (Wightman), шотландецъ Гиль (Hill), Кромптовъ (ирландецъ) и Блэкборнъ; члены суда *Exchequer Chamber*: баронъ Мартинъ (ирландецъ по происхожденію, котораго такъ хвалили мои вестминстерскіе знакомцы; онъ женатъ на дочери лорда Поллока), Ченнелъ (Channell), Уайльдъ (Wilde), Уайльсъ (Willes) (ирландецъ) и Китингъ (ирландецъ); члены суда *Common Pleas*: Брамвелъ, Байльсъ и Уильямъ (Williams) и наконецъ судья *Court of Probate*—Кресвелъ (*). Всѣ судьи были одѣты въ черныя мантии и имѣли на головахъ огромные напудренные парики. Въ этотъ день засѣданіе было *in banco*, т. е. въ полномъ составѣ. Я зашелъ въ судъ королевской скамьи, гдѣ подъ предсѣдательствомъ Кокборна засѣдали Уайтменъ, Гиль, Кромптовъ и Блэкборнъ. При входѣ въ судъ всѣ судьи поклонились на 3 стороны, и затѣмъ началась столь извѣстная процедура.—Въ Вестминстеръ снова явились Токинсъ, Эдвинъ Джемсъ, Серженъ Парри и другіе болѣе или менѣе извѣстныя читателямъ знаменитости англійской адвокатуры.

М. ЗАРУДНЫЙ.

(*) Изъ этого списка видно, что сполна половина англійскихъ судей ирландцы и шотландцы. Лордъ канцлеръ и лордъ Поллокъ также шотландцы.

Нѣсколько словъ объ англійскихъ судебныхныхъ школахъ. (Inns of Court). Въ бытность свою осенью 1860 года въ Кембриджѣ я имѣлъ въ виду остаться тамъ по крайней мѣрѣ нѣсколько недѣль, чтобы послушать лекціи англійскаго гражданскаго и уголовного права. Но намѣреніе мое не могло осуществиться по той простой причинѣ, что въ кембриджскомъ, какъ и въ оксфордскомъ, университетахъ не существуютъ кафедры гражданскаго и уголовного права. Кембриджскій и оксфордскій университеты учреждены были съ цѣлю распространенія въ Англій классическаго образованія и приготовленія образованныхъ людей для церкви. Цѣль этихъ университетовъ болѣе *общая*, чѣмъ *спеціальная*, и потому въ нихъ получается только *предварительное общее* образованіе, которое по обычаю признано необходимымъ для всякаго образованнаго человѣка вообще, и для духовнаго лица въ особенности. По окончаніи курса, каждому студенту предоставляется право держать экзаменъ изъ какого либо одного имъ избраннаго предмета. Такъ, между прочимъ, студентъ, предназначающій себя на службу юстиціи, держитъ экзаменъ изъ законовъ (Law). Но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что требуемый въ Кембриджѣ или Оксфордѣ отъ юриста экзаменъ вовсе не такъ обширенъ, какъ въ германскихъ или нашихъ русскихъ университетахъ. Отъ англійскаго студента, желающаго получить степень бachelora законовъ, требуются лишь слѣдующіе предметы: 1, исторія англійской конституціи Галлама (*Hallam's «Constitutional History of England»*); 2, основныя начала международнаго права Ветона (*Wheaton's «Elements of International Law»*) и 3, основныя начала англійскаго законодательства по Блэкстону (*Some modern Edition of Blackstone's commentaries on the elements of the laws of England*). Кромѣ того желающій получить степень бachelora правъ долженъ выдержать экзаменъ изъ институтовъ Гая и Юстиніана и перевести какую либо изъ рѣчей Цицерона. Желающіе получить степень «Master» или доктора правъ должны представить особенную спе-

дѣльную диссертацию по какому либо предмету права, какъ это дѣлается и въ другихъ европейскихъ университетахъ.

Вообще говоря, въ университетѣ юристъ получаетъ только предварительное образованіе, но студентъ, желающій поступить въ сословіе адвокатовъ, долженъ прежде выслушать курсы въ такъ называемыхъ «Inns of Court» или судебныхъ школахъ. Такихъ школъ считается 4, и никто не можетъ быть адвокатомъ, не будучи прежде въ какой-либо изъ этихъ школъ. Туда опредѣляются молодые люди не моложе 21 года отъ роду, и притомъ какъ окончившіе курсы въ университетахъ, такъ и получившіе предварительное образованіе дома или въ какой-бы то ни было частной школь. — Судебныя школы находятся въ Лондонѣ и извѣстны подъ названіемъ: «1, Inner Temple, 2, Middle Temple, 3, Lincoln's Inn и 4, Gray's Inn».

Всѣ 4 школы составляютъ одну корпорацію и дѣйствуютъ совокупно въ видахъ приготовленія къ адвокатурѣ образованныхъ юристовъ. Онѣ могутъ быть разсматриваемы какъ *центральный юридическій факультетъ* англійскихъ университетовъ. — Школы управляются совѣтомъ, состоящимъ изъ извѣстнѣйшихъ членовъ англійской адвокатуры (members of the English Bar), которыхъ въ 1858 году считалось 3080 адвокатовъ и 28 «Serjeants at Law (*)». Кромѣ того въ каждой школь существуетъ особый комитетъ (Committee or Council), состоящій изъ 8 членовъ (Benchers), исполняющихъ эту обязанность въ продолженіи 2-хъ лѣтъ и наблюдающихъ за примѣненіемъ издаваемыхъ совѣтомъ правилъ. — Въ школахъ учреждены 5 кафедръ, называемыхъ «readerships» или «professorships», именно: 1) юриспруденціи и гражданскаго права; 2) права по имуществамъ (the law of real property); 3) обычнаго права; 4) Equity, и 5) основныхъ законовъ и исторіи законодательства (Constitutional Law and legal history). — Профессора или преподаватели (readers) избираются совѣтомъ на 3 года изъ числа юристовъ практиковъ

(*) Высшая степень адвоката.

Каждый студент вносит, при поступлении, въ капиталъ общества 5 гиней (гиней составляетъ 1 ф. и 1 шил.) и можетъ слушать всѣ пять предметовъ. Капиталь, образуемый изъ этихъ денегъ, распределяется ежегодно и равномерно между всѣми 5 преподавателями, которые кромѣ того получаютъ еще ежегодно стипендію въ 100 гиней. Учебный годъ въ школахъ раздѣляется на три термина: 1.) отъ 1 ноября до 22 декабря, 2.) отъ 11 января до 30 марта: 3.) отъ 15 апрѣля до 31 юля. Студентъ не можетъ поступить въ сословіе адвокатовъ, если онъ не пробудетъ 12 терминовъ въ школахъ, или не прослушаетъ въ продолженіи цѣлаго года лекцій двухъ преподавателей или, наконецъ, не выдержитъ публичнаго экзамена. Публичный экзаменъ бываетъ 3 раза въ годъ и дѣлается 5 преподавателями въ присутствіи 2 или болѣе членовъ совѣта. Выдерживающій такой экзаменъ получаетъ свидѣтельство или удостовѣреніе въ томъ преподавателей и затѣмъ поступаетъ въ сословіе адвокатовъ.

Впрочемъ изъ этаго правила допускается исключеніе для лицъ, получившихъ степени бечелора или доктора правъ въ какомъ-либо изъ университетовъ. Такъ какъ лица, получившія подобныя степени, имѣютъ обыкновенно обширныя юридическія свѣдѣнія, то они на практикѣ не подвергаются новому экзамену въ Inns of Court, но вносятъ только слѣдующія съ каждаго студента деньги въ капиталъ общества и должны присутствовать при общемъ обѣдѣ въ залѣ совѣта 3 раза во время какого-либо термина. Подобные обѣды представляютъ остатокъ древнихъ формальностей и сопряжены съ довольно забавными церемоніями. Вновь опредѣленный въ Inns of Court входитъ въ залу въ сопровожденіи 3 или 4 членовъ совѣта (Benchers), и, остановясь посреди залы, долженъ поклониться сперва на всѣ 4 стороны и потомъ каждому изъ сопровождавшихъ его членовъ. Затѣмъ ему подаютъ стаканъ вина, за которымъ слѣдуютъ новые поклоны; между блюдами поклоны опять возобновляются и вообще процессія обѣда сопряжена съ самыми странными и забавными обрядами. Такъ какъ пре-

бываніе студента, окончившаго курсъ въ университетѣ, въ Inns of Court ограничивается тремя обѣдами, то студенты, предназначающіе себя къ адвокатурѣ, обыкновенно говорятъ, что они должны прежде «съѣсть обѣду» (eat the dinner) въ школахъ. Это выраженіе, усвоенное обычаемъ, приводило меня въ большое недоумѣніе.

Въ Кембриджѣ я неоднократно слышалъ это выраженіе и понялъ его только послѣ объясненія студентовъ. Обѣды обходятся вновь поступающему довольно дорого, такъ какъ онъ долженъ внести притомъ въ капиталъ общества сумму отъ 100 до 150 гиней.

При 4-хъ Inns of Court состоятъ еще 9 Inns of Chancery, въ которыхъ образуются юристы, предназначающіе себя къ адвокатурѣ въ судахъ справедливости (Equity) (*), Члены Inns of Court не могутъ заниматься практикою въ судахъ справедливости (Equity) безъ разрѣшенія Inns of Chancery и обратно, члены этихъ послѣднихъ не могутъ заниматься практикою въ судахъ общаго закона (Common Law) безъ разрѣшенія Inns of Court. Вообще между этими двумя обществами въ настоящее время не существуетъ почти никакихъ сношеній. Два Inns of court (Inner и Middle Templ) помѣщаются въ Темплѣ въ улицѣ, называемой *Fleet Street*. Зданіе Темпля замѣчательно по своей архитектурѣ и по красотѣ мѣстоположенія. Оно выстроено на возвышенномъ мѣстѣ и выходитъ съ одной стороны на упомянутую улицу, а съ другой на Темзу. Прекрасный садъ и великолѣпная церковь постоянно привлекаютъ въ Темплъ большія толпы любопытныхъ

М. ЗАРУДНЫЙ.

Убийства велѣдствіе нищеты. Въ Дублинѣ въ южной Кемберландской улицѣ въ четвертомъ этажѣ жилъ

(*) 1, Clifford's Inn; 2, Clement's Inn; 3, Lyon's Inn; 4, New Inn; 5, Straup Inn; 6, Furnival's Inn; 7, Thavies Inn; 8, Staple Inn; и 9, Barnad's Inn,

нѣкто Джонъ Моллей съ женою, двумя дѣтьми и невѣсткой. Прежде онъ былъ сторожемъ въ гостинницѣ въ Брейѣ, но нѣсколько времени тому назадъ лишился этой должности и съ тѣхъ поръ былъ безъ мѣста. Слѣдствіемъ этого была крайняя бѣдность, такъ что имъ приходилось закладывать бѣлье и другія вещи, чтобы не умереть съ голода. Въ числѣ прочаго были заложены и воротнички отъ рубашекъ. Одѣваясь однажды, Моллей не находилъ воротничка, который, какъ ему казалось, долженъ былъ быть у него. Вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ, Моллей сдѣлался до такой степени раздражительнымъ, что когда невѣстка сдѣлала ему какое то замѣчаніе на счетъ воротничковъ, то онъ пришелъ въ ярость, схватилъ кочергу и нанесъ ею невѣсткѣ глубокую рану въ лѣвый високъ. Она бросилась отъ него внизъ по лѣстницѣ. Жена старалась успокоить его, но онъ и ее сталъ бить кочергою и нанесъ и ей раны въ голову и другія части тѣла. Послѣ отчаяннаго сопротивленія она вырвалась на улицу съ крикомъ: рѣжутъ. Этимъ не ограничилось бѣшенство Моллея. Двое его дѣтей, изъ которыхъ младшему было только два года, попались ему подъ руку. Онъ схватилъ младшаго и перерѣзалъ ему горло, такъ что голова совсѣмъ отдѣлилась отъ туловища. Потомъ бросился на старшаго и хотя нанесъ ему смертельную рану, но смерть послѣдовала не въ ту же минуту. Вслѣдъ за тѣмъ несчастный, прійдя въ себя, сталъ звать на помощь и горько плакать. Полиція тотчасъ явилась и взяла его подъ стражу безъ малѣйшаго съ его стороны сопротивленія. Онъ вполне сознался въ своей винѣ, а на другой день, коронеръ, докторъ Уайтъ освидѣтельствовали тѣла дѣтей. Старшій мальчикъ умеръ, только что его привезли въ больницу. Жена и невѣстка были также отправлены въ госпиталь, но жизнь ихъ находилась внѣ опасности. Моллей, находясь въ полиціи, былъ очень блѣденъ, но въ совершенно нормальномъ состояніи духа, записывалъ показанія свидѣтелей и самъ спрашивалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Свидѣтелями явились теща Моллея, его невѣстка, констэбль и его ближайшій сосѣдъ по квар-

тирѣ, одинъ фельдшеръ. Теща Моллея показала: что знакома съ Моллеемъ три года, что онъ женатъ на ея дочери, отъ которой имѣлъ еще до женитьбы троихъ дѣтей. Два мальчика жили съ нимъ, а третій ребенокъ, пятимѣсячная дѣвочка находилась у матери Моллея въ Брейѣ. Жили они въ большой бѣдности, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ лишился мѣста, но съ женой жилъ онъ дружно. Въ продолженіе этихъ трехъ лѣтъ знакомства съ Моллеемъ, она имѣла часто случаи видѣть его, но никогда не замѣчала въ немъ поступковъ, которые заставляли бы предполагать въ немъ помѣшательство. Жена подсудимаго жила иногда въ услуженіи, и на то время ея мать брала дѣтей къ себѣ. Супруги Моллей заботились о дѣтяхъ и всегда помогали въ ихъ содержаніи. Хорошо ли обвиняемый обращался съ дѣтьми, этого свидѣтельница не знаетъ. Но между женой и мужемъ она не только не слыхала никогда дурнаго слова, но даже не видала недобраго взгляда. Моллея она никогда не видала пьянымъ и не замѣтила даже никогда слѣдовъ пьянства.

Сосѣдъ Моллея показалъ, что къ нему прибѣжала мистриссъ Моллей въ слезахъ и вся въ крови, держась рукой за затылокъ и просила его пойти къ нимъ и взять дѣтей. Онъ постучался въ дверь. Моллей отворилъ настежь. Между тѣмъ сосѣдъ слышалъ слова: «покажитесь-ка негодные», и дѣтскій крикъ. Въ щелку онъ увидѣлъ одного ребенка, лежащаго на полу, другаго не видалъ. Самаго Моллея тоже не было видно, видны были только его ноги безъ башмаковъ. Сосѣдъ не вошелъ въ комнату, потому что боялся войти; вернулся къ мистриссъ Моллей, завернулъ ей голову шалью и отвезъ къ доктору. Потомъ, встрѣтивъ полицейскаго сержанта, рассказалъ ему о случившемся и привелъ его къ дверямъ комнаты. Констабль показалъ, что когда онъ подходилъ къ квартирѣ Моллея, то слышалъ восклицанія «неужели никто не поможетъ мнѣ!»

Когда онъ былъ уже близко дверей, то увидалъ чело-
вѣка, который стоялъ на порогѣ и громко кричалъ. На немъ

было какое то старое рубище, сверхъ рубашки и панталонъ, Увидя констэбля онъ вошелъ въ комнату и остановился передъ лежащимъ на полу ребенкомъ, у котораго изъ горла лила кровь; подлѣ, на полу лежалъ окровавленный ножъ. Моллей умолялъ подать помощь ребенку и, ломая руки, говорилъ: «ахъ я несчастный, несчастный». Другой ребенокъ, моложе, лежалъ поодаль. По медицинскому освидѣтельству оказалось, что Моллей подверженъ по временамъ помѣшательству; на семь основаніи присяжные освободили его отъ суда.

Другой, подобный этому случай, въ Лондонѣ, разсматривался на дняхъ въ центральномъ уголовномъ судѣ. Мэри Гамильтонъ, женщина 37 лѣтъ, ночью въ 12 часу, подошла на улицѣ къ констэблю и спросила у него, гдѣ полицейскій домъ (свѣзжая)? Что вамъ тамъ нужно? спросилъ ее констэбль. Мнѣ надо отдать себя подъ стражу, потому что убила своего ребенка. «Когда, гдѣ и какъ»? Сегодня вечеромъ въ 6 часовъ, въ Ребека Коуртъ, я задавила его черной тесемкой. Почему же это сдѣлали? «Изъ нужды, я не могла далѣе видѣть, что ему ѣсть нечего». Констэбль пожалѣлъ о случившемся и спросилъ снова, правда-ли что она рассказала. Она подтвердила свой рассказъ и сказала, что то былъ 10 мѣсячный мальчикъ, Констэбль отвелъ ее въ полицейскій домъ, а самъ пошелъ къ ней на квартиру. Въ комнатѣ всего былъ только одинъ матрасъ, на которомъ лежали двое дѣтей: дѣвочка лѣтъ двухъ живая, но въ параличѣ, и мальчикъ мѣсяцевъ 10, удушенный черною тесемкою. Они были покрыты коленкоровою простынею. Констэбль отвезъ обоихъ дѣтей въ рабочій домъ и когда вернулся къ подсудимой въ полицію, она снова подтвердила свой рассказъ, прибавивъ, что не убила дѣвочки, потому что она была въ параличѣ. За тѣмъ постоянно она была очень грустна Констэбль прибавилъ, что когда онъ увидѣлъ Гамильтонъ въ первый разъ, она была въ отчаяніи и казалось не понимала что дѣлаетъ. Изъ свидѣтелей, главнѣйшимъ была свекровь Мэри Гамильтонъ, показавшая, что ея сынъ былъ ремесломъ—портной; очень трудолюбивый человекъ, но послѣдніе два года, за не-

имѣнiемъ работы и за болѣзнію старшаго ихъ ребенка, они жили въ крайней нищетѣ. Мэри Гамильтонъ всегда была очень тихая и смиренная женщина, но въ послѣднее время была довольно странная, впадала въ меланхолю и отчаяніе, такъ что часто отъ нея нельзя было добиться отвѣта. Разъ она отправилась съ умершимъ малюткой въ Сиденгамъ, бродила тамъ всю ночь, Богъ знаетъ зачѣмъ. Въ послѣднее время они часто по цѣлымъ днямъ ничего не ѣли и это усиливало отчаяніе и меланхолю.

Докторъ, вскрывавшій трупъ ребенка, удостовѣрилъ, что смерть послѣдовала отъ удушенія.

Защитникъ подсудимой, Слей, обращалъ вниманіе присяжныхъ на отчаянную нищету, которая была причиною совершенія преступленія и говорилъ, что нѣтъ никакого сомнѣнія, что разумокъ Мэри Гамильтонъ былъ поврежденъ вслѣдствіе ужаснаго ея положенія и что поэтому ей нельзя вѣнчать совершеннаго ею преступленія.

Судья, баронъ Мартинъ, въ своемъ резюме присяжнымъ говорилъ, что они знаютъ, что бѣдность не можетъ служить извиненіемъ для совершенія подобнаго преступленія, но что если показанія свекрови Гамильтонъ убѣждаютъ ихъ въ томъ, что нищета разстроила разумокъ несчастной и лишила ее способности различать добро отъ зла, то они имѣютъ полное право оправдать ее. На основаніи этихъ соображеній присяжные немедленно оправдали ее, а судья въ заключеніе объявилъ, что Гамильтонъ будетъ задержана нѣкоторое время (*during Her Majesty's pleasure*) и что о ея будущности озаботятся.

Если въ послѣднемъ случаѣ показанія свекрови были приняты основаніемъ для постановленія приговора присяжныхъ, а въ первомъ показанія тещи Моллея, утверждавшей, что ея зять былъ и есть совершенно здоровъ умомъ, — отвергнуты и приговоръ основанъ на показаніи докторскомъ, которое впрочемъ по англійскому судопроизводству не имѣетъ никакого преимущества противъ показаній обыкновенныхъ свидѣтелей,

то не служатъ-ли оба эти факта лучшимъ подтвержденіемъ того мнѣнія, что при существованіи строгихъ уголовныхъ законовъ, большое количество преступленій остается безнаказаннымъ? Присяжные, входя въ разсмотрѣніе побудительныхъ причинъ, всегда стараются отыскать оправдывающія причины и, при невозможности измѣнить обвиненія, освобождаютъ совершенно отъ наказанія. Да и самые судьи, (какъ напр., баронъ Мартинъ), понимая хорошо побудительныя причины къ совершенію извѣстнаго факта, стараются навести присяжныхъ на оправдательный приговоръ. Хотя очевидно, что и Моллей и Гамильтонъ совершили преступленія, но можетъ-ли рука судьи подняться къ подписанію смертнаго приговора: оба обвинялись въ предумышленномъ убійствѣ, за которое по англійскимъ законамъ полагается смертная казнь.

Новое смягчающее вину обстоятельство.

Нѣкая г-жа Тьебо всячески старалась избавиться отъ возлюбленной своего мужа. Но ни просьбы, ни представленія никакъ не помогали ей, такъ что г-жа Тьебо въ отчаяніи напала разъ на свою соперницу, рвала ей волосы, а потомъ какъ-то подстеревши ее, вылила ей въ лицо склянку купороса и навсегда обезобразила ее. За это послѣднее обстоятельство, ее судъ совершенно оправдалъ, а за рванье волосъ она была приговорена въ двухъ инстанціяхъ къ 5 франкамъ пени на томъ основаніи, что «она находилась въ деликатномъ положеніи». Это смягчающее вину обстоятельство совершенно новаго изобрѣтенія.

Новый проектъ бельгійскаго закона объ одиночномъ заключеніи. (Изъ Миттермайера).

Бельгійское министерство предложило 7 декабря 1860 проектъ уголовного закона, который заслуживаетъ потому уже вниманія, что въ Бельгии сдѣлано много важнаго по части

улучшенія тюремъ, особенно же по части распространенія одиночнаго заключенія. Сверхъ того этотъ проектъ заслуживаетъ и потому еще вниманія, что улучшеніемъ тюремъ занимается г. Дюкпесю, который и какъ генераль-инспекторъ тюремъ и какъ писатель оказалъ важныя услуги по этой части.

Въ общемъ отдѣлѣ проекта уголовного уложенія 1853, одобреннаго палатами, въ статьѣ 21 говорится, что каждый приговоренный къ каторжнымъ работамъ, или исправительному дому, долженъ быть заключенъ въ отдѣльную келью. Подобное же постановленіе содержится и въ статьѣ 55-й относительно приговоренныхъ къ исправительной тюрьмѣ. Въ последнее время коммисія, занимавшаяся пересмотромъ уголовныхъ законовъ, разсматривала вопросъ: какимъ образомъ привести въ исполненіе постановленія уголовного уложенія о наказаніяхъ, по коимъ полагается лишеніе свободы. Коммисія нашла, что принятая въ законахъ система тюремнаго заключенія можетъ быть введена только постепенно; что окончательное устройство исправительныхъ заведеній съ кельею системою потребуеть 10—12 лѣтъ; что въ дѣйствительности еще долго будетъ существовать проектированное кельеное заключеніе совместно съ системою общаго заключенія, и долге время еще приговариваемые къ одному и тому же наказанію будутъ подвергаться различнымъ наказаніямъ. Коммисія убѣдилась, какъ сказано въ изложеніи мотивовъ закона, что одиночное заключеніе нельзя примѣнять абсолютно потому что, напр., для осуждаемыхъ на вѣчное заключеніе, одиночное заключеніе было бы слишкомъ жестоко; сверхъ того бываетъ множество заключенныхъ, на которыхъ вслѣдствіе ихъ физическихъ, или нравственныхъ качествъ, слишкомъ долго продолжающееся одиночное заключеніе дѣйствуетъ разрушительно. Коммисія, убѣжденная въ рѣшительномъ превосходствѣ одиночнаго заключенія, предложила опредѣлить *maximum* для каждаго отдѣльнаго рода наказаній; принятый палатами проектъ закона постановлялъ (ст. 21, 34 и 35), что какъ при уголовныхъ наказаніяхъ (каторжныя работы и

смирительныя заведенія), такъ и при исправительныхъ (заключеніе въ тюрьмѣ), должно подвергать одиночному заключенію. Но коммисія признала, принявъ въ соображеніе показанія опыта (*), что было-бы слишкомъ жестоко такимъ образомъ примѣнять постановленія закона: то есть, что невозможно для *всѣхъ* преступниковъ безъ разбора, и на *все* время опредѣленнаго имъ наказанія, назначать одиночное заключеніе; въ коммисіи пришли къ убѣжденію, что въ будущемъ уложеніи, должно постановить опредѣленія только о мѣрѣ заключенія въ общей тюрьмѣ, а уже правительству должно быть предоставлено подвергать осужденныхъ одиночному заключенію, не иначе впрочемъ, какъ чтобы въ законѣ было предварительно опредѣлено отношеніе, на основаніи коего время проведенное въ одиночномъ заключеніи сокращало бы срокъ наказанія. Вслѣдствіе сего статья 38 новаго закона получаетъ слѣдующую редакцію: приговоренные къ каторжнымъ работамъ, смирительному дому, или исправительной тюрьмѣ, *могутъ* быть подвергнуты одиночному заключенію. Въ семь случаевъ опредѣляемое судомъ наказаніе уменьшается на основаніи заключающейся въ законѣ таблицы.

На основаніи этой системы суды будутъ постановлять наказанія въ предѣлахъ опредѣляемаго закономъ *minimum* и *maximum*; отъ правительства же будетъ зависѣть опредѣленіе: должно-ли осужденнаго подвергнуть одиночному заключенію или нѣтъ; при этомъ правительство должно сообразоваться съ потребностями и мѣстными обстоятельствами, физическимъ и нравственнымъ положеніемъ осужденнаго, съ его исправленіемъ; вслѣдствіе этого часто будетъ необходимо неисправимыхъ и опасныхъ преступниковъ подвергать одиночному заключенію на долѣе время. Хотя коммисія сознавала трудность совершенно правильно опредѣлить отношенія между на-

(*) Въ коммисіи заседали кромѣ обыкновенныхъ членовъ: Гг. Дюкпесіо, Флеминкъ, генераль-инспекторъ по медицинско-й части въ арміи и Бойе, директоръ тюрьмы въ Гентѣ.

казаніемъ въ общей тюрьмѣ и наказаніемъ въ одиночной кельѣ, тѣмъ не менѣе нашла средства для опредѣленія правильной системы, воспользовавшись для сего указаніями практиковъ, въ особенности же сообщеніями Дюкпесіо. Наблюденія практиковъ указываютъ, что въ отношеніи искупленія (expiation), устрашенія и исправленія, одиночное заключеніе дѣйствуетъ гораздо скорѣе и дѣйствительнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ строгость и энергія этого рода наказанія тѣмъ болѣе увеличиваются, чѣмъ продолжительнѣе келейное заключеніе. Сокращеніе наказанія должно быть, значить, пропорціонально степени строгости и энергіи этого заключенія, потому что послѣднее время нахождения въ одиночной тюрьмѣ будетъ гораздо тяжеле, нежели въ началѣ. Такимъ образомъ коммисія предлагала, что опредѣленіе судомъ наказанія уменьшается въ первый годъ на $\frac{1}{12}$, во 2, 3, 4 и 5 годы на $\frac{2}{12}$, въ 6, 7, 8, 9, 10 годы на $\frac{3}{12}$, въ 11, 12, 13 и 14 годы на $\frac{4}{12}$, и т. д. — Приговариваемые на вѣчное заключеніе должны находиться въ одиночномъ заключеніи только въ теченіи 9 лѣтъ, если только сами они не пожелаютъ остаться въ этомъ заключеніи еще долѣе. Покажемъ примѣромъ, какъ примѣнять подобное сокращеніе. Кто приговоренъ къ заключенію на 7 лѣтъ, и провелъ въ общей тюрьмѣ два года, либо въ началѣ своего заключенія, либо въ послѣдствіи, для такого преступника заключеніе въ одиночную келью, должно сократить все время его заключенія на два года, т. е. выходить, что онъ имѣетъ право на такое же сокращеніе, какъ если бы онъ былъ приговоренъ къ пяти годамъ заключенія и высидѣлъ бы все время въ одиночной кельѣ. Такимъ образомъ по таблицѣ оказывается въ первый годъ сокращеніе на 8 мѣсяцевъ, въ слѣдующіе четыре года сокращеніе на 7 мѣсяцевъ, въ слѣдующіе потомъ 5 лѣтъ сокращеніе на 6 мѣсяцевъ.

Этотъ проектъ закона вызываетъ по вопросу объ одиночномъ заключеніи на новыя серьезныя изслѣдованія. Теперь подлежитъ разсмотрѣть вопросъ о томъ: можетъ-ли быть предоставлено единственно усмотрѣнію правительства примѣненіе

одиночнаго заключенія; какія могутъ быть даны гарантіи въ томъ, что правительство благоразумно будетъ пользоваться даруемымъ ему правомъ, каковы будутъ тѣ лица, на которыхъ возложится эта обязанность, и на основаніи какихъ соображеній будетъ постановляться опредѣленіе о примѣненіи одиночнаго заключенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Въ особенности должно внимательно обсудить два пункта; во первыхъ: какой принципъ долженъ быть положенъ въ основаніе сокращенія сроковъ заключенія. Коммисія исходитъ изъ того начала, что чѣмъ продолжительнѣе срокъ одиночнаго заключенія, тѣмъ это заключеніе дѣйствительнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелѣе. Мы соглашаемся съ первымъ положеніемъ и убѣждены, что хорошо устроенное одиночное заключеніе только при извѣстной продолжительности достигаетъ цѣли и дѣйствуетъ дѣйствительно. Что же касается второй части положенія, т. е. возрастающей тяжести, по мѣрѣ продолжительности заключенія, то намъ кажется, что тутъ все зависитъ отъ индивидуальности заключеннаго. Для нѣкоторыхъ изъ заключенныхъ, не имѣющихъ въ себѣ никакой нравственной силы, или стоящихъ на послѣднихъ ступеняхъ нравственнаго развитія, или для тѣхъ, кто до того времени велъ буйную жизнь въ сообществѣ съ другими, для такихъ лицъ одиночное заключеніе будетъ невыносимо и чѣмъ долѣе будетъ продолжаться подобное заключеніе, тѣмъ болѣе они будутъ возбуждены, тѣмъ скорѣе впадутъ въ отчаяніе; между тѣмъ другіе, которые имѣютъ въ себѣ элементы для нравственнаго возвышенія, или тѣ, которые совершили преступленіе въ порывѣ страсти, а не вслѣдствіе нравственной испорченности, такія лица будутъ считать одиночное заключеніе благодѣяніемъ, а заключеніе въ общей тюрьмѣ, гдѣ они находились бы въ сообществѣ съ разными негодяями, было бы для нихъ большою пыткой. Становится понятнымъ, что при такомъ различіи индивидуальностей, правительству не легко будетъ провести начало сокращенія сроковъ заключенія

Другой пунктъ, подлежащій обсужденію, это—отношеніе

одиночнаго заключенія къ общему заключенію; тутъ главнѣйшая забота заключается въ томъ, что хорошія послѣдствія одиночнаго заключенія легко уничтожаются, когда заключенный попадаетъ послѣ того въ общую тюрьму. Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что при заключеніи въ общей тюрьмѣ должно соблюдать разныя ограниченія и модификаціи, а что это возможно, на то указываютъ опыты, дѣлаемые въ разныхъ тюрьмахъ.

Новый способъ для узнанія подлинности документа.

Недавно въ судѣ общихъ исковъ (Court of Common Pleas) производилось дѣло о взысканіи банкиромъ Окли съ Мульви Муси-Удина, Хана Багадура по заемному письму 6500 ф. стер.; письмо было совершенно формальное и Удинъ не отказывался отъ своей подписи, но только опровергалъ цифру, говорилъ что никогда не выдавалъ писемъ на такую сумму, а выдалъ всего пять писемъ по 100 ф. ст. каждое. Дѣло происходило, по его показаніямъ, слѣдующимъ образомъ: когда онъ въ 1858 г. пріѣхалъ въ Англію съ Аудскою королевою и ея сыномъ, то сему послѣднему по невысылкѣ долго изъ Индіи денегъ, пришлось дѣлать займы; Удинъ, сойдясь съ нѣкимъ Чардомъ, воспользовался его предложеніемъ и когда ему, Удину, лично понадобились деньги, то онъ просилъ у Чарда 500 ф. и выдалъ на себя пять бланковъ, только съ подписью своего имени; по условію Чардъ долженъ былъ вписать на каждую бланку заемъ въ 100 ф. стер.; въ доказательство своихъ словъ Удинъ представилъ суду свою переписку съ Чардомъ; самое любопытное въ этомъ дѣлѣ было то, что адвокатъ Хана Багадура хотѣлъ доказать, что заемныя письма были даны гораздо позднѣе самыхъ бланковыхъ подписей. Для этого знаменитый оптикъ Доллондъ разсматривалъ ихъ въ какія то особенныя увеличительныя стекла и нашель, что дѣйствительно самый текстъ заемныхъ писемъ былъ писанъ позднѣе подписей

На основаніи доказательствъ, представленныхъ истцомъ и отвѣтчикомъ, присяжные нашли, что заемное письмо въ 6500 ф. ст. было выманено Чардомъ посредствомъ обмана, но по второму вопросу: о томъ, какимъ образомъ заемное письмо попало въ руки къ Окли, т. е. зналъ-ли аторней Рой, передавшій письмо банкиру, объ обманѣ Чарда, не составилось единоголаснаго рѣшенія между присяжными и они были отпущены.

СПбГу

На основании дозвательства, представляемого исполнителем и отягченной приложением, что заемное письмо № 6500 от 1890 года выдано Рязанским губернским землемером, но по второму вопросу: о том, каковы условия займа, переданного в Рязань, т. е. каковы условия займа, переданного в Рязань, не составляющего единого займа, а представляющего собой сумму нескольких займов, и о том, каковы условия займа, переданного в Рязань, не составляющего единого займа, а представляющего собой сумму нескольких займов.

СПЕКТУ